

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
ГОУ ВПО «КРАСНОЯРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. В.П. АСТАФЬЕВА»

ВЕСТНИК
Красноярского
государственного
педагогического
университета
им. В.П. Астафьева

2007 (3)

Главный редактор:

Н.И. Дроздов

Редакционная коллегия:

В.Р. Майер, Я.М. Кофман, А.А. Баранов, А.М. Гендин, А.Ж. Жафяров,
А.И. Завьялов, Т.Г. Игнатьева, М.П. Лапчик, М.И. Лесовская, Н.И. Пак,
В.Е. Пэшко, Л.Г. Самотик, Н.Т. Селезнева, А.Н. Фалалеев, О.В. Фельде,
Т.В. Фуряева, С.П. Царев, В.П. Чеха, М.И. Шилова, Л.В. Шкерина,
С.П. Васильева (*ответственный секретарь*)

**Вестник Красноярского государственного педагогического университета
им. В.П. Астафьева. 2007 (3) / Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. – Крас-
ноярск, 2007. – 144 с.**

© Красноярский
государственный
педагогический
университет
им. В.П. Астафьева, 2007

Содержание

Бабаев Э.А. ПОЛИТИКА КАНАДЫ В ОТНОШЕНИИ СТРАН АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА В 1970-е ГОДЫ.....	5
Воробьев В.И. ВЛИЯНИЕ УРОВНЯ ГРАМОТНОСТИ СОЛДАТ НА БОЕСПОСОБНОСТЬ НАЦИОНАЛЬНЫХ АРМИЙ (НА ПРИМЕРЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ).....	12
Зберовский А.В. СОЦИАЛЬНЫЙ ПОДТЕКСТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПЕДАГОГИКИ СОКРАТА АФИНСКОГО.....	19
Зырянов М.Ю. НЕКОТОРЫЕ КЛЮЧЕВЫЕ АСПЕКТЫ СОЦИАЛИЗАЦИИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ	32
Массон Г.В. ПОНИМАНИЕ РЕАЛЬНОГО МИРА СОВРЕМЕННЫМ ПОЖИЛЫМ ЧЕЛОВЕКОМ (ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВАЯ КОНЦЕПЦИЯ).....	41
Миндибекова Л.А. МОЛОДЕЖНЫЙ РЫНОК ТРУДА: ПРОБЛЕМА ТРУДОУСТРОЙСТВА	51
Минеев В.В. В ПОИСКАХ ОСНОВАНИЙ НАУКИ: ПРОБЛЕМА РАЦИОНАЛЬНОСТИ.....	55
Рогов К.А. ПРОБЛЕМА ЗАРОЖДЕНИЯ МАРКСИЗМА В РОССИИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ	62
Рыжая Ю.Н. ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И ИНТЕЛЛИГЕНТНОСТЬ В ОЦЕНКАХ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ (ПО МАТЕРИАЛАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ).....	73
Смирнова Т.В. ОСОБЕННОСТИ ЭСТЕТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ СТУДЕНТОВ ИНЖЕНЕРНЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ В ПРОЦЕССЕ ИЗУЧЕНИЯ ОСНОВ ДИЗАЙНА	81
Устюгов М.А. ПОЛИТИЧЕСКИЙ РЕЖИМ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ	86
Штумпф С.П. ЧЕЛОВЕКРАЗМЕРНАЯ ПЕРСПЕКТИВА РАЗВИТИЯ ДУХОВНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ: ИЛЛЮЗИЯ И РЕАЛЬНОСТЬ	89
Васильева С.П. МЕНТАЛЬНЫЙ ОБРАЗ <i>ПРИРОДЫ</i> В ТОПОНИМИИ ПРИАНГАРЬЯ	96
Колпаков А.Ю. «МЁРТВЫЙ ДОМ» ДОСТОЕВСКОГО: ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ ОПЫТ КАТОРГИ.....	105
Пушкарева Н.В. ПОДТЕКСТ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ, СЕМАНТИЧЕСКИЕ ТИПЫ	115
Руднев Д.В. ИЗМЕНЕНИЯ В СПОСОБАХ ВЫРАЖЕНИЯ ПОДЛЕЖАЩЕГО И ПОЯВЛЕНИЕ НОВЫХ СВЯЗОК В XVIII ВЕКЕ	120
Шарифуллин Б.Я. РУССКИЙ АНТРОПОНИМИКОН В ЭКСПРЕССИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ	127
АННОТАЦИИ	134
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	142

Contents

E.A. Babaev CANADA'S POLICY AS REGARDS THE ASIA-PACIFIC REGION IN THE 1970-s	5
V.I. Vorobyev SOLDIERS' LITERACY LEVEL INFLUENCE ON THE COMBAT EFFECTIVENESS OF NATIONAL ARMIES (BY THE EXAMPLE OF THE FIRST WORLD WAR)	12
A.V. Zberovsky SOCIAL IMPLICATION OF SOCRATES'S POLITIKAL PEDAGOGY	19
M.Yu. Zyryanov SOME KEY ASPECTS OF SOCIALIZATION IN CONTEMPORARY RUSSIA	32
G.V. Masson THE CONCEPTION OF CONTEMPORARY REAL WORLD BY ELDERLY PERSON	41
L.A. Mindibekova YOUTH LABOR MARKET: THE PROBLEM OF JOB PLACEMENT	51
V.V. Mineyev SEARCHING FOR SCIENCE FOUNDATIONS: THE PROBLEM OF RATIONALITY	55
K.A. Rogov THE PROBLEM OF MARXISM INITIATION IN RUSSIA AS PRESENTED IN NATIVE HISTORIOGRAPHY	63
Yu.N. Ryzhaya VALUE ORIENTATIONS OF RUSSIAN STUDENTS	73
T.V. Smirnova STUDYING THE FOUNDATIONS OF DESIGNING AS A PECULIAR FEATURE OF EDUCATION FOR STUDENTS OF ENGINEERING SPECIALITIES	81
M.A. Ustyugov POLITIKAL REGIME OF CONTEMPORARY RUSSIA	86
S.P. Shtumpf HUMAN-SCALE PERSPECTIVE FOR THE DEVELOPMENT OF SPIRITUALITY IN MODERN SOCIETY: ILLUSIONS AND REALITY	89
S.P. Vasileva MENTAL REPRESENTATION OF NATURE IN THE TOPONYMY OF THE ANGARA RIVER REGION	96
A.Yu. Kolpakov DOSTOEVSKY'S ' THE HOUSE OF THE DEAD': EXESTENCIAL EXPERIENCE OF PENAL COLONY	105
N.V. Pushkareva COVERT SENSE, ITS SEMANTIC AND LINGUISTIC METHODS OF ITS IMPLEMENTATION	115
D.V. Rudnev CHANGES 1N THE WAYS OF SUBJECT EXPRESSION AND THE APPEARANCE OF NEW COPULAS IN THE XVIII CENTURY	120
B. Ya. Sharifullin RUSSIAN ANTHROPONYMICON IN EXPRESSIVE SPASE	127
ABSTRACTS	134
CREDITS	142

ПОЛИТИКА КАНАДЫ В ОТНОШЕНИИ СТРАН АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА В 1970-е ГОДЫ

Э.А. Бабаев

Одним из важнейших направлений внешнеполитической деятельности Канады 1970-х годов правительство П. Трюдо провозгласило Азиатско-Тихоокеанский регион. В правительственной Белой книге 1970-го года говорилось о том, что в этом регионе «американское влияние огромно во всех сферах, а канадские интересы в целом совпадают с американскими. Однако существует несколько важных факторов, которые диктуют проведение более самостоятельной политики. В связи с этим отмечались традиционно тесные межправительственные отношения в рамках Британского содружества, особенно с такими государствами, как Австралия, Новая Зеландия, Малайзия и Сингапур... Возможности Канады как франкоговорящей страны могут быть расширены за счет развития отношений со странами Индокитая, где французский язык остается важным элементом международного общения, а также с государствами Французской Полинезии» [Foreign... 1970 : 12]. Поэтому основные перспективы развития политических отношений связывались с работой таких международных организаций, как Содружество и Франкофония.

В первой половине десятилетия особое значение канадское руководство уделяло развитию экономического сотрудничества. Правительство П. Трюдо поставило перед собой следующие задачи в АТР, выполнение которых должно было обеспечить успешное развитие экономических связей со странами региона:

1. Способствование расширению торговых отношений.
2. Содействие свободному передвижению и обмену туристами.
3. Поощрение взаимных инвестиций.
4. Межправительственная кооперация.
5. Взаимодействие между правительством и деловыми кругами [Foreign... 1970 : 12].

Во второй половине 1970-х годов с целью достижения улучшения уровня жизни в Канаде усилия правительства по расширению экономических возможностей заметно активизировались. Причем политическая и торгово-экономическая кооперация строилась и на двусторонней основе, и с использованием международных организаций, таких как Азиатский Банк Развития. В целом же усилия правительства П. Трюдо в Азиатско-Тихоокеанском регионе были направлены на выполнение следующих задач:

1. Межправительственные консультации по ряду спорных вопросов.
2. Расширение торговых отношений.
3. Поощрение инвестиций и создание совместных предприятий.
4. Усовершенствование программ помощи развитию [Canadian... 1984 : 83–84].

Таким образом, можно отметить, что на данном направлении политика Канады преследовала исключительно экономические и гуманитарные цели. Причем главный акцент правительство П. Трюдо делало на расширение торговых связей со странами региона.

В правительственной Белой книге «Внешняя политика для канадцев» важнейшими экономическими партнерами Канады в Азиатско-Тихоокеанском регионе назывались Япония, Австралия и Новая Зеландия, а также Китайская Народная Республика.

Япония объявлялась крупнейшим рынком для канадских товаров в регионе, а также крупнейшим поставщиком. Вместе с тем отмечалась неудовлетворительная для Канады структура двусторонней торговли: канадский экспорт был ограничен поставками сырья и продовольствия, а импорт – исключительно промышленными товарами. Поэтому на 1970-е годы ставилась задача не только способствовать увеличению двусторонней торговли, но и содействовать улучшению ее структуры [Foreign... 1970 : 12].

Первые официальные контакты правительства П. Трюдо с руководителями Страны восходящего солнца состоялись еще до опубликования Белой книги в апреле 1969 года. Тогда Японию посетил министр иностранных дел Канады М. Шарп. Во время этой поездки он сделал для себя ряд важных выводов, которыми поделился по возвращении на Родину. «Иностранцам прорваться на японский рынок, – отметил М. Шарп, – очень сложно. Помню, японцы сказали мне: "Когда мы хотим войти на североамериканский рынок, нам советуют учиться говорить по-английски". Я думаю это правильная позиция. Если мы намереваемся прорваться на рынок Японии, мы должны стать как японцы. Японцы привлекают канадских консультантов и экспертов по маркетингу и следуют их советам» [Pringsheim 1983 : 151].

В следующем году Японию посетил с официальным визитом П. Трюдо. Формальным поводом к визиту премьер-министра Канады стало приглашение лидеров ряда промышленно развитых государств на выставку «Экспо-70», проходившую в Осаке. П. Трюдо решил использовать визит с максимальной пользой для налаживания диалога со своим японским коллегой и деловой элитой Японии. На торжественном ужине, который дал премьер-министр Японии в честь руководителей иностранных государств, он выступил с тщательно подготовленной речью. Причем в выступлении П. Трюдо не стал подробно останавливаться на рутинных вопросах, а затронул темы, представляющие животрепещущий интерес для японской стороны. Так, он осветил свой взгляд на современные проблемы молодежи в мире, а также угрозу терроризма.

Итоги этого визита в Канаде были оценены очень высоко, и в комментариях зазвучала уверенность в том, что у канадо-японских отношений хорошие перспективы. И действительно, в 1970-е годы уровень двусторонних отношений был возведен на небывалую высоту по всем направлениям – политическому, экономическому и культурному.

С конца 1970 года начался этап активного обмена официальными и деловыми делегациями между Канадой и Японией. Так, в декабре 1970 года Японию посетила представительная канадская делегация во главе с министром энергетики и ресурсов Канады Д. Грином. Во время визита Д. Грин сказал японским

партнерам, что для гарантированного доступа к канадскому сырью не обязательно стремиться к контролю над ресурсными корпорациями, его производящими. Министр предложил покупать небольшие пакеты акций и участвовать в управлении холдингами. Д. Грин также высказал надежду, что соображения защиты окружающей среды побудят японцев активнее приобретать обработанное сырье и полуфабрикаты [Pringsheim 1983 : 151].

В январе 1972 года Японию посетила очередная канадская делегация во главе с министром промышленности и торговли Ж.-Л. Пепином. На пресс-конференции в Токио он заявил, что миссия, которую он возглавляет, является самой представительной экономической миссией, которую Канада когда-либо посылала. В своей речи министр подробно осветил цели канадской делегации: «Мы здесь для того, чтобы продвигать канадскую продукцию и увеличивать наши экспортные поставки на ваш рынок. Конечно, мы хотим увеличить объем нашего экспорта, но мы также и хотим улучшить его структуру. Мы намерены продолжать продавать вам промышленное сырье и продовольствие. Вместе с тем мы хотим расширить номенклатуру нашего экспорта за счет увеличения доли промышленных изделий» [Canadian... 1984 : 83–84].

Получив такой мощный импульс, канадо-японская торговля стала быстро расти и уже в следующем году по абсолютным показателям превысила торговлю канадо-британскую. С этого времени в среде канадской политической элиты Японию стали воспринимать в качестве реального противовеса экономическому доминированию США.

В сентябре 1974 года Канаду с официальным визитом посетил премьер-министр Японии К. Танака. Японский лидер заявил в Оттаве, что его страна в принципе готова стать экономическим противовесом Соединенным Штатам. Вместе с тем к неудовольствию своего канадского коллеги К. Танака признал, что Япония заинтересована в получении исключительно промышленного сырья и продовольствия. Итоговое коммюнике переговоров содержало такое новое положение, как выделение по 1 млн. долл. каждой стороной на программу развития академических связей. Эти ассигнования предполагалось направить на обеспечение канадских исследований в Японии и японских – в Канаде. П. Трюдо и К. Танака заявили о том, что с этого момента началась новая эра двусторонних отношений, так как к тому времени объем двусторонней торговли превысил 3,6 млрд. долл. [Канада... 1979 : 369].

В октябре 1976 года П. Трюдо нанес ответный официальный визит в Японию. Главной целью премьер-министра Канады на этот раз стало подписание двух важнейших документов: Соглашения об экономическом сотрудничестве и Канадо-японского соглашения по культуре. Первый документ предполагал осуществление мер по созданию взаимовыгодной торговой кооперации.

Соглашение об экономическом сотрудничестве содержало ряд договоренностей, направленных на «устранение препятствий в торговле, расширение их коммерческих операций, совместную работу в рамках ГАТТ, ликвидацию проблем доступа на рынок друг друга, поощрение промышленной кооперации, создания совместных предприятий и обмена информацией» [Framework... 1976].

Директор Азиатско-Тихоокеанского департамента министерства иностранных дел Канады Р. Роджерс, выступая в парламенте, сравнил подписание этого до-

кумента по важности с подписанием Общего соглашения об экономическом сотрудничестве между Канадой и ЕЭС. «Переговоры, – отметил Р. Роджерс, – проходили по трем основным направлениям:

1. Развитие торговли.
2. Развитие экономической кооперации.
3. Совещательные структуры» [Pringsheim 1983 : 183].

Во время визита в Японию П. Трюдо, думая об улучшении экспортно-импортно-структуры двусторонней торговли, также стал убеждать японцев импортировать из Канады не только промышленное сырье, но и полуфабрикаты, производство которых требует больших энергозатрат и способствует загрязнению окружающей среды (в частности, черные и цветные металлы). В результате премьер-министр Канады настоял на том, чтобы в тексте коммюнике по итогам визита содержалось согласие правительств двух стран с тем, что «намерение Канады углублять обработку сырья может принести взаимную пользу».

Значительное внимание было уделено и сотрудничеству двух государств на международной арене. В совместном коммюнике лидеры Канады и Японии единодушно высказались за нераспространение ядерного оружия, за полное прекращение ядерных испытаний, против использования силы и угрозы применения силы, а также за возобновление диалога между КНДР и Южной Кореей с целью улучшения их отношений [Canadian... 1984 : 84–85].

Канадо-японское соглашение о культуре предусматривало, что усилия правительств двух стран будут направлены на поощрение контактов в сфере образования, профессиональных союзов и изучения языков двух стран. Оно предполагало выделение грантов на академические исследования, продвижение книг, радиопрограмм, фильмов, выставок, концертов, фестивалей, а также расширение туристического обмена [Канада... 1979 : 369–370].

В результате реализации первого соглашения, а также специальных соглашений с японскими металлургическими фирмами Канаде в 1976–1978 годах впервые в своей истории удалось добиться положительного сальдо в торговле углем. Более того, в создание современной угольной промышленности Канады значительный вклад внесли и японские инвестиции: в активах большинства канадских угледобывающих компаний в той или иной степени присутствует японский капитал [Алехин, Комкова 1986 : 172].

В целом Соглашение об экономическом сотрудничестве и Канадо-японское соглашение по культуре к концу 1970-х годов подняли уровень развития канадо-японских отношений на небывалую высоту, особенно в политической сфере. Что касается экономики, то ситуация здесь не была однозначной. С одной стороны, налицо весьма значительный рост объемов двусторонней торговли. Так, с 1970 по 1980 год канадский экспорт в Японию увеличился с 810 до 4370 млн. долл., импорт из Японии – с 582 до 2792 млн. долл., а объем торговли – с 1395 до 7162 млн. долл. То есть за десятилетие произошел пятикратный рост по всем направлениям. С другой стороны, структура как канадского, так и японского экспорта осталась практически неизменной: ведущей статьёй канадского экспорта продолжал оставаться уголь, стоимость поставок которого за обозначенный период увеличилась с 56,7 до 589 млн. долл.; ведущей статьёй японского экспорта оставались автомобили, стоимость которых возросла с 78 до 589 млн. долл. [Pringsheim 1983 : 210–215].

В торговых отношениях Канады с Австралией и Новой Зеландией структура изначально была благоприятной: около 85 % канадского экспорта в эти страны составляли поставки готовых изделий и полуфабрикатов. Поэтому правительство П. Трюдо объявило Австралию и Новую Зеландию принципиально важными рынками для Канады, хотя абсолютные показатели двусторонней торговли были невысоки: в 1969 году товарооборот между Канадой и Австралией составлял 261 млн. долл., а между Канадой и Новой Зеландией – 78 млн. долл. [Foreign... 1970 : 15].

Начало сотрудничества Канады с Австралией уходит корнями во времена Британской колониальной империи. Развитию торгово-экономических связей способствовала система имперских преференций, которая позволяла вести беспошлинную торговлю не только между Великобританией и доминионами, но и между самими британскими доминионами.

В 1970-е годы представители двух государств продолжали использовать инструменты Британского содружества для улучшения отношений, особенно торгово-экономических. Так, на конференции глав государств Содружества, проходившей в апреле-мае 1975 года, канадская и австралийская делегации обсудили широкий круг вопросов, таких как проблемы сбыта минерального сырья и готовой продукции в целях обеспечения более благоприятных условий [Мартынов, Русакова, 1978 : 256].

Правительственная Белая книга 1970 года по поводу этого региона отмечала, что «экспортные поставки в будущем будут зависеть не только от промышленной политики этих стран, но и от возможного вступления Великобритании в Европейское экономическое сообщество. Такое развитие событий может нанести ущерб сложившейся системе торговых преференций в рамках Содружества [Foreign... 1970 : 16–17].

Следуя курсу на диверсификацию своих внешних связей, правительство П. Трюдо попыталось активизировать развитие двусторонних отношений с Австралией и Новой Зеландией. Канадский премьер-министр провел несколько встреч с коллегами из этих стран как в рамках Британского содружества, так и на двусторонней основе.

Однако руководство Австралии не разделяло полностью идеи о необходимости укрепления двусторонних связей. Дело в том, что с 1972 года лейбористское правительство страны стало проводить в отношении иностранного (в том числе и канадского) капитала политику «австрализации». Наибольшим ограничениям в 1970-е годы подверглись иностранные капиталовложения в горнодобывающем секторе экономики. Австралийское правительство объявило о намерении добиться 100 % австралийской собственности в новых проектах по добыче урана, нефти, газа и каменного угля. В отношении других видов сырья вводилось правило 50 %-ного участия австралийского капитала в новых проектах [Австралия... 1984 : 72–85].

Поэтому же, на наш взгляд, несмотря на неоднократные попытки правительства П. Трюдо переломить ситуацию, расширения торговых связей Канады со странами региона в этот период не произошло. Наоборот, доля рынка Австралии и Новой Зеландии в экспорте Канады сократилась с 1,5 % в 1970 году до 1,1% в 1977 году, в импорте с 1,4 до 1,0 % соответственно [Канада... 1979 : 324].

Большие надежды на расширение канадского экспорта правительство П. Трюдо связывало также с китайским рынком. Хотя показатели товарооборота Канады с КНР были скромные (в 1969 году – менее 150 млн. долл.), Китайская Народная Республика являлась крупнейшим рынком для канадской пшеницы с большими перспективами для наращивания двусторонних торговых связей. Для увеличения экономических показателей правительство Канады было готово пойти на улучшение политических отношений. Так, в Белой книге «Внешняя политика для канадцев» упоминались возможность установления дипломатических отношений между Канадой и КНР, а также обещание открыть в Пекине канадское посольство [Foreign... 1970 : 15, 19].

Первые контакты, призванные подготовить почву для осуществления дипломатического прорыва, начались еще в 1969 году. Попытка китайских представителей добиться от Канады признания своего суверенитета над Тайванем потерпела неудачу. Канадские представители согласились лишь зафиксировать позицию КНР по этому вопросу в официальном коммюнике об установлении дипломатических отношений в октябре 1970 года. По словам П. Трюдо, «признание правительства не обязательно означает признания всех территориальных требований.... Я думаю, что если какая-либо страна пожелает признать Канаду, мы не будем требовать от нее, чтобы она признавала наш суверенитет, например в Арктике» [Trudeau, Head 1995 : 224].

Обещание о нормализации отношений с Китаем было выполнено в октябре 1970 года, когда Канада установила дипломатические отношения с Китайской Народной Республикой.

Министр иностранных дел М. Шарп, который принимал непосредственное участие в этом процессе, возвратившись в Канаду, в парламенте подробно описал четыре пункта итогового коммюнике.

Правительства Канады и Китайской Народной Республики в соответствии с принципами взаимного уважения и территориальной целостности, невмешательства во внутренние дела друг друга и обоюдной выгоды решились на взаимное признание и установили дипломатические отношения.

Китайское правительство заявило, что Тайвань – неотъемлемая часть территории Китайской Народной Республики. Канадское правительство приняло к сведению позицию правительства Китая.

Канадское правительство признало правительство Китайской Народной Республики в качестве единственного легального правительства Китая.

Канадское и китайское правительства согласились обменяться послами в течение шести месяцев и оказать всю необходимую помощь по учреждению дипломатических миссий в столицах обоих государств [Canadian... 1984 : 144].

Вместе с тем в Белой книге отмечалось, что в перспективе КНР может стать доминирующей силой в Азии. Более того, Китай назывался «потенциальной третьей Супердержавой», о внешнеполитических намерениях которой канадцам мало что известно. «Всем очевидно, – указывалось в книге, – что невозможно добиться мира и стабильности в Азии без участия и сотрудничества со стороны Китая» [Foreign... 1970 : 24].

Поэтому правительство П. Трюдо не поддержало курс на международную изоляцию КНР, которого придерживалось большинство стран Запада. Так, в 1971 году канадские представители в ООН активно поддержали вступление Ки-

тайской Народной Республики в эту международную организацию, а также проголосовали за предоставление ей места в Совете Безопасности Организации Объединенных Наций.

Улучшение политического климата двусторонних отношений правительство П. Трюдо попыталось использовать для расширения торгово-экономических связей. В октябре 1973 года премьер-министр Канады посетил Китай с официальным визитом, в ходе которого было подписано соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве. По результатам этого визита П. Трюдо дал пресс-конференцию в Пекине, на которой высказал надежду на то, что успехи в деле улучшения политических отношений будут подкреплены ростом товарооборота двух стран [Canadian... 1984 : 143].

В следующем году Китайскую Народную Республику посетил министр иностранных дел Канады М. Шарп. В его делегации было много канадских бизнесменов, которые надеялись расширить географию своего экспорта. Однако этим надеждам не было суждено сбыться. Основой канадского экспорта в Китай на протяжении 1970-х годов продолжала оставаться пшеница. Экспорт готовых изделий к разочарованию канадского руководства ограничивался самым минимумом. А во второй половине десятилетия началось сокращение двусторонней торговли, что было связано с рядом объективных причин.

Таким образом, добившись улучшения канадо-китайских отношений в политической сфере, правительство П. Трюдо не достигло главной цели на «китайском направлении», а именно значительного увеличения объема двусторонней торговли.

Это было характерно в целом для политики диверсификации. Основные успехи были достигнуты в политической области, культурном и гуманитарном взаимодействии. Вместе с тем следует сказать и о том, что, несмотря на экономические кризисы, которые буквально толкали Канаду в объятия США, усиления процесса североамериканской интеграции удалось избежать. В этом, на наш взгляд, была несомненная заслуга политики диверсификации правительства П. Трюдо.

Библиографический список

1. Австралия и Канада / отв. ред. И.А. Лебедев. – М., 1984.
2. Алехин, Б.И. Канада в мировой торговле // Б.И. Алехин, Е.Г. Комкова. – М., 1986.
3. Канада на пороге 80-х годов / отв. ред. Л.А. Баграмов. – М., 1979.
4. Мартынов, А.И. Австралия в международных отношениях XX века // А.И. Мартынов, О.К. Русакова. – М., 1978.
5. Canadian Foreign Policy 1966–1976. Selected Speeches and Documents. – Ottawa, 1980.
6. Canadian Foreign Policy 1977–1992. Selected Speeches and Documents. – Ottawa, 1994.
7. Foreign Policy for Canadians. Pacific. – Ottawa, 1970.
8. Framework Agreement for Economic Cooperation between Canada and Japan. – Ottawa, 1976.
9. Pringsheim, K. Neighbors across the Pacific. The Development of Economical and Political Relations between Canada and Japan / K. Pringsheim. – Westport, 1983.
10. Trudeau, P. The Canadian Way. Shaping Canada's Foreign Policy 1968–1984 / P. Trudeau, I. Head. – Toronto, 1995.

ВЛИЯНИЕ УРОВНЯ ГРАМОТНОСТИ СОЛДАТ НА БОЕСПОСОБНОСТЬ НАЦИОНАЛЬНЫХ АРМИЙ (НА ПРИМЕРЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ)

В.И. Воробьев

Как правило, в научной литературе, посвященной изучению хода какой-либо войны, исследователи измеряют боеспособность противоборствующих национальных армий их численностью, качеством вооружения, степенью боевой выучки личного состава. Учитываются и особенности стратегического и тактического мышления полководцев и возможности экономики обеспечивать вооруженные силы всем необходимым для ведения боевых действий. Влиянию общей культуры наций и в первую очередь степени грамотности солдат на боеспособность армий уделяется мало внимания.

В начале XX в. наивысший процент грамотности граждан страны был в Англии и Германии. Обе страны были единственными в Европе индустриальными державами, имеющими в структуре населения многомиллионный класс квалифицированных рабочих. В Англии 80 % населения проживало в городах, а в Германии – 54 % [Миронов 1999 : 384]. И так как в обеих странах 99 % мужчин старше 9–15 лет были грамотными, то и в вооруженных силах **из 1000 новобранцев неграмотным был только один** [Уткин 2001 : 20]. (Здесь и далее выделено автором статьи.)

Франция была аграрно-индустриальной страной. 43 % работающей части ее населения было занято в сельском хозяйстве. Горожане составляли только 40 % от общей численности жителей страны. В промышленности большую роль играли мелкие предприятия с числом рабочих не более 10 человек. Поэтому по уровню развития промышленности Франция занимала третье место в Европе. На третьем месте страна была и по численности грамотных мужчин (95 %), а ее армия по числу неграмотных призывников насчитывала **68 человек на 1000 солдат**.

Многонациональная Австро-Венгерская империя, несмотря на интенсивное промышленное развитие в начале XX в., по структуре экономики оставалась аграрной страной. Всего лишь 3 млн. человек было занято в промышленности, включая ремесло, и в торговле. 70 % населения империи проживало в деревнях. И как следствие этого, в австро-венгерской армии солдат, не умеющих читать и писать, было **220 человек на 1000 мобилизованных**. Это в основном солдаты славянских народов, входивших в состав Австро-Венгерской империи: сербы, хорваты, словаки русины, румыны, поляки, украинцы. Все вместе они составляли более 1/3 рядового состава вооруженных сил империи.

В Италии тоже быстро развивалась тяжелая промышленность, но и она имела экономический статус аграрной страны. 60 % населения было занято в сельском хозяйстве. Наиболее отсталыми районами были Сицилия и Южная Италия, где практически все население было неграмотным. А в масштабах страны

не умели читать и писать 78 % населения. Неудивительно, что в итальянской армии неграмотных среди призывников было **330 человек на 1000**.

Россия по промышленной мощи занимала в Европе четвертое после Франции место, но доля ее суммарного промышленного производства была в два раза меньше, чем у Франции. 70–75 % населения России было занято в сельском хозяйстве. В городах проживало менее 16 % 170-миллионного населения России [Боффа 1994 : 15–17]. 90 % крестьян не умели читать и писать. Грамотных мужчин в возрасте старше 9–15 лет в России было в 1913 г. 54 %. И поскольку пяти-миллионная русская армия 1914 г. формировалась главным образом из крестьян, то **на каждую тысячу мобилизованных приходилось более 500 неграмотных**.

Из приведенных цифр видно, что русская армия исторически оказалась хуже армий подготовлена к тотальной войне, какой была Первая мировая война. Хуже всех в том понимании, что «самопожертвование на поле боя, смерть с этой точки зрения – **дело культуры**, а не только дело политическое» [Орловски : 318]. То есть военнотруженик на фронте старается безупречно выполнить свой долг, не просто повинаясь воинской дисциплине, которая предусматривает суровое наказание за невыполнение приказа, а потому, что он осознает ответственность перед страной и своим народом. А чувство высокой ответственности за результаты дела, которым он занимается, присуще только людям, обладающим, независимо от их образования, большой внутренней культурой. Первая мировая война была войной национальных менталитетов, характеров, являющихся «соединением национального генотипа с культурой» [Касьянова 1994 : 10]. В определенном смысле это была война цивилизаций. А русский крестьянин в массе своей не видел для себя никакого интереса активно поддерживать государственные военные усилия. И это делало русскую армию наиболее уязвимой по сравнению с другими армиями, особенно при неудачном ходе войны.

В армиях всех стран носителями культуры в военном ее понимании были кадровые офицеры и унтер-офицеры, а также, хотя и в меньшей степени, солдаты срочной службы. И потому в сражениях 1914 г., основными участниками которых были кадровые армии воюющих стран, русская армия, вооруженная необходимым количеством легкого и тяжелого вооружения, включая авиацию, воевала не хуже английской, французской и германской. Тогда всем национальным армиям довелось испытать радость выигранного сражения и горечь тяжелых поражений. Немецкие войска захватили Бельгию, Люксембург. В пятидневном пограничном сражении разгромили франко-английские войска, после чего, совершая ежедневные переходы в 35–40 км, стремительным маршем пошли на Париж. Успех сопутствовал немцам на фронте Восточной Пруссии. Здесь 8-я германская армия в результате боёв 13–17 и 26 августа нанесла поражение двум русским армиям и вынудила их уйти с территории Германии.

Однако значение всех ранее одержанных германскими армиями побед было обесценено после того, как они потерпела поражения от англо-французских войск в сражении 5–12 сентября на реке Марне. Германские войска были принуждены отступить на 60 км от Парижа. С этого дня война превратилась из маневренной в позиционную. Теперь Германии предстояла длительная позиционная война на два фронта с сомнительными шансами на общую победу.

Русские, потерпев поражение в Восточно-Прусской операции, выиграли 33-дневное Галицийское сражение с австро-венгерской армией, а в октябре в ходе длившихся месяц кровопролитных боев отразили наступление австро-германских войск, намеревавшихся захватить города Варшаву, Лодзь, а также русскую крепость Ивангород и вытеснить русские армии из Западной Польши. После этих боев немецкие фронтовые офицеры признали, что «русские хорошие солдаты по природе, они дисциплинированы, имеют превосходную боевую выучку, хорошо вооружены... храбры, упорны, умело применяются к местности и мастера в закрытом размещении артиллерии и пулеметов...» [Уткин 2002 : 132].

Но если оценить итоги сражений с точки зрения понесенных потерь убитыми, ранеными и особенно пленными, то отчетливо будет видно превосходство военной культуры германской армии над всеми другими, и особенно над русской. Одновременно воюя на Западном и Восточном фронтах, она потеряла за первые пять месяцев войны 757 тыс. солдат и офицеров. Французские и английские войска вместе – 1,2 млн. [Галактионов 2000 : 505]. Русская армия в боях против германских и австрийских войск – 1350 тыс. человек, из которых ориентировочно около 1 млн. были убиты и ранены на немецких участках Восточного фронта (наши расчеты) [Уткин 2001 : 202].

С 1915 по октябрь 1918 гг., на Западном фронте произошло 15 кровопролитных сражений. В этих сражениях были убиты, ранены и попали в плен 2,234 тыс. солдат и офицеров немецкой армии. Потери англо-французских войск составили 2,855 тыс. человек [История... 1975 : 163, 182, 338, 345, 451, 461, 471]. «Экономия» людских ресурсов с начала боевых действий только на Западном фронте составила почти миллион солдат и офицеров. Но немецкие армии столь же успешно воевали и на огромном по протяженности Восточном фронте, а также и на Итальянском, Балканском, Солонинском фронтах. За все годы войны германские вооруженные силы потеряли убитыми и ранеными (округленно) 6 млн. солдат и офицеров, французские и английские – суммарно 8 млн., русские – 6,6 млн. человек [Энди Вест 2005 : 253]. Немцы воевали с шансами на успех вплоть до лета 1918 г. Кризис боеспособности русской армии наступил в конце 1915 г.

Весной того года германское командование спланировало и провело две последовательные наступательные операции, целью которых было окружить и уничтожить в Галиции и Польше 8 русских армий из 11 развернутых на всем Восточном фронте. Немцы рассчитывали таким образом заставить правительство России пойти на заключение сепаратного мира. Русские войска, испытывавшие острую нехватку артиллерийских снарядов, не выдержали концентрированного удара противника и после семидневных ожесточенных оборонительных боев, боясь оказаться в окружении, стали отступать.

Это было «великое отступление» русской армии, продолжавшееся 4,5 месяца, в ходе которого она оставила захваченные в 1914 г. территории Буковины, Галиции, Польши и почти четверть европейской части России. Но отступление не носило характер повального бегства. Русские войска постоянно переходили в контратаки и нанесли противнику большие потери, составившие 650 тыс. солдат и офицеров. Однако сами потеряли, по одним данным, 900 тыс. человек убитыми, ранеными и 1 млн. пленными [Энди Вест 2005 : 87]. Н. Яковлев утвер-

ждает, что 1410 тыс. только убитыми, ранеными [Яковлев 1974 : 97]. А. Уткин пишет, что к концу августа у немцев в плену находилось уже 727 тыс. русских солдат и офицеров, а у австрийцев – 700 тыс. Всего, следовательно, 1427 тыс. человек. А за весь 1915 г. потери исчислялись в 2,5 млн. человек [Уткин 2002 : 219].

Но общее мнение одно – кадровый состав солдат и офицеров, являвшихся носителями военной культуры, был выведен из строя почти полностью. Такая же проблема с кадрами сложилась к концу 1915 г. во всех воюющих национальных армиях. Но Англия, Франция, Германия могли себе позволить призывать в армию грамотных квалифицированных рабочих и горожан. Благодаря высокой технической оснащенности их промышленности изготовлением всего необходимого для армии было занято в Англии 46 % довоенной численности рабочих, во Франции – 57 %, в Германии – 58 %, а вот в России – 76 %. Поэтому огромные потери русской армии восполнялись за счет плохо обученных резервистов и новобранцев из числа неграмотных крестьян. А они привнесли в жизнь армии то откровенное разгильдяйство, которое для многих было составной частью их жизни в деревне. Офицеров поражала степень невежества новобранцев, и многие из них (офицеров. – В.В.) от этого ожесточились чрезвычайно. Хотя «телесные наказания уставом не предусматривались, но на практике, – пишет маршал Советского Союза Г.К. Жуков, призванный в армию в августе 1915 г., – они применялись довольно широко... За малейшую провинность тотчас следовало дисциплинарное взыскание, связанное с рукоприкладством и моральными оскорблениями» [Жуков 1969 : 38].

Деревенское бескультурье и несознательность новобранцев широко проявлялись в том, что за время передислокации в эшелонах из тыла к фронту они продавали на станциях, зачастую за бесценок, свои сапоги и одежду и на фронт приезжали в нижнем белье. Здесь таким приходилось выдавать новое обмундирование. Командующий Юго-западным фронтом генерал А. Брусилов приказал, чтобы каждый солдат, прибывший на фронт с недостатком в выданном ему вещевом довольствии, был подвергнут порке розгами (50 ударов) [Брусилов 1983 : 221]. В его приказе утверждалось, что порка давала отличные результаты, воин приобретал уставной вид [Яковлев 1974 : 128]. В воспоминаниях он так охарактеризовал солдат-запасников: «За всю войну мы ни разу не получили хорошо обученных пополнений, и чем дело шло дальше, тем эти пополнения пребывали не только все хуже обученными своему делу, но и **плохо подготовленными в моральном отношении**» [Брусилов 1983 : 99]. И этот недостаток в подготовке проявился ярче всего в том огромном количестве потерь пленными, которые несла русская армия.

Пленные как показатель культуры нации и ее армии

Пленные были во всех войнах. И всеми, кто сдавался в плен, руководил инстинкт самосохранения, но обстоятельства, вынуждавшие складывать оружие, и соображения, по которым военнослужащие выходили из войны, были у каждого свои. Наименьшие потери пленными в процентном отношении к убитым и раненым несли армии с максимальным количеством грамотных солдат. А наибольшие – армии аграрных стран с большим процентом неграмотных солдат.

В германской армии убыль пленными колебалась в разных сражениях в пределах 18–21 % от числа убитых и раненых. Французские и английские войска потеряли много пленными в ходе тяжелых оборонительных боев в августе-сентябре 1914 г. После победы на Марне союзники вели преимущественно наступательные бои или успешно отражали атаки немецких войск, и доля убыли пленными к числу убитых и раненых уменьшалась. К середине 1915 г. у союзников выбыло из строя от огневого воздействия противника ориентировочно 1,6 млн. человек [История... 1975 : 58, 60, 67]. В плену к этому времени оказались 330 тыс. человек, что составляло 26 % от числа убитых и раненых.

Австро-венгерская армия в ходе 33-дневного Галицийского сражения 1914 г. потеряла 250 тыс. человек убитыми и ранеными и 100 тыс. (40 %) пленными [Stone 1998 : 91]. В 1916 г. при отражении наступления русского Юго-Западного фронта (Брусиловский прорыв), длившегося 5 месяцев, потери австро-венгерской армии составили, по оценке Брусилова, 1,5 млн. убитыми и ранеными и 450 тыс. (30 %) пленными [Брусилов 1983 : 213]. Сдавались главным образом военнослужащие славяне, мобилизованные в австро-венгерскую армию. Чехи складывали оружие целыми батальонами, не сделав ни одного выстрела.

Русская армия теряла пленными столько же, сколько и от огня противника. В ходе Восточно-Прусской операции 1914 г. в двух окруженных корпусах 2-й армии из 80 тыс. человек, входивших в их состав, были убиты и ранены 26 тыс. солдат и офицеров и 30 тыс. (111 %) сдались в плен [Яковлев 1974 : 59].

За первые два самых удачных месяца наступления Юго-Западного фронта весной 1916 г. (Брусиловский прорыв) потери русских составили 500 тыс. человек, из них, по воспоминаниям Брусилова, 62 тыс. убитыми [Яковлев 1974 : 172]. Значит, раненых было примерно 200 тыс. Остальные 238 тыс. либо сдались, либо дезертировали. Всего же за 5 месяцев напряженных боев русская армия потеряла около миллиона солдат и офицеров, последних своих лучших бойцов. Брусилов вспоминает, что ему стали поступать в большом количестве анонимные письма, авторы которых заявляли, что войска устали, драться больше не хотят и если мир не будет вскоре заключен, то его убьют. Были, правда, и письма, авторы которых угрожали Брусилову убийством, если мир будет заключен несвоевременно и невыгодный для России [Брусилов 1983 : 221].

На основании приведенных данных о соотношении потерь пленными к боевым потерям можно сделать вывод о том, что грамотные солдаты армий индустриально развитых стран, как более ответственно относящиеся к воинскому долгу, стремились в ходе боев не допускать возникновения обстановки, из которой есть только один выход – сдача в плен. А солдаты аграрных стран с высокой прослойкой неграмотных, наоборот, либо объективно попадают в такую ситуацию, либо сами ее создают. За 4 года и 3 месяца, которые длилась Первая мировая война, в британской армии в плен сдались 191 тыс. солдат и офицеров – 6,3 % к числу убитых и раненых, во французской – 506 тыс. (11,8 %), в германской – 1152 тыс. (17,3 %). Интересно, что в русском плену было всего 153 тыс. немецких военнослужащих. В австро-венгерской армии попали в плен 2 200 тыс. солдат и офицеров – 47 % от числа убитых и раненых, в итальянской – 569 тыс. (40 %), в русской – 2 417 тыс. (38 %) [Степанов 2002 : 628, 629]. Необходимо учесть, что Италия вступила в войну только в мае 1915 г., а Россия де-факто

вышла из войны в сентябре 1917 г., а де-юре в марте 1918 г., т. е. для армий этих стран война была на год короче.

Характеризуя моральное состояние солдат русской армии, военные цензоры 3-й армии Западного фронта также в отчетах о настроении армии в ноябре 1916 г. отмечали, что 82 % фронтовиков в письмах совершенно ничего не писали о своей жизни на фронте и интересовались только личными и домашними делами. Цензоры отметили, что внимание окопников все больше переключается на события в тылу [Дьячков, Протасов 1999 : 318]. А здесь с начала 1917 г. стремительно созревала революционная ситуация.

Фактически обстановку, когда верхи уже не смогли управлять по-старому, создали не высокообразованные политики всяких направлений, а малограмотные и неграмотные солдаты *запасного батальона* и *учебной команды* Петроградского гарнизона. Призванные недавно в армию из запаса для восполнения огромных потерь действующей армии, они не были выразителями национальной культуры в ее военном понимании. Они просто хотели избежать участи быть убитыми или искалеченными на фронте, поэтому охотно поддержали антивоенные демонстрации рабочих. 26 февраля солдаты 4 роты запасного батальона Павловского гвардейского полка открыли огонь по полицейским, расстреливавшим антивоенную демонстрацию рабочих. На следующий день отказались выполнять приказы своих офицеров и солдаты учебной команды Волынского полка. Их примеру последовали солдаты Преображенского и Литовского полков. К исходу дня 27 февраля 127 тыс. солдат из 170 тыс., входивших в состав Петроградского гарнизона, помогли рабочим в этот день почти полностью овладеть Петроградом. Стала формироваться новая форма власти: Советы рабочих и солдатских депутатов.

2 марта Николай II, которому разъяснили, что армия данную ему присягу на верность исполнять не намерена, отрекся от престола и за себя, и за малолетнего сына Алексея. Российская Империя и 300-летняя династия Романовых исчезли навсегда с геополитической карты мира. Россия стала буржуазно-демократической республикой. Но так как Временное правительство требовало от солдат воевать до победного конца, то они и матросы охотно помогли большевикам свергнуть это правительство и установить власть Советов рабочих и солдатских депутатов. Однако новое социалистическое отечество солдаты тоже не захотели защищать от внешнего и от внутреннего врага, поэтому большевикам пришлось создавать свою регулярную Красную Армию на основе всеобщей воинской повинности. Для повышения боеспособности армии большевистские руководители ввели известные меры наказания за невыполнение приказов, включая расстрелы по приговору революционных трибуналов. Но одновременно они превратили Красную Армию в первую в Советской России школу массовой ликвидации неграмотности. Это в определенной, пока не выясненной наукой степени помогло большевикам победить всех своих многочисленных врагов.

Библиографический список и примечания

1. Боффа, Дж. История Советского Союза. Т. 1. Международные отношения / Дж. Боффа. – М., 1994.
2. Брусилов, А.А. Мои воспоминания / А.А. Брусилов. – М.: Воениздат, 1983.

3. Галактионов, М. Париж 1914 / М. Галактионов. – СПб., 2000.
4. Дьячков, В.Л. Великая война и общественное сознание: превратности индоктринации и восприятия / В.Л. Дьячков, Л.Г. Протасов // Россия и Первая мировая война. – СПб., 1999.
5. Жуков, Г.К. Маршал Советского Союза. Воспоминания и размышления / Г.К. Жуков. – М., 1969.
6. История первой мировой войны 1914–1918 гг. Т. 2. – М., 1975.
7. Касьянова, К. Что такое национальный характер / К. Касьянова. – Родина. – 1994. – № 11.
8. Миронов, Б.Н. Социальная история России / Б.Н. Миронов. – СПб., 1999. (Табл. 9. Общий процент грамотных в называемых странах приводится по данной работе.)
9. Орловски, Д. Великая война и российская память. Заключительное слово докладчиков / Д. Орловски // Россия и Первая мировая война : материалы межд. науч. конф. – СПб., 1998.
10. Степанов, А.И. Цена войны: жертвы и потери / А.И. Степанов // Мировые войны XX века. Кн. 1. Первая мировая война: исторический очерк. – М.: Наука, 2002.
11. Stone, N. The Eastern Front, 1914–1917 / N. Stone. – London, 1998.
12. Уткин, А. Первая мировая война / А. Уткин. – М: Алгоритм, 2001. (Количество грамотных солдат в армиях других стран приводится по данной работе.)
13. Энди Вест. Первая мировая война: иллюстрированная история / Вест Энди. – М., 2005.
14. Яковлев, Н.Н. 1 августа 1914 / Н.Н. Яковлев. – М., 1974.

СОЦИАЛЬНЫЙ ПОДТЕКСТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПЕДАГОГИКИ СОКРАТА АФИНСКОГО

А.В. Зберовский

В своих работах о личности Сократа мы уже много раз отмечали тот факт, что гносеологические и этические воззрения Сократа часто шли вразрез с той господствующей тенденцией, согласно которой афинское полисное гражданство всеми силами препятствовало тому объективному процессу, который можно определить как «специализация на власти», процессу выделения из общества в целом тех отдельных индивидов и целых социальных групп, которые сначала старались бы монополизировать в своих руках осуществление управленческих полномочий, а затем улучшили свое материальное и социальное положение за счет остального коллектива [1].

Это *общемировоззренческое* сократовское *несовпадение* с общепринятыми демократическими нормами рано или поздно должно было стать сначала *явно идеологическим*, а затем оказаться фактом общественного бытия Афин, превратиться в открытый *конфликт* философа с его демократическим социумом. Поэтому в рамках данной статьи мы попытаемся рассмотреть то, каким образом афинский гражданский коллектив мог отстаивать свою идеологию, как эта многолетняя идеологическая борьба постепенно подготавливала то, что навсегда вошло в историю как «дело Сократа».

Теоретически совершенно ясно, что принципиальным моментом в тех идеологических диспутах, что имеют значение для социума в целом, является аргументация спорящих сторон, их «за» и «против» тех или иных положений. Исторически те кто, как и Сократ, стремился к выделению из общества политических профессионалов, а также к выделению *политики вообще* как некоего специфического вида деятельности, к которому расположены только отдельные индивиды и (или) социальные группы, были обязаны утверждать, что управление обществом – это такой сложный вид деятельности, который требует именно *специализации*, овладения этим занятием, проникновения человека в такие некие тайны этого процесса, которые, во-первых, недоступны для понимания большинства граждан, а во-вторых, даже само знание этих тайн всеми гражданами является потенциально опасным для данного общества.

Соответственно те демократические слои Афин, что были против монополизации власти в руках какой-то социальной или политической группы, были обязаны настаивать на том, что осуществление властных полномочий на самом деле совершенно *не сложно* и никоим образом не отличается от большинства всех тех дел и мероприятий, с которыми приходится сталкиваться в повседневной жизни большинству гражданского населения.

Говоря о демократических Афинах V века до н.э., мы уже знаем, что в период их расцвета господствующей являлась именно идеология *демонополизации* вла-

сти, проводимая Периклом ее *общедоступность*. Это означает, что в дошедших до нас исторических источниках, освещающих общественно-политическую жизнь тех эпох, данная *господствующая* демократическая идеология должна была быть представлена *хуже всего*. И все это просто потому, что, являясь именно идеологией массовой, общепринятой, по сути доминирующей, такая идеология должна была не осознаваться в концентрированном виде, казаться гражданам естественной, самоочевидной.

Являясь тем самым воздухом, который не ощущается человеком, пока его в достаточном количестве, господствующая в Афинах идеология простоты и примитивности власти, ее принципиальной неотличимости от выполнения обычных хозяйственных дел в силу своей природы должна была особенно ярко проявлять себя только в моменты ее полного или частичного отсутствия, в моменты того идеологического конфликта, когда возникала реальная угроза ее исторического или мировоззренческого *поражения* или даже исчезновения.

Иначе говоря, представления о простоте и общедоступности власти должны были проявлять себя именно тогда, когда они сталкивались с другими, *конкурирующими* идеологиями, идеологиями ей прямонаправленными, связанными, напротив, с отстаиванием необходимости как раз специализации на власти отдельных лиц или даже целых социальных групп.

Поскольку оппозиционная идеология, даже являясь идеологией целых классов, изначально все равно вырабатывается *отдельными индивидами* типа Сократа (роль субъективного фактора в истории), нередко в силу определенной автономности сознания от непосредственного бытия осознающими чей-то классовый интерес даже без собственного соотнесения себя с данным классом, то прежде чем быть принятой на вооружение группами людей, она сначала обязательно является *идеологией одиночек*, мировоззрением, и отраженным в устной форме, и кодифицированным в исторической, философской или художественной литературе.

Поскольку же законы идеологических дискуссий таковы, что *оппозиционная идеология всегда обязательно обладает очень высокой саморефлексией* и почти всегда еще на стадии рождения осознает себя именно как оппозиционную и потому потенциально опасную не только для правящего режима, но и для самих своих создателей и носителей, то по мере своего проявления *первоначально* она чаще всего выступает не как «антитезис» (хотя по сути является именно антитезисом), а скорее как «синтез», якобы некое *развитие* идеологического тезиса *предшествующего*, пока еще доминирующего.

Новая конкурирующая, оппозиционная идеология, являющаяся новым осмыслением сущности и направленности власти, первоначально обычно как бы говорит о том, что она на самом-то деле вовсе не оппозиционная, она – лишь некая *модернизация* идеологии господствующей (пока господствующей), ее более усовершенствованная и обновленная модель, лучше адаптированная к новым веяниям времени и более полезная для общества и государства. И полностью оппозиционной она как раз и становится только тогда, когда ее завуалированная, скрытая, истинная сущность будет выявлена в контакте и в сравнении с идеологией господствующей. И эта последняя, почувствовав себе угрозу, уже откровенно не примет предлагаемых ей новшеств и «доработок», осудит их и всту-

пит с ними и их носителями (индивидами и социальными группами) в открытый конфликт.

Таким образом, специфика существования идеологий и идеологической борьбы такова, что старая идеология, существуя в период господства в рассеянном, распыленном по всему обществу виде, в своем концентрированном виде чаще всего проявляется именно тогда, когда она начинает умирать и отражаться, словно в зеркале, в идеологии *иной*, оппозиционной, которая до определенного момента пытается выдать себя за некое *развитие* и продолжение традиций идеологии предшествующей. И уже именно потому, что ей нужно от чего-то оттолкнуться, она *оформляет* (нередко, впервые) предшествующую себе господствующую идеологию как некую *догму*, делает ее для себя фундаментом и устремляется вверх, в перспективу исторических изменений, отталкиваясь от нее, как от определенного фундамента.

Именно поэтому для специалистов-обществоведов увидеть каноны и построения предшествующей господствующей идеологии удобнее всего в той литературе, которая ее одновременно и критикует, и якобы «творчески развивает», подробнее рассмотреть ее именно в борьбе, в том конфликте мировоззрений, за которым на самом деле скрывается борьба общественно-политическая, социальная.

Ставя перед собой цель лучше понять социальные и социально-философские причины конфликта между Сократом и его демократическим социумом, в этой статье мы попытаемся рассмотреть их как причины *идеологические*. А для этого мы еще раз сопоставим господствующую в Афинах идеологию общедоступности власти с той новой идеологией, что вольно или невольно создавал Сократ. Ведь пусть даже и не создавая законченную концепцию новой властной системы, а просто критикуя систему имеющуюся, Сократ методом от противного все равно оформлял желаемые для него принципиальные основы власти какой-то *другой*, пусть даже и пока виртуальной, существующей только в сознании его самого и его учеников.

И эта, хоть до конца и не оформленная, какая-то *другая* система власти, не являясь властью демоса, тем самым объективно становилась властью какой-то *другой* социальной группы. А раз она была властью какой-то другой социальной группы, то она автоматически становилась социально и политически чуждой, оппозиционной и попросту *опасной* для имеющейся в Афинах власти и идеологии демоса.

Говоря об этом, следует подчеркнуть: в науке давно существует понимание, что теоретические построения эллинских философов имели значительный социальный резонанс, а философские партии часто брали на себя функцию политической партии – вырабатывали четкую политическую платформу и успешно отстаивали принятие важных политических решений [2]. Таким образом, казалось бы, весьма отвлеченные от реальной жизни их времени диалоги великих философов, в том числе великого Сократа, на самом деле явственно доносят до нас отголоски идеологических битв своей эпохи.

Нельзя не отметить такую особенность эпохи Сократа – эпохи последней трети V века до н.э.: что той идеологической «горячей точкой» соприкосновения старого демократического и нового аристократического, олигархического, а также монархического и тиранического восприятия и осмысления власти, как это не

странно, оказывается, казалось бы, более чем отвлеченный, почти *педагогический* вопрос о том, *можно или нельзя научить подрастающее поколение искусству управления полисом и, вообще, стоит ли этому учить, или же эта способность приходит к каждому юноше просто в процессе его социализации, взросления рядом со взрослыми.*

Почему в длинном ряду тех вопросов, что производны от ключевого в каждом обществе вопроса о власти, идеологически наиболее важным и особенно конфликтным стал именно этот, в целом представляется нам более или менее понятным: во-первых, после печально известного дела Анаксагора, когда выдающегося мыслителя отдали под суд и только благодаря личному ходатайству Перикла не приговорили к смертной казни, а просто изгнали, любые научно-натурфилософские, теологические и идеологические дискуссии стали занятием смертельно опасным. А раз так, то и всякие обсуждения этих тем на довольно долгое время оказались под запретом. И потому они обязательно должны были прикрываться такими «фиговыми листками», которые искусно скрывали бы их сущностный характер. И отвлеченные, и, казалось, совершенно бытовые рассуждения о воспитании подрастающего поколения на эту роль подходили как нельзя кстати.

Во-вторых, длившаяся почти тридцать лет Пелопоннесская война между демократическими полисами Афинского архэ и аристократическими и олигархическими полисами Пелопоннесского союза привела к тому, что в течение всего этого срока даже теоретико-политологические рассуждения о том, какая из существующих форм правления является наилучшей, могли показаться антипатриотичными, почти предательскими и в результате погубить того, кто мог показаться правящей группировке чересчур благожелательным к политическому строю противника. В этом смысле показательна ирония Аристофана, он в одной из своих комедий выводит афинских всадников-аристократов, которые извиняются перед демосом за свои длинные волосы и просят не считать это проявлением лаконофильства, ведь, как известно, длинные волосы и бороды являлись характерной деталью имиджа граждан противостоящей Афинам Спарты.

В-третьих, то обстоятельство, что военные поражения чаще всего происходили именно в лагере Афинского архэ, а не их соперников-пелопоннессцев, обязательно должно было привести к тому, что наиболее мыслящие граждане стали бы задумываться о *несовершенстве* своей политической системы и о тех не всегда умелых лидерах, что благодаря ей приходили к власти.

Однако в связи с тем, что любые дискуссии на тему принципов общего устройства политического режима были попросту опасны, данная тематика вполне логично постепенно трансформировалась в обсуждение более частного вопроса о том, почему же великие лидеры Афин первой половины и середины V века до н.э. (Фемистокл, Аристид, Кимон, Перикл и т. д.), при которых Афины стали гегемоном Эллады, в итоге так и не смогли передать свою мудрость лидерам последней трети века (Никию, Клеону, Алкивиаду и т. д.), которые привели Афины к военно-политическому поражению. Да и вообще, можно ли передать свои знания, добродетель и политическую мудрость кому бы то ни было, или же это технически и даже теоретически невозможно?

В результате действия, по меньшей мере, этих трех обстоятельств в конкретной исторической обстановке Афин стержнем и предметом всех тех общественных дискуссий, что имели место в кругах эллинской интеллектуальной элиты, постепенно становится не вопрос об успешности или неуспешности афинской демократической модели, а вопрос о том, можно или нельзя передавать знания (в том числе и об управлении обществом) и моральные качества (добродетель) от одного человека к другому, например, от отца к сыну. И в связи с этим чем же и кем обусловлен сам этот процесс передачи знаний и навыков (общественными традициями, богами или вообще никем). Что же именно следует передавать, что же есть та самая добродетель, которая должна быть присуща людям?

Так, вопросы, внешне выглядящие как относящиеся сугубо к теории педагогики, в конце V века до н.э. в Афинах неожиданно стали вопросами остро социальными, по существу идеологическими. Вопросами, исходя из ответов на которые можно было делать далеко идущие выводы о лояльности или нелояльности гражданина по отношению к существующему демократическому строю. И это вполне нормально, не следует забывать, что особенностью политической борьбы является то, что она нередко сначала ведется именно в плоскости отвлеченной теории и идеологии, а уже спецификой идеологии можно считать то, что, «обладая относительной самостоятельностью, идеология в своем внешнем выражении обычно утрачивает видимую связь с экономикой и политикой» [3].

Соответственно, можно уверенно утверждать: *практически любые высказывания или мысли людей на этико-мировоззренческие или связанные с ними воспитательные темы неизбежно должны были быть политическими именно потому, что политика и идеология всегда самым тесным образом связаны и с обыденным, и научным мировоззрением, находятся с ними в динамической связи, взаимообусловлены друг другом и нередко взаимонаправлены друг против друга.*

Совершенно понятно, что, имея собственные представления (тем более уже давно сформированные!) как о добродетели, так и о ее познании и методике передачи этих знаний, Сократ не мог стоять в стороне от дискуссий своего времени. И созданная им еще в сороковых-тридцатых годах V века до н.э. педагогическая концепция о том, что наличие тех или иных способностей человека является не чем иным, как божественным даром, а вовсе не наследственностью и не итогом воспитания, стала *неожиданно актуальной*, идеологической и даже злободневной именно в период кризиса и военного поражения Афин после 413 года до н.э.

Введение, казалось бы, теоретически отвлеченных педагогических размышлений Сократа в горячую реальность идеологических конфликтов и политической борьбы особенно наглядно в диалоге Платона «Менон» и его «Апологии Сократа».

Обе работы более чем показательны: и в той и в другой великий учитель Платона Сократ вступает в жесткий и предельно обостренный идеологический спор со своими будущими обвинителями на суде – богатым владельцем кожевенных мастерских Анитом и подавшим на него в суд поэтом Мелетом. И в обоих случаях предмет дискуссии один – вопрос о том, кто и чему должен и может учить афинское юношество. Давайте рассмотрим теперь оба диалога по порядку.

Хронологически более ранним является разговор Сократа с Анитом. Этот разговор приводится в диалоге Платона «Менон», который был написан в начале

IV века до н.э. и относится к числу последних ярко выраженных диалогов так называемого «сократического цикла», в которых наиболее четко просматривается влияние именно Сократа, а не самого Платона. События диалога совершенно реальны и относятся примерно к 402 году до н.э., когда молодой фессалиец Менон приезжает в Афины, чтобы повидать друзей и, возможно, попасть на занятия к каким-нибудь софистам.

Менон является учеником выдающегося софиста Горгия и водит личную дружбу не только с учеником Сократа Ксенофонтом, но и с будущим обвинителем Сократа богатым кожевником Анитом. Причем для нас принципиально важно то, что Мелет всего год назад принимал личное участие в свержении в Афинах режима тирании Тридцати, возглавляемого воспитанниками Сократа Критием и Хармидом, а Менон годом позже вместе с Ксенофонтом будет участвовать в походе греческих наемников и персидского царевича Кира Младшего против персидского царя Артаксеркса (Анабасис), где и запятнает себя позором предательства и двуличности и будет казнен персами.

Но пока все еще впереди. Разговор происходит в недавно освобожденных от тирании Афинах, и завязывается он после того, как Менон спрашивает Сократа: «Можно ли научиться добродетели? Или ей нельзя научиться и можно лишь достичь ее путем упражнения? А может быть, ее не дает ни обучение, ни упражнение и достается она человеку от природы либо еще как-нибудь?»

В ходе дальнейшего разговора Менон и Сократ вроде бы приходят к полной ясности в этом вопросе и Менон с подачи престарелого философа торжествующе провозглашает, что если добродетель – это знание, то значит, этому можно выучиться [4]. А поскольку в диалоге несколько раз говорилось о том, что под добродетелью понимается умение хорошо управлять и собственным домом и городом, у Менона нет никаких сомнений, в том что выучиться можно именно управлению государством. Но Сократ в свойственной ему манере вдруг начинает сомневаться в том, что добродетель – это знание и ей можно научиться. И сомнения его построены на том, что, если какой-то вещи можно выучиться, значит, обязательно должны быть *учителя и ученики*, а вот он, Сократ, много раз искал учителей добродетели, да только вот ни разу их не находил. А отсюда Сократ выводит, что раз нет ни учителей ни учеников, значит, предмету выучиться нельзя. В разговоре возникает неловкая пауза, и тут Сократ обращается с этим же вопросом к подсевшему к ним Аниту.

Говоря об Аните, следует еще раз напомнить: Анит – это будущий обвинитель Сократа, по сути, его убийца. Казалось бы, Платону как ученику Сократа в своем диалоге следует буквально уничтожить этого богатого кожевника, максимально его унижить. Однако вместо этого Платон устами самого Сократа характеризует его так: «Анит прежде всего сын Антемиона, человека мудрого и богатого, который разбогател не случайно и не благодаря чьему-то подарку, но благодаря собственной мудрости и усердию; к тому же он не какой-то чванливый, спесивый и докучливый гражданин, но муж скромный и благовоспитанный. И сына Анита он хорошо вырастил и воспитал, о чем свидетельствует то, что афиняне выдвигают его на самые высокие должности» [5].

Дословно процитировав Платона, следует особо подчеркнуть, что данная благостная характеристика Анита у Сократа вряд ли может считаться истинной.

Ксенофонт, который не создал собственной философско-этической концепции и потому в ряде случаев передает слова и мнения Сократа более достоверно, нежели Платон, в своей «Апологии Сократа» приводит следующие высказывания Сократа об Аните после окончания судебного процесса: «Как жалок он! Видимо, он не понимает, кто из нас совершил дела более полезные и славные на вечные времена, тот и победитель! ...Предсказываю, что сын Анита не останется при том рабском занятии, к которому предназначил его отец» [6].

Зная и то, что Сократ многократно высмеивал ремесленников как людей низких, можно не сомневаться, что похвала Сократом Анита, если бы она была бы такой, какой она имеет место быть у Платона, была воспринята Анитом скорее как тонкая издевка. Исходя из этого, а также того вполне достоверного факта, что Сократ был знаком и с Анитом, и с его сыном и даже советовал сыну не идти по стопам отца, можно вывести, что подчеркнутое уважение Сократа к Аниту в «Меноне» скорее является не более чем авторским замыслом самого Платона, который, изображая Анита человеком, уважаемым афинским демосом (и это соответствует исторической истине) и даже получающим от него государственные должности, делает его как бы неким *носителем* идеологии демоса, тем *транслятором* концентрированных демократических представлений о существовании власти, о ее сущности, что было так необходимо Платону для:

– лучшего обозначения наличия в диалоге сразу трех полемизирующих между собой позиций: ученика софистов (софиста Горгия) Менона, позиции демоса в изложении Анита и Сократа-Платона;

– объяснения читателю тех истинных причин, что собственно и привели к открытому конфликту афинского демоса с Сократом.

Так вот, сначала выявив в диалоге позицию софистов, утверждающих то, что добродетели управления государством вполне можно научить (так как это – не более чем красноречие, и именно за обучение этому софисты получают деньги!), Платон устами Сократа теперь сталкивает ее с позицией демоса, олицетворенного в фигуре Анита.

Итак, Сократ спрашивает ярого демократа Анита, куда бы следовало отправить учиться юношу Менона, если бы он хотел стать врачом или кожевником; к врачам и кожевникам или к тем, кто на самом деле не занимается этим искусством, но при этом утверждает, что может этому учить и берет за это деньги. Анит считает, что отдавать учить следует врачу или кожевнику, а те кто сам этих ремесел не разумеет, но при этом заявляет о своей способности учить и берет за это деньги – занимаются явной нелепостью и при этом невежественны [7].

Тогда Сократ со скрытой провокацией спрашивает его, к кому же можно отдать учиться Менона, который заявляет, что стремится к мудрости и добродетели, благодаря которым люди хорошо управляют домом и городом, заботятся о своих родителях, умеют принять и отпустить сограждан и чужестранцев так, как это подобает достойному человеку: не к софистам ли, то есть к тем людям, кто провозглашает себя учителями добродетели, доступными любому из греков, желающим учиться и способных внести за обучение плату?

Анит возмущен самым упоминанием софистов и говорит: «О Геракл! И не поминай их, Сократ! Не дай бог, чтобы кто-нибудь из моих родных, домашних или друзей здешних или иноземных, настолько сошел с ума, чтобы идти к ним себе

на погибель. Ведь софисты – это очевидная гибель и порча для тех, кто с ними водится» [8].

Сократ удивляется такому мнению, особенно тому, как это софисты могут портить молодежь так, что этого никто в Элладе не замечает. Ведь тот же софист Протагор целых сорок лет портил юношей по всей Элладе, и никто этого не заметил. Более того, он заработал денег больше, чем Фидий, и еще вдобавок приобрел о себе хорошую славу. Может быть, софисты – безумцы?

Анит отвечает: «Вовсе они не безумны, Сократ, скорее уж безумны те юноши, что дают им деньги; еще безумнее родственники, вверяющие им этих юношей, а всех безумнее города, позволяющие им въезжать и не изгоняющие любого, кто возьмется за такое дело, будь он хоть чужестранец, хоть гражданин» [9].

Сократ спрашивает, не обидели ли софисты самого Анита, не имел ли он с ними дела, и если не имел, то как он в них тогда разбирается? Анит отвечает, что дел с ними он не имел, но разбираться в них умеет легче легкого. Тогда Сократ спрашивает, кого бы он, Анит, порекомендовал из афинян на роль учителя мудрости и добродетели. И вот тут-то, с нашей точки зрения, и раскрывается вся специфика тех обыденных представлений о демократической власти, что были характерны не только для афинского демоса конца V века до н.э., но и для античного демоса вообще. И для полноты раскрытия специфики именно этих представлений процитируем диалог Анита и Сократа без купюр.

«Анит, отвечая на вопрос Сократа, с удивлением: Зачем ему (Менону) имя одного человека? С кем бы из достойных афинян он не встретился, **любой** (выделено автором) поможет ему стать лучше, если только он захочет слушаться, – не то, что софисты.

Сократ: А что же, все эти достойные люди сами собой стали такими, ни от кого ни учась, и при этом они способны других обучить тому, чему они не учились сами?

Анит: Я считаю, что они обучились у достойных людей, которые жили раньше. Или, по-твоему, мало рождалось в нашем городе достойных мужей?» [10].

Сократ не сомневается в том, что среди афинян и раньше и сейчас было много людей, доблестных в военных и гражданских делах. Но вот были ли они такими хорошими *именно учителями* добродетели? И он разбирает традиционные для Сократа примеры признаваемых и им и Анитом как доблестных прошлых афинских стратегов Фемистокла, Аристиды и Фукидида. Называя сына Фемистокла, Клеофанта, сына Аристиды, Лисимаха, сыновей Фукидида, Мелесия и Стефана, которые в принципе смогли добиться успеха в жизни, в спорте, в делах, Сократ при этом отмечает: при всем желании их выдающихся отцов научить их доблести в управлении государства так никому из них и не удалось. И это, по мнению Сократа, означает, что добродетели научить нельзя. А раз добродетели научить нельзя, значит, и называть кого-то учителем, по мнению Сократа, было бы несколько странно [11].

И вот тут неожиданно для читателей в общем-то вполне миролюбивый и даже несколько отвлеченный пассаж Сократа вдруг вызывает резко негативную реакцию со стороны Анита, возмущенного тем, что Сократ так неуважительно оценивает выдающихся государственных деятелей прошлого, реноме которых заметно снижается ввиду предполагаемой Сократом их *неспособности* передать свои

доблести управления обществом по наследству. Анит жестко заявляет Сократу дословно следующее: «По-моему, слишком легко поносишь ты людей, Сократ. Если хочешь меня послушаться, я бы советовал тебе поостеречься. Может быть, в другом городе тоже легче делать людям зло, чем добро, а здесь и подавно. Впрочем, я думаю, ты и сам это знаешь» [12].

В ответ на эту реплику Сократ обращается к Менону и говорит следующее: «Мне кажется, Менон, что Анит рассердился. Да я и не удивляюсь; он, во-первых, считает, что я порочу всех этих людей, а во-вторых, полагает, что и сам относится к их числу». И ниже, в конце диалога даже добавляет, что ему, Сократу, до того, что Анит злится на него, мало заботы [13].

После этой краткой перепалки Анит больше в диалоге не фигурирует, Сократ продолжает беседу с Меноном и в конце диалога убеждает его в том, что традиционно присутствует в диалогах Сократа у Платона и Ксенофонта: добродетель – это то, чему научить все-таки нельзя, так как этот божественный дар посылают людям непосредственно боги.

Итак, с нашей точки зрения, Анит в платоновском диалоге «Менон» – фигура хоть и мимолетная, но тем не менее *принципиальная*. Анит – это персонифицированный афинский Демос, который искренне возмущен, что Сократ отказывает тем, кто вершит судьбы полиса и целого мира на Народном Собрании, Буле (Городском Совете) и Гелиэе (Народном суде), в праве и возможности передавать свой опыт управления государством по наследству, считает, что, если они этому ни у кого специально не учились, значит, они этому никого и не смогут научить.

По существу, афинский демос возмущен уже тем, что, по мнению Сократа, добродетели управления нужно вообще учить *специально*; ведь, по мнению Анита, с кем бы из достойных афинян не занимался бы юноша Менон, с кем бы он не встретился, сделает его лучше может *совершенно любой* из них! И если доводить рассуждение до логического конца, можно сделать четкий вывод: раз учить добродетели управления, искусству ведения собственного хозяйства и управления полисом может совершенно любой гражданин и при этом совершенно не учась этому сам, значит, управление полисом – дело настолько элементарное, простое и легкопонижаемое, что справиться с ним из афинян может абсолютно кто угодно. То есть мы с вами выходим на ту самую общепринятую в демократических Афинах концепцию, которую уже рассматривали выше. И как видим, оскорбление и возмущение демоса в этом пункте – дело более чем серьезное! Потому что за всем этим скрывается не что иное, как борьба за власть в полисе!

Кроме того, если осмысливать прямой запрет Анита Сократу на его рассуждения, его рекомендации философу поостеречься утверждать, что великие афиняне-политики прошлого – Фемистокл и Аристид – при всем своем желании так и не сумели передать свои политико-управленческие таланты по наследству, то можно увидеть следующее: если уж даже такие великие политики так и не сумели сделать достойными политиками своих собственных детей, то чего же тогда можно требовать от простых смертных, от обыкновенных афинян-современников, галдящих на Народном Собрании?!

И теперь самое главное. *То, что Сократ лишил правящий в его время демос права и возможности передавать свой опыт управления государством по наследству, по сути, предрекало гибель существующему демократическому*

строю: он лишился исторической перспективы! А раз так, то Сократ как бы предупреждал демос о том, что его социальная гегемония скоро закончится. И наступит социальная гегемония других социальных сил, более выделяемых богами, например аристократии...

Таким образом, мы видим: за сдержанной критикой Сократа педагогических способностей великих вождей демоса на самом-то деле скрывается критика... самого демоса, критика тех его низких способностей к управлению общиной, вследствие которых Афины и растеряли в ходе Пелопоннесской войны бывшее могущество. То самое могущество, которое было создано в большинстве своем как раз предшествующими политиками и стратегами – выходцами прежде всего из наиболее богатых и знатных фамилий Афин. И вот как раз подобной завуалированной критики, педагогической критики с явно выраженным *идеологическим подтекстом*, критики, расшатывающей основы демократического режима, афинский демос в лице Анита выдержать не смог и, отказавшись от теоретических диспутов, тут же перешел на столь привычный для необразованных социальных низов язык крика и угроз.

Особенно же все становится очевидным в другом произведении Платона – «Апологии Сократа». Эта работа, написанная примерно на пятнадцать лет раньше «Менона», относится в самому началу IV века до н.э. и описывает собственно ход процесса над Сократом. И, несмотря на то, что она хронологически написана раньше «Менона», приводимая в «Апологии» перепалка Сократа с одним из его обвинителей, молодым поэтом Мелетом, по всем параметрам явно является *логическим продолжением* вышеописанной дискуссии с Анитом, уже объединившимся с Мелетом при написании жалобы на Сократа в афинский суд.

Итак, в ходе суда Сократ пытается опровергнуть выдвинутое против него обвинение в том, что он якобы развращает юношество. И задавая Мелету контрвопросы и приводя контрдоводы, обменивается со своим обвинителем следующими репликами, сохранными у Платона.

Сократ: Ну, вот, Мелет, скажи-ка ты мне, не правда ли, для тебя очень важно, чтобы молодые люди были как можно лучше?

Мелет: Конечно.

Сократ: В таком случае, скажи-ка ты вот этим людям, кто именно их делает лучшими? Очевидно, ты знаешь, коли заботаешься об этом. Развратителя ты нашел, как говоришь: привел меня сюда и обвиняешь; а назови-ка теперь того, кто делает их лучшими, напомни им, кто это. Вот видишь, Мелет, ты молчишь и не знаешь, что сказать. И тебе не стыдно? И это не кажется тебе достаточным доказательством, что тебе нет до этого никакого дела? Однако, добрейший, говори же: кто делает их лучшими?

Мелет: Законы.

Сократ: Да не об этом я спрашиваю, любезнейший, а о том, кто эти люди, что прежде всего знают их, эти законы.

Мелет: А вот они, Сократ, – судьи.

Сократ: Что ты говоришь, Мелет? Вот эти самые люди способны воспитывать юношей и делать их лучшими?

Мелет: Как нельзя более.

Сократ: Все? Или одни способны, а другие нет?

Мелет: Все.

Сократ: Хорошо же ты говоришь, клянусь Герой, и какое множество людей, полезных для других. Ну вот они, слушающие, делают юношей лучшими или же нет?

Мелет: И они тоже.

Сократ: И члены Совета?

Мелет: Да, и члены Совета.

Сократ: Но в таком случае, не портят ли юношей те, что участвуют в Народном собрании? Или и те тоже, все до единого, делают их лучшими?

Мелет: И те тоже.

Сократ: По-видимому, кроме меня, все афиняне делают их добрыми и прекрасными, только я один порчу. Ты это хочешь сказать?

Мелет: Как раз это самое».

Дальше Сократ приводит житейское наблюдение о том, что обычно на лошадях ездят все, но улучшают лошадей только *немногие*, которые являются именно знатоками верховой езды, и это означает, что высказывание Мелета неправильно: такого, чтобы все улучшали афинских юношей, а портил их только Сократ, быть не может даже в принципе! Однако Мелет понимает, что Сократ является специалистом в проведении именно таких вот аналогий и предусмотрительно не втягивается в дальнейший разговор на эту тему.

И тогда Сократ (с нашей точки зрения, ошибочно), ставит перед Мелетом предельно жесткий вопрос и получает на него такой же предельно жесткий и однозначный ответ.

«*Сократ:* ...Ну вот. А привел ты меня сюда как человека, который портит и ухудшает юношей намеренно или ненамеренно?

Мелет: Который портит **намеренно**» [14].

Итак, перед нами два диалога Сократа с двумя своими обвинителями на суде. Сомнений в том, что оба этих диалога являются историческими, нет: «Апология Сократа» была записана и опубликована Платоном непосредственно после суда, в то время, когда многие афиняне еще слишком хорошо помнили как ход процесса, так и сами вступления Сократа. Потому Платон, вероятнее всего, воспроизвел диалог Сократа и Мелета практически слово в слово. И как уже говорилось выше, в личном знакомстве и личном конфликте между Сократом и Анитом как раз из-за вопроса, связанного с общением Сократа с сыном Анита, также не приходится сомневаться – все это надежно зафиксировано в античных источниках.

Поэтому, сопоставляя сейчас высказывания и Анита и Мелета по поводу того, можно ли учить молодежь добродетели управления полисом и кто же именно в демократических Афинах может являться таким учителем, легко можно увидеть полное тождество позиций тех двух людей, которые (как бы мы к ним не относились) фактически взяли на себя функции озвучить представления широких слоев демоса в этом вопросе. И можно увидеть, что Анит и Мелет абсолютно едины в следующем.

Во-первых, научить молодежь добродетели управления своим домом и полисом и теоретически, и практически все-таки можно.

Во-вторых, *совершенно любой гражданин Афин (и член Народного собрания, и Народного суда, и даже просто зевака на процессе) в состоянии быть хоро-*

шим учителем для юношества, в том числе и учить тому, каким образом управлять государством.

В-третьих, ни самих граждан, ни подрастающую молодежь специально учить управлению государством вообще не требуется: достаточно того, чтобы они просто общались с более старшими политиками Афин, попросту говоря, со взрослыми (в том числе своими отцами, участвующими в работе Народного Собрания) и постепенно обучались искусству управления полисом... *вообще этому как бы не учась!*

Таким образом, из контекста разговора следует, что все высказывания Сократа и софистов о том, что молодежь нужно готовить к выполнению управленческих функций каким-то специальным образом и, в случае с софистами, даже платить за это довольно большие деньги, оказываются не просто ненужными, но и, по сути, мошенническими: ведь брать деньги за обучение тому, чему может научить любой достойный гражданин, – это примерно то же самое, что брать деньги за обучение ребенка хождению или дыханию тем воздухом, которым дышат все и который не принадлежит никому.

И потому Сократ совершенно напрасно пытался добиться того, чтобы его будущие обвинители, Анит и Мелет, признали, что кто-то из афинян не может воспитывать юношество – равенство во всем, в том числе и в праве учить юношество управлению родным полисом, было именно чертой *демократического* полиса.

Позиция и Анита и Мелета явно была следствием того всеобщего для античности убеждения, что управление полисом – вещь в принципе несложная, производная от управления личным хозяйством. А раз так, то и выделять какую-то особенную общественную группу, которая сначала бы специально училась искусству управления, а затем стремилась бы получить власть и тем самым объективно лишить этой власти все остальное, якобы «неподготовленное» гражданство, – было бы подходом однозначно оппозиционным, идеологически вредным, подлежащим в демократических полисах обязательному осуждению.

Таким образом, очевидно: с виду вполне безобидное теоретико-педагогическое мнение Сократа о том, что афинский демос не в состоянии учить юношество искусству управления государством, на самом деле умаляло возможности и даже *осуждало* целую социальную группу – средние и низшие слои афинского гражданства – и потому являлось социально опасным. Предрекая же дальнейшее снижение качества управленцев из того социального слоя, что после свержения Тирании Тридцати являлся в Афинах гегемоном, Сократ тем самым утверждал и скорое политическое падение системы афинской демократии, что было в Афинах того времени не просто заявлением *политическим*, но и прямо намекало на возвращение недавно свергнутой демосом политической диактуры Тридцати Тиранов, как раз учеников самого Сократа. А поскольку данные мрачные оценки и предсказания Сократа активно им тиражировались и популяризировались, становились частью общественного сознания, они объективно могли использоваться оппозиционными демосу социальными слоями богачей и аристократов для ведения ими той идеологической борьбы, что всегда предваряет открытую схватку за власть [15].

Анализ платоновских произведений «Менон» и «Апология Сократа» однозначно свидетельствует, что в самом конце V века до н.э. ситуация вокруг деятельности Сократа постепенно накаляется. Афинское демократическое общество все больше понимает, что под безобидными и внешне отстраненными оценками и идеями Сократа (в том числе педагогическими) чаще всего скрывается такой легко читаемый социальный подтекст, который по отношению к этой господствующей демократии был явно недружественным.

И это дает нам основания полагать, что печально знаменитое «дело Сократа» имело под собой все-таки такую социально значимую подоплеку, как расшатывание великим философом тех основ в подходах к воспитанию афинского подрастающего поколения, что всегда являются важными для любого политического строя. Ведь имея прямое значение для трансляции тех или иных ценностей и идеологием от одного поколения к другому, педагогика всегда была и будет важнейшим элементом для устойчивого воспроизводства как господствующей политической системы, так и самого господства одного социального слоя над другими. И потому господствующий в демократических Афинах демос просто не мог позволить Сократу критиковать свои способности передавать власть своим же детям...

Библиографический список и примечания

1. Об этом, например: Зберовский, А.В. Социальная оценка философской деятельности Сократа / А.В. Зберовский // Вестник КрасГАУ. – Красноярск, 2006. – Вып. 12. – С. 312–317; Зберовский А.В. Идеальный политик во взглядах Сократа / А.В. Зберовский // Вестник КрасГАУ. – Красноярск, 2006. – Вып. 14. – С. 273–281.; Зберовский А.В. Социальный смысл критика Сократа в комедиях Аристофана / А.В. Зберовский // Вестник КрасГАУ. – Красноярск, 2007. – Вып. 3. – С. 260–266.
2. Шуман, А.Н. Эллинское язычество и социальные институты античности. Эллинская религия / А.Н. Шуман, Ф.Ф. Зелинский. – Минск: Экономпресс, 2003. – С. 26.
3. Аникевич, А.Г. Власть: социально-философский анализ / А.Г. Аникевич. – СПб., 2001. – С. 212.
4. Платон. Менон, 89 с.
5. Платон. Менон, 90 а-в.
6. Ксенофонт. Защита Сократа на суде, 29–30.
7. Платон. Менон, 90 с–е.
8. Платон. Менон, 91 а–с.
9. Платон. Менон, 92 а–в.
10. Платон. Менон, 92 е–93 а.
11. Платон. Менон, 93 в–94 е.
12. Платон. Менон, 94–е.
13. Платон. Менон, 99–е.
14. Платон. Апология Сократа, 24 с–25 е.
15. Зберовский, А.В. Социальная оценка философской деятельности Сократа / А.В. Зберовский // Вестник КрасГАУ. – Красноярск, 2006. – Вып. 12. – С. 316.

НЕКОТОРЫЕ КЛЮЧЕВЫЕ АСПЕКТЫ СОЦИАЛИЗАЦИИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

М.Ю. Зырянов

Руины духовные во много раз опаснее экономической разрухи. Человек, духовно сломленный, готов умереть, человек, духовно стойкий, сражается до конца в любых обстоятельствах.

Л. Сычева

Социализация – это процесс передачи и последующего усвоения, в первую очередь детьми, существующих в обществе норм, ролей, образцов поведения, а в конечном итоге всей культуры. В литературе можно найти много и других определений данного явления, которые более или менее точно выражают его суть. Например: «Социализация – начинающийся в младенчестве и заканчивающийся в глубокой старости процесс освоения социальных ролей и усвоения культурных норм» [Кравченко 1999 : 118]. «В широком смысле социализация – это процесс усвоения индивидом образцов поведения, социальных норм и ценностей, необходимых для его функционирования в обществе» [Горелов 2005 : 128]. Такова суть этого явления. И каждое из вышеприведенных определений, выражая ее, подчеркивает те или иные аспекты. Ясно, что социализация не заканчивается с наступлением совершеннолетия, а продолжается на протяжении всей жизни.

Ни для кого не секрет, какие тяжелые времена переживает наше современное российское общество. И общий кризис в стране никого не обошел стороной. Продолжают сказываться тяжелейшие последствия распада Советского Союза, проявляющиеся во множестве негативных явлений. России часто угрожала гибель, когда решалась ее судьба, да и судьба мира. Но «...самым трагическим временем в нашей истории стал, пожалуй, XX век. Неудачная Первая мировая война, кровопролитная гражданская война, коллективизация, сталинские репрессии, ужасающая Вторая мировая война свели в могилу цвет нации, наших наиболее активных, энергичных, умных и образованных соотечественников. По некоторым оценкам, за XX век мы потеряли сто миллионов человек, что позволяет говорить о настоящем геноциде русского народа. В последние годы запущен чудовищный по своим результатам механизм депопуляции, усиленный преступностью, производственным и бытовым травматизмом, войной в Чечне, беспрецедентной для развитых стран смертностью от болезней, самоубийствами для людей в расцвете сил. В конце этого тысячелетия русский народ каждый год теряет по одному миллиону человек» [Жириновский 2005 : 101]. Можно с уверенностью сказать, что современная Россия находится в послереволюционной ситуации. Российская Федерация сейчас пребывает в глубоком духовно-нравственном и ценностном кризисе. «Порвались социальные связи, скрепля-

ющие общество: религиозные (об этом позаботились большевики), идеологические (об этом позаботились нынешние правители), и оказалось, что других нет, и этому положению способствует растущее расслоение общества, обострение криминальной обстановки, изоляция России в мире и т. п.» [Горелов 2005 : 291]. Это продолжится до тех пор, пока нравственные ценности вновь не станут жизненным ориентиром.

Как известно, для утраты культуры народа бывает достаточно всего лишь одного поколения, которое ее не восприняло. На территории же нашей страны почти весь XX век характеризуется постоянной ломкой общественного устройства и, следовательно, общественного сознания. «В условиях глубоких перемен резко деформировались и значительно ослабили функции абсолютного большинства социальных институтов, традиционно осуществляющих социализацию молодежи (семья, система образования и др.)» [Ховрин 2007 : 122]. Из вышеперечисленного ясно, что Россия сейчас фактически находится перед выбором пути: либо продолжать двигаться по наклонной, заходя все дальше в тупиковую ситуацию, либо российский народ посредством значительных волевых усилий сможет вновь осознать себя, свое место в мире и отыщет ту самую национальную идею, тот внутренний стержень, без которого дальнейшее существование просто невозможно. Но совершенно очевидно, что любая «национальная идея» должна в первую очередь обеспечивать самосохранение нации.

В условиях современной России необходима «формирующая социализация». Потому что разрушены те ценности в общественном сознании, к которым следовало бы приобщать новые поколения, социальная реальность теперь не может служить полноценным образцом и эталоном. «Каждая социальная группа может дать индивиду в процессе социализации... только то, чему они обучены или социализированы сами» [Кравченко 1999 : 124]. Иначе можно было бы предположить, что вся та совокупность ныне существующих общественных пороков принимается как должное и имеет право на сохранение и трансляцию. Именно так объясняется смысл введенного нами термина.

Среди всех сфер общественной жизни особое место занимает духовно-нравственная и во многом основанная на ней правовая. Для этого есть ряд причин. Во-первых, уже изначально право и мораль есть основные регуляторы общественной жизни, которые пронизывают всю социальную материю от начала и до конца; во-вторых, они оказывают самое существенное воздействие на другие сферы, определяя их бытие; в-третьих, от них напрямую зависит существование общественного организма и т. д. Поэтому предметом нашего дальнейшего исследования будут главным образом мораль и право в их единстве, а также степень их принятия обществом. Цель исследования состоит в следующем: проанализировать на основании изученной научной литературы, других источников, а также личного опыта эффективность процесса социализации, который осуществляется в России, выявить главные его недостатки. А также наметить основные направления по его улучшению.

Роль семьи в процессе социализации

Важнейшая роль в социализации детей принадлежит семье. «Именно родители играют решающую роль в формировании личности ребенка, его характера, норм поведения, жизненных ориентаций. Для того чтобы нормально выполнять

родительские функции, конечно, необходимо не только их ясное понимание, но и умение эти функции реализовать» [Девятова, Купцов 2006 : 71]. Семья – это один из системообразующих общественных институтов, который во времена общественных ломок и деформаций служит стабилизирующим ядром, обеспечивающим самосохранение общества. В настоящее же время этот незаменимый институт сам подвергся многим деформациям, что, естественно, не могло не отразиться на его функциях. Если попытаться разобраться в существенных причинах этой ситуации, то ясно, что она возникла из-за разрушения, практически полного размывания в общественном сознании семейных идеалов и ценностей. Материальные факторы, хотя и крайне важны, но все-таки стоят на втором месте. Выход видится в воплощении в жизнь православной модели семьи, которая существенно укрепит семейные отношения, поднимет статус семьи. «Не материальные трудности, а именно крах общечеловеческих, в том числе семейных и религиозных, ценностей обуславливает низкую ценность семьи и детей, сокращение потребности в детях до однодетности и в итоге сверхнизкую рождаемость» [19]. Дети, воспитывающиеся в такой семье, будут уже на подсознательном уровне усваивать ее как образец, и, наиболее вероятно, сами станут стремиться осуществить ее в будущем. Мы хотим подчеркнуть, что недостатки и дефекты семейного воспитания являются причиной очень многих социальных катаклизмов, устранение которых другими путями предполагает вложение огромных средств. Среди них такие проблемы, как демографический кризис, проявляющийся в сокращении населения; рост количества детей, занимающихся бродяжничеством и попрошайничеством; необходимость увеличивать социальную помощь населению, в том числе создание дет-домов, материальное поддержание приемных семей и т. д.; рост преступности и увеличение выделяемых средств на борьбу с ней, на строительство и поддержание мест лишения свободы; распространение таких опаснейших заболеваний, как СПИД и гепатит в различных формах, наркомании и т. д. Все это требует огромных денежных средств, которые могли бы пойти, например, на развитие здравоохранения и увеличение пенсий и т. д.

Особо следует сказать о детях-инвалидах, ограниченных в физических возможностях, которые даже не всегда в состоянии посещать школу. «...Мера здоровья – это мера свободы выбора своего будущего, своей судьбы. Плохое здоровье, особенно инвалидность, способно заставить подростка отказаться от планов получения надлежащего образования и профессии» [Крутер 2001 : 142]. Здесь нужен индивидуальный подход к каждому ребенку, учитывающий его возможности. Особенно большая ответственность за надлежащее воспитание таких детей лежит на родителях, потому что фактически в этом тяжелейшем положении только от них зависит развитие ребенка. Такие родители должны обладать не только педагогической подготовкой, но и соответствующими медицинскими и правовыми знаниями.

Школа и социализация

Как мы уже упоминали, именно школа в сложившихся условиях выступает основным звеном в системе образования и на ней лежит ответственность за формирование нравственно здоровой личности. «В образовательном процессе должны быть выработаны радость познания и любовь к труду, навыки к систематической

трудовой деятельности, развиты исполнительская дисциплина и творческая активность человека. В нем необходимо воспитывать самоуважение, чувства гордости и стыда, уважение к товарищам и к старшим. Особенное значение имеет формирование гражданственности и патриотизма» [Девятова, Купцов 2006 : 69–70]. Дети – будущее России (довольно банально, но верно), потому что им предстоит целиком определять облик нашего общества и государства, жить в XXI в.

«Социализация должна начинаться в детстве, когда примерно на 70 % формируется человеческая личность. Стоит запоздать, как начнутся необратимые процессы. В детстве закладывается фундамент социализации, и в то же время это самый незащищенный ее этап» [Кравченко 1999 : 119–120]. Такие периоды наиболее оптимального восприятия нравственных и правовых ценностей, т. е. формирования важнейших черт личности, находятся в школьном возрасте. В эти возрастные периоды дети могут приобретать как положительное, полезное обществу, так и черты откровенно криминального характера. Вот почему перед нами стоит задача реформирования школьного обучения и воспитания.

Необходимо пересмотреть школьную программу с точки зрения входящих в нее предметов. Потому что она сейчас представлена учебными дисциплинами главным образом естественного характера, такими как физика, химия, биология, в ущерб гуманитарным, что, конечно, сказывается на развитии школьников. По нашему мнению, необходимо ввести в школьную программу предмет, изучающий право, а если он уже ведется в какой-либо школе, то улучшить качество его преподавания. Данный предмет нужно органично согласовывать с прогрессивными основами нравственности и культуры русского народа, других народов нашей многонациональной страны.

Право может только тогда эффективно действовать, когда органично вплетено в психологию, в менталитет, в культуру народа. Тогда оно не воспринимается как нечто чуждое и враждебное, а принимается каждым как свое. Не существует и не может существовать универсальных правовых формул, которые могли бы быть применимы независимо от конкретно-исторических и культурных условий. Это может вызвать только отторжение даже на первый взгляд положительных нововведений. «...Главным недугом российской национальной ментальности представляется отсутствие не правосознания европейского типа, а творческого воспитания своего собственного и неповторимого правосознания, укорененного в сознании и психологии русского народа, в его этических, исторических, культурных и религиозных традициях» [Сорокин 2002 : 62]. Только учитывая и используя здоровые национальные традиции, можно возродить духовность, нравственность, патриотизм, что существенно стабилизирует ситуацию в стране.

Участие СМИ и гражданского общества в процессе социализации

Успеху прогрессивных реформ в сфере образования в значительной степени будет способствовать контроль над СМИ со стороны гражданского общества. Средства массовой информации – телевидение, радио, газеты, журналы и т. д. (особенно телевидение) – имеют огромное, подчас определяющее влияние на общество. Они не только формируют общественное мнение по тому или иному вопросу, но оказывают и гораздо более глубокое воспитательное воздействие, особенно на молодежь как наиболее динамичную и активную, наиболее восприим-

чивую часть общества. «Вторгаясь во все сферы общественной жизни, ТВ оказывает колоссальное, все возрастающее влияние на общество, каждого его члена, что порождает еще одно “проблемное поле”, которое требует особого разговора – проблему социальной ответственности» [Полуэктова 1998 : 60].

СМИ как таковые нельзя назвать ни плохими, ни хорошими, это лишь способ (наиболее влиятельный) воздействия на общественное сознание. Все зависит от того, в чьих руках они будут находиться и для каких целей использоваться, насколько транслируемая информация будет контролируема. «...Находясь под контролем тех или иных социальных сил, телевидение само выполняет функцию социального контроля, воздействуя на общественное сознание, формируя общественное мнение, внедряя в массовое сознание определенные идеи, ценности, нормы, образцы поведения и пр.» [Полуэктова 1998 : 50]. Понятно, что СМИ можно использовать как на благо общества, так и во вред ему, как часто происходит сейчас.

К печатной или транслируемой иным путем информации относятся как заведомо истинной – такова общая психологическая закономерность. Если осуществлять контроль над СМИ через институты государства и общества в целях содействия общественному развитию, то это бы имело далеко идущие и относительно быстрые положительные последствия. Пока же негативное влияние зачастую доминирует. Было бы целесообразным хотя бы на основных телеканалах увеличение программ, посвященных культуре и формированию необходимых в современном обществе черт личности, укреплению нравственных и правовых норм и ценностей. «Вообще в противовес насаждению безнравственности нам надо чаще и громче говорить о нравственности, защищать, возвышать ее...» [Жуковский 2006 : 37]. Так или иначе цензура неизбежна. Сложность заключается в осуществлении наиболее оптимального ее уровня, балансирующего между сохранением свободы и обеспечением общественных интересов. Этому должно способствовать осуществление контроля над СМИ со стороны государства и гражданского общества в различных формах.

Роль Конституции и законодательства в социализации молодежи

Конституция РФ при всех ее недостатках имеет важное значение для стабилизации положения в стране. Она фактически является программой для формирования новых общественных отношений, которые могут сейчас еще не существовать в действительности. «Декларируя права человека, Конституция обладает огромным потенциалом формирования нового качества общественного и личностного правосознания» [Жугуров 2006 : 69]. Но в данный момент это имеет и негативную сторону – частые фактические нарушения и слабую воплощенность в общественную жизнь, когда важные положения документа высшей юридической силы на практике далеко не всегда реализуются. Цели и задачи Конституции РФ перекликаются с целями и задачами процесса социализации молодежи. Стабильность в нашем государстве является основой и условием сохранения и улучшения всех преобразований в сфере социализации молодежи, гарантией от резких скачков и поворотов вспять, которые могут свести на нет все с таким трудом наработанное и подготовленное к осуществлению.

Акцентируем внимание на качестве законодательства, касающегося несовершеннолетних. Оно, хотя и становится эффективнее, но пока что оставляет желать лучшего, недостаточно четко и не всегда верно прорабатываются полномочия лиц, работающих с несовершеннолетними (как в системе образования, так и в правоохранительных органах), крайне нестабильно и изменчиво, что существенно затрудняет работу. «...Необходимо модернизировать законодательство» [Смоленский 2004 : 80]. Законы должны действовать более продолжительный срок, чтобы реализовать заложенный в них положительный потенциал. Потому что в первые несколько лет происходит лишь адаптация нормативно-правового акта к существующим общественным условиям, в этот период преодолеваются многие трудности, связанные с его применением. И только потом он начинает «приносить плоды». Подлежит ужесточению ответственность за ненадлежащее воспитание детей, а тем более за совершение в отношении них преступлений.

Комплексный подход в социализации

Мы хотим отметить, что многие дефекты общества и процесса социализации невозможно устранить по отдельности. Положительные преобразования в одной области будут сводиться на нет негативными процессами в других. Кризисные явления в различных сферах есть прямое порождение кризиса общегосударственного. И невозможно вылечить болезнь, залечивая лишь симптомы, – это процесс долгий и, главное, неэффективный, который неизбежно приведет к краху всех начинаний. Мы считаем, что истоки этого кризиса лежат не в материальной сфере, а в духовной. «...Молодежной политики, как таковой, в России сегодня нет» [Комков 2006 : 35]. Не имея четкого, в основном единого представления, к чему стремиться и какими способами этого достигать, невозможно, да и просто глупо надеяться на что-то.

В осуществлении социализации необходим комплексный подход, предусматривающий координацию прилагаемых усилий, осуществляемый из центра, т. е. на высшем государственном уровне. «Среди обширного перечня агентов социализации молодежи государство располагает максимальным объемом и наиболее высоким качеством ресурсов, необходимых для создания условий, обеспечивающих ее эффективное включение в систему экономических, социальных и других отношений» [Ховрин 2007 : 123]. Именно общим системным кризисом в государстве объясняются проблемы, затрагивающие все сферы общественной жизни, включая проблемы молодежи.

Необходимы согласованность и координация действий всех общественных институтов, участвующих в процессе социализации подрастающих поколений. Прежде всего, такую координацию нужно осуществлять на федеральном уровне, а также на уровнях субъектов федерации и муниципальных образований. Обеспечение взаимодействия на двух последних уровнях также имеет непреходящее значение, ибо обеспечивает учет специфических особенностей и потребностей населения той или иной территории.

Особое внимание следует уделить подготовке необходимых специалистов в области права, которые должны обладать педагогической культурой. Необходимо создавать юридические факультеты с педагогической специализацией в педагогических вузах, повышая качество преподавания. Кроме того, должна осу-

ществляться подготовка в области права также учителей других специальностей, что обеспечит большую согласованность и эффективность проводимых воспитательных мероприятий.

Необходимо признать, что еще не созданы эффективные правовые гарантии и механизмы для защиты прав несовершеннолетних и остальных членов общества. Поэтому пока нельзя сказать, что человек может себя чувствовать в достаточной степени защищенным. «...Должно, наконец, появиться уважение к правам и свободам личности со стороны государства. Граждане должны чувствовать себя безопасно, быть уверенными в том, что в случае проявления какой-либо несправедливости их защитят» [Смоленский 2004 : 80]. Для этого необходимо время. «В современных российских условиях утверждение конституционализма и прав человека – синхронные процессы, для которых необходим плодородный слой ментальности, выражающий способность жить и мыслить иначе» [Жугуров 2006 : 76]. Причиной незащищенности часто является недостаточно эффективная работа правоохранительных органов. В подобных условиях можно сделать вывод, что правовой нигилизм – это не только дефект правосознания, но и объективная оценка действия правовых норм, степени воплощения требований права в общественную жизнь. «Правовой нигилизм возникает как следствие несовершенства права, его инструментария, дисгармонии социальных предпочтений, государственной реализации права, существующего правопорядка в обществе» [Сафонов 2004 : 67].

Среди несовершеннолетних продолжается рост правонарушений, особенно имущественных преступлений. Одной из причин этого является все увеличивающееся имущественное расслоение населения. «Относительно высокий уровень жизни наблюдается сегодня только у 5–8 процентов представителей молодого поколения. Две трети живут за чертой бедности, а еще 10 процентов – вообще на грани нищеты. Разница в уровне жизни достигает 15–18 раз» [Еремин 2006 : 36]. Продолжающееся имущественное расслоение населения особенно негативно сказывается на детях, формирование личности которых проходит быстрыми темпами и которые очень восприимчивы к разнообразным негативным влияниям.

«...Ясно, что молодежная проблема в России – одна из самых болезненных и сопоставимых с национальным бедствием – требует самого пристального внимания государства» [Еремин 2006 : 36]. Для оптимизации и ускорения процесса социализации, а также предотвращения правонарушений в среде несовершеннолетних особое внимание следует уделить организации их досуга, что сейчас является проблемной областью. Здесь необходимо учитывать естественное отставание периферийных регионов по сравнению с крупными городами, особенно столичными центрами субъектов федерации. «...В рамках региона, как правило, имеет место резкая диспропорция между уровнями социальной мобильности молодежи, проживающей в крупных и мелких городах, а еще большая – между первыми двумя группами и молодыми людьми – сельскими жителями» [Ховрин 2007 : 123].

Заключительные положения

Россия имеет огромный потенциал развития, возможно, даже больший, чем у какого-либо другого народа. Но этот потенциал без целенаправленных усилий

по возрождению культуры и нравственности народа останется лишь нереализованной возможностью. Поиск национальной идеи – это только первые попытки к осознанию себя и своего места в мире, созданию своего неповторимого «лица» в международном сообществе. В значительной части такой идеей, по нашему мнению, может и должно послужить православие, в том числе и как основа для правовой системы. «...Не следует бороться с Евангельскими "рудиментами" в правосознании граждан. Их надо не искоренять, а возвращать. С ними как с данностью должны соотносываться свои действия власти и законодатели» [Куприянов 2001 : 69].

Слабость духовно-правовой жизни можно расценивать как размывание государственных ценностей и крушение государства. «Культура – один из краеугольных камней государства. Благодаря ей происходит трансляция из поколения в поколение нравственных норм, устоев и духовных ценностей, что делает общество устойчивым и способным к гармоничному развитию. Следовательно, одна из задач государства сегодня – четкое определение культурной политики и удержание нашей поликультурной системы от хаоса» [Бойцов 2006 : 33].

Здесь термин «социализация» используется в более широком и многоаспектном смысле, чем традиционно. Для этого есть объективные условия в общественной жизни современной России. Нельзя не учитывать то, что мы живем во время преобразований и реформ, что должно существеннейшим образом изменять сущность процесса социализации. В условиях, когда существующее общественное сознание по своим важнейшим характеристикам признается в целом неудовлетворительным, идеалом воспитания новых поколений становится не настоящая реальность, а исторически выработанные и признанные ценности и нормы общества. В этом случае будет более правильным употребление термина «формирующая социализация». По мере увеличения стабильности в российском обществе реальное положение будет приближаться к желаемому, а трактовка – к общепринятому ее пониманию.

По нашему мнению, «формирующая социализация» была бы не реальна, если бы этими ценностями и идеалами, которые берутся в качестве цели, были не утраченные за многие десятилетия духовные и культурные ценности в сплаве с основными достижениями мировой общественной мысли, адаптированными к российским условиям.

Обстоятельства, при которых больше половины населения находится либо за чертой бедности, либо рядом с ней, должны накладывать огромную ответственность на государство, потому что от него напрямую зависит жизнь многих людей. «Не побоимся назвать переживаемое ныне нашей страной время действительно исторической вехой в ее развитии. Поэтому очевидна та огромная ответственность, которую предстоит нести (будем надеяться, достойно) российскому государству. Ведь именно публичная власть, устанавливая или изменяя правила поведения для своих граждан, ставит последних в объективно осязаемые условия зависимости от государства, которое создано и содержится ими же» [Арутюнян 2000 : 87–88].

Библиографический список

1. Арутюнян, С.Л. Правосознание студентов МГУ им. М. В. Ломоносова: отдельные показатели социально-криминологического анализа / С.Л. Арутюнян // Вестник Московского университета. – (Серия 11. «Право»). – 2000. – № 1. – С. 80–90.
2. Бойцов, Л. Отцы и дети: корневой вопрос современной жизни / Л. Бойцов // Российская Федерация сегодня. – 2006. – № 2. – С. 33.
3. Горелов, А.А. Социология в вопросах и ответах / А.А. Горелов. – М.: Эксмо, 2005. – 320 с.
4. Девятова, С.В. Каким должно быть современное образование / С.В. Девятова // Социально-гуманитарные знания. – 2006. – № 5. – С. 64–79.
5. Еремин, В. Чтобы не было страшно за Россию / В. Еремин // Российская Федерация сегодня. – 2006. – № 12. – С. 36–37.
6. Жириновский, В.В. Русский вопрос: внутриполитические аспекты / В.В. Жириновский // Вестник Московского университета. – (Серия 18. «Социология и политология»). – 1998. – № 1. – С. 101–110.
7. Жуковский, В. Нравственность – инстинкт самосохранения / В. Жуковский // Российская Федерация сегодня. – 2006. – № 2. – С. 37–38.
8. Комков, С. Идолы и идеалы / С. Комков // Российская Федерация сегодня. – 2006. – № 12. – С. 35–37.
9. Кравченко, А.И. Социология: учеб. для студентов вузов / А.И. Кравченко. – Екатеринбург: Деловая книга; М.: Логос, 1999. – 368 с.
10. Крутер, М.С. Молодежь как социальный наследник проблем периода несовершеннолетия / М.С. Крутер // Философские науки. – 2001. – № 4. – С. 132–143.
11. Куприянов, А. Церковное право и его рецепция в российское законодательство / А. Куприянов // Российская юстиция. – 2001. – № 2. – С. 68–69.
12. Полуэктова, И.А. Телевидение как механизм социального контроля / И.А. Полуэктова // Вестник Московского университета. – (Серия 18. «Социология и политология»). – 1998. – № 1. – С. 49–60.
13. Сафонов, В.Г. Понятие правового нигилизма / В.Г. Сафонов // Государство и право. – 2004. – № 12. – С. 65–69.
14. Смоленский, М.Б. Право и правовая культура как базовая ценность гражданского общества / М.Б. Смоленский // Журнал российского права. – 2004. – № 11. – С. 73–80.
15. Сорокин, В.В. Правосознание в переходный период общественного развития / В.В. Сорокин // Журнал российского права. – 2002. – № 10. – С. 59–70.
16. Сычева, Л. Менялы в храме культуры / Л. Сычева // Российская Федерация сегодня. – 2006. – № 2. – С. 2–3.
17. Ховрин, А.Ю. Государственная молодежная политика: синтез патернализма и социального партнерства / А.Ю. Ховрин // Социально-гуманитарные знания. – 2007. – № 1. – С. 121–138.
18. Шугуров, М.В. Конституционализация международных норм прав человека и российское правосознание / М.В. Шугуров // Общественные науки и современность. – 2006. – № 2. – С. 67–77.
19. http://semya.org.ru/demography/antonov/forum_report/index.html. Цит. по: Гребениченко, С.Ф. Демографический взрыв в России? / С.Ф. Гребениченко // Социально-гуманитарные знания. – 2006. – № 6. – С. 3–25.

**ПОНИМАНИЕ РЕАЛЬНОГО МИРА
СОВРЕМЕННЫМ ПОЖИЛЫМ ЧЕЛОВЕКОМ
(ЦЕННОСТНО–СМЫСЛОВАЯ КОНЦЕПЦИЯ)**

Г.В. Массон

Мир реально существует, и человек постепенно приближается к его пониманию.

Д.А. Леонтьев

Теоретическое исследование предельного для человеческого восприятия абстрактно-логического уровня: «человек – мир», определяющего образ реальности, в которой живет человек, относится к области практической философии и практической психологии. Классическая и неклассическая философия от И. Канта до М. Хайдеггера описывает не только взаимоотношения человека и мира, но и себя в качестве онтологического инструмента структурирования любого содержания, задавая естественные границы проявления его в человеке, тем самым определяя границы обитания человека в мире.

Человек, как говорит Дж. Келли, смотрит на мир сквозь прозрачные трафареты или шаблоны, а затем пытается подогнать их соответственно тем реалиям, из которых состоит мир [Kelly 1955]. Философская позиция Келли – позиция «конструктивного альтернативизма», суть которого заключается в том, что мы всегда истолковываем происходящее и что любые события мира можно истолковать по-разному. Всегда есть альтернатива, нужны лишь инструменты, применив которые мы определим способ, при помощи которого человек истолковывает мир. Причем мы получим не отпечаток этого мира, а определенную модель, которую человек конструирует в своем сознании. Конструкты дают возможность человеку выстраивать свою линию поведения. В концепции аксиологической направленности практической психологии такими конструктами являются системы личностных ценностей.

Поиск единого начала – некоторых формальных структур с целью объяснения всего многообразия жизни личности – приводит к рассуждениям по поводу существования субъективных психологических моделей. Безусловно, декларация существования некоторого универсума, связывающего конкретные проявления поведения, едва ли может многое добавить к современным представлениям о психологии личности, однако принципиально важно то, что миропроjekt личности, определяющий и задающий поведение, остается за пределами сознания и его необходимо раскрыть. Очевидно противоречие принципа самодетерминации личности и классического психоанализа. Понятие миропроекта введено Людвигом Бинсвангером для всеобъемлющего паттерна индивидуального модуса бытия-в-мире. Экзистенциалисты начала прошлого столетия и современные психологи-экзистенциалисты едины в стремлении дать описание априорных струк-

тур, делающих возможным само человеческое бытие, подчеркивающее его субъективный характер [Тихонравов 1998].

Выделение и анализ таких моделей, определяющих поведение пожилого человека в мире, позволяет приблизиться к пониманию механизмов конструирования им реального мира.

Современная жизнь как феномен представляет собой новый тип реальности, которого не знали ни Античность, ни Новое время. Она проявляется в форме специфического бытия, ценность которой раскрывается через онтологию. Жизнь сама по себе онтологична. Человек, утверждает Х. Ортега-и-Гассет, единственное, что не существует, а «исключительно живет, пребывает в жизни» [Ортега-и-Гассет 1997].

Настоящей жизнью всегда является лишь моя жизнь как исходное данное для всякого субъекта – она как раз и являет собой подлинную первичную реальность, которая означает, что «я нахожусь в мире», «в этом мире», «в этот момент» [Ортега-и-Гассет]. Следовательно, реальный мир человека во всех возможных проявлениях есть не что иное, как его онтологическая модель. Жизнь существует без права передачи, и это определяет уникальность любой онтологической модели. Она заключается в специфичности и своеобразии её конструирования. Архитектонические связи модели представляют собой систему человеческих взаимосвязей, проявляемых в отношениях. Исследуя взаимосвязь системы личностных ценностей и типов межличностных отношений, мы констатируем её базисный характер. Именно взаимосвязь способствует пониманию особенностей отношений человека, объясняя их его личностными ценностями, обеспечивающими функционирование в межличностном пространстве.

По этой же причине вопрос понимания мира основан прежде всего на прояснении особенностей построения онтологической модели реального мира. Проявление взаимодействия реальностей выражается в особенностях их взаимоотношений и содержательно исследуется в ценностно-смысловых проекциях личности, ибо во внешнем мире для человека нет никакой другой точки опоры, равно как нет и никаких внешних зависимостей.

Перенесение опоры существования внутрь самого себя, порождает у человека ощущение новизны его бытия, чувство неограниченной свободы, что делает его бесконечно потенциальным и вместе с тем стимулирует личную ответственность в ситуации принятия решения и выбора. Выбор же состоит в следующем: должен ли человек стремиться к продлению собственной активной жизни ценой бесконечных аксиологических преобразований? Вполне возможно, что ощущения оставленности, одиночества, изолированности, во время которых пожилой человек предоставлен сам себе, исключительно потенциальны с точки зрения их полезности для культивирования из самого же себя новых смыслов, которые он экстраполирует затем на остальной мир. В большинстве же случаев подобное непрофессиональное философствование («расстановка» ценностных приоритетов), с одной стороны, вызывает возбуждение, приносящее интерес в духовную жизнь, с другой – может явиться причиной серьезных психологических кризисов. И именно в этом смысле мир, на который человек переносит произведенные им смыслы, оформленные в виде ценностных структур, оказывается по отношению к этому человеку враждебным, и на его фоне сам человек представляется

себе лишь малой песчинкой. Но сформированная таким образом модель не имеет четких границ, так как не представляется возможным «жесткое» закрепление ценностей в когда-либо сформированной системе. Ценности подвижны в борьбе за собственную приоритетность, и в связи с этим человек находится в бесконечном поиске смыслов, стараясь с их помощью хоть на какое-то время закрепить ценностную структуру, что удерживает его в постоянном возбуждении. В этом смысле возбуждение, безусловно, позитивно, т. к. оно направлено на решение очевидного противоречия: «...с одной стороны, люди стремятся совершенствовать свои конструкты, делать их максимально адекватными реальности. С другой – существуют определенные силы, препятствующие любому изменению наших конструктов, – человек склонен останавливаться при мысли об их изменении, уклоняясь от проверки и встречи с реальностью, поскольку боится результатов испытания... Таким образом, в основе всей динамики конструктов лежат две противоречащие друг другу силы, или тенденции: с одной стороны, стремление подгонять конструкты под реальность, с другой – сохранять их неизменность. Первая связана с прогрессивным личностным развитием, вторая – со стагнацией, невротизацией, психологическими защитами и нарушениями адаптации» [Леонтьев 2005].

Вышесказанное не позволяет нам сформировать сколько-нибудь четкую психологическую модель реального мира пожилого человека, ибо она всегда находится в движении и бесконечном разрешении самим человеком сложнейшего вопроса: держаться за свои ригидные представления и истолкования, проявляя нетерпимость и агрессивность, или все-таки становиться открытым новому опыту? Ведь от опыта никуда не деться, он постоянно поступает. Следовательно, его нужно каким-то образом «перерабатывать», структурировать, формировать из него разноуровневые конструкты. Конструкты, в свою очередь, образуют систему, в которой есть конструкты более высокого и более низкого порядка, обеспечивающие возможность создания временно фиксированной модели.

Безусловно, создание психологической модели реального мира для пожилого человека, самостоятельно конструирующей такую модель, представляет собой чисто абстрактную концепцию и является в значительной мере исключительно практическим вопросом. «Келли всюду подчеркивает, – пишет Д.А. Леонтьев, что человек не наблюдатель, он живет в мире и все конструкты порождаются постольку, поскольку они нужны ему для реальных взаимодействий с миром... они меняются только в той мере, в какой прогнозы, вытекающие из них, проверяются на реальном опыте» [Леонтьев 2005].

Продолжая рассуждения о практической значимости существования личной модели реального мира для пожилого человека, уместно привести слова М.К. Мамардашвили: «Чтобы им жить в мире, который они могли бы понимать, нужно много работать над собой. Вкладывать капитал. А работать... не хочется. Человеку (как эмпирическому существу) это нередко свойственно. Беда еще в том, что в современном обществе появились заменяющие работу схемы, которые делают понятным мир. Это идеологические схемы, которые удовлетворяют сраженность основ личного существования с каким-то пониманием, а человек ведь не может жить, не уважая себя, без личного достоинства – он чего-то ожидает от себя. Так вот, если какая-то идеологическая схема удовлетворила без труда его

личную потребность, т. е. сделала мир, в котором он живет, не сложным, а простым и поэтому понятным, то она неразрушима» [Мамардашвили 1994]. Исходя из приведенного рассуждения, мы видим, что человек всегда в ожидании некоей универсальной модели для себя, причем заданной извне. Формирование же модели, основанной на внутренних приоритетах, требует от человека серьезной работы над собой.

Безусловно, человек есть некая совокупность фундаментальных человеческих требований к миру, каким он должен быть. Это неотделимо от феномена человека. Человеку важно, пользуясь средствами знания – понятиями, выявлять каждый раз такой мир, в котором личность могла бы жить (или, выявив, не хотела бы жить – это одно и то же).

Как только человек осознает, а значит, понимает и переживает (или не переживает) собственную оставленность, одинокость, предоставленность самому себе – то эти состояния ставят перед человеком, а перед пожилым человеком в особенности, целый ряд прежде не известных ему проблем, решение которых связано с активизацией физических и психических усилий. Одна из них – обеспечение собственного существования и сохранения личностной и субъектной статусности. Этот процесс представляет, во-первых, возможность (физическую и психологическую) оказывать сопротивление внешним воздействиям (межличностные и социальные отношения), если те нарушают пребывание человека в нормальном (с точки зрения его личной определенности) состоянии. Во-вторых, он есть деятельное, активное отношение к внешним обстоятельствам, направленное на такое их преобразование, которое способствовало бы сохранению устойчивости собственного существования. Действие, выраженное в сопротивлении и преобразовании, оказывается ближайшим фундаментом собственного существования человека и одновременно условием его самоидентичности. И как следствие, субъективность реального мира всегда противостоит объективности абсолютного Мира. Процесс такого активного противостояния составляет сущность самой жизни. А способом и механизмом пребывания человека в Мире выступает само-сохранение. И это одна из причин того, как упорно и настойчиво человек, особенно пожилой человек, отстаивает свою систему ценностных доминант, удерживая её как можно дольше, тем самым сохраняя для себя возможность отношения к реальному миру, сквозь призму собственной модели. Имеем ли мы право рассуждать в данном контексте о пассивности пожилого человека в его стремлении понимать мир? Напротив, он очень активен в сохранении незыблемости своих систем, образующих модель. Активен до упрямства. Да, конструкты в его модели сопротивляются изменениям, они становятся своего рода непроницаемы и недостаточно вариативны, и, как следствие (проявляемое в поведении), мы наблюдаем однообразие реакций [Левитов 1971].

Леность или активность мы наблюдаем? Не с этим ли связано высказывание «Лень – двигатель прогресса». В нашем контексте – жизненного прогресса, т. е. жизненной перспективы. Сформированная жизненная система (своеобразная, специфичная модель реальности) позволит пожилому человеку сохранить время – время жизни. Бесконечное приспособление к миру потребует от человека колоссальных затрат жизненных сил. В лучшем случае отношение к тому, что не вписывается в ригидные конструкты, примет форму защитной рациона-

лизации: «Знаешь, Пятачок, это неправильные пчелы. И мед у них тоже неправильный...».

Своеобразие модели реальности состоит в самой природе её возникновения. Рассуждения в этой области лежат в плоскости психофизиологических и энергетических возможностей человека. Пребывать в возбужденном состоянии (фаза продуктивной деятельности) длительное время организм не может ввиду динамичности психических явлений. Но само по себе состояние возбуждения, для проявления своей потенциальности, включает в себе очень важную регулирующую функцию – перехода в потребность, ибо именно потребность побуждает человека к принятию решения.

Потребность в создании модели возникает тогда, когда исследование непосредственно самого реального мира невозможно или затруднено в силу его недоступности и неохватности, отсутствия критериев. Но критериями могут выступать личностные ценности как субъективные условия понимания объективного мира. В связи с этим возможно построение лишь субъективной модели реального мира, ибо не существует объективных критериев, позволяющих описать модель объективного мира. Но мало создать модель личного мира, она должна стать неким лекалом его познания, понимания и принятия. В этом усматривается один из важных аспектов взаимосвязей психических состояний с системой отношений личности.

Согласуясь с тем, что модель – форма познавательной деятельности, разновидность абстрактно-логического познания, исследование содержательной стороны реального мира основано на изучении ценностно-смыслового содержания личностных ценностей пожилого человека. Казалось бы, подобное заявление вполне очевидно, но до сих пор еще бесчисленные часы «научных» дискуссий и десятки тысяч книжных страниц и научных публикаций тратятся на доказательства того факта, что, поскольку лишь собственный способ видения реальности является правильным и верным, то любой другой человек, видящий реальность по-другому, следовательно, не прав. Ведь жизненные позиции каждого, определяемые субъективными ценностно-смысловыми ограничениями, требуют постоянного подтверждения и, не находя его, приводят к напряжению (в отличие от возбуждения напряжение не всегда бывает позитивным), зачастую к избыточному. Это особенно «обостряется» в пожилом возрасте, находя выход в различных невротических проявлениях. Снять такое обострение достаточно сложно, так как пожилые люди в истинности своих реальностей целиком и полностью уверены. «Мы озабочены не вещами самими по себе, а мнением, которое мы имеем об этих вещах», – говорил Эпиктет уже 1900 лет тому назад. А мнения – это и есть смыслы которые, будучи облеченными в ту или иную речевую конструкцию, предъявлены внешнему миру в виде доминирующих ценностей.

Смысл как целостная совокупность жизненных отношений у Ф.Е. Василюка является своего рода продуктом мотивационно-ценностной системы личности и понимается как нечто «...внутреннее и субъективное», отличное от продукта внешней практической и внутренней объективной познавательной деятельности [Василюк 1986]. Функцией мотива является процесс смыслообразования, обуславливающий направление и побуждение поведения человека. Система ценностей выступает в данном случае как «психологический орган» измерения и со-

поставления меры значимости мотивов, соотнесения индивидуальных устремлений и «надындивидуальной сущности» личности [Василюк 1984]. Ф.Е. Василюк полагает, что в ходе развития личности ценности претерпевают определенную эволюцию. Первоначально они существуют только в виде эмоциональных реакций на их утверждение или нарушение. Затем ценности последовательно приобретают форму «знаемых» мотивов, мотивов смыслообразующих и, наконец, одновременно смыслообразующих и реально действующих. Одновременно в процессе приобретения новых мотивационных качеств происходит своего рода скачок в степени осознанности ценностей, в результате которого «ценность из “видимого”, из объекта превращается в то, благодаря чему видится все остальное, – во внутренний смысловой свет». Таким образом, ценность, став реальным мотивом и являясь источником осмысленности бытия, ведет к личностному росту и совершенствованию, внутренне освещая всю жизнь человека, наполняя ее простотой и подлинной свободой. Очевидно, что смысл не может существовать вне контекста личностного развития, перспективы, будущего, которое Ф.Е. Василюк образно называет «домом» смысла. По его словам, «смысловое будущее» является отражением отношения смысла к реальному, к действительности.

Говоря об осознанности, «отрефлексированности» наиболее общих смысловых образований, Б.С. Братусь использует понятие «личностные ценности», отличая их от личностных смыслов, которые, по его мнению, далеко не всегда носят осознанный характер. По его словам, «личностные ценности – это осознанные и принятые человеком общие смыслы его жизни». Б.С. Братусь проводит разделение осознанных смыслов жизни и декларируемых, «назывных» ценностей, «не обеспеченных “золотым запасом” соответствующего смыслового, эмоционально-переживаемого, задевающего личность отношения к жизни, поскольку такого рода ценности не имеют, по сути дела, прямого касательства к смысловой сфере» [Братусь 1981]. Ценность, таким образом, осознается человеком всякий раз, когда смысл имеет для него принципиальную важность. Принципиальные отношения возникают лишь в контексте реально осознаваемого мира.

Сознание – это, прежде всего, сознание иного. Но не в таком смысле, что мы сознаем другой предмет, а в том смысле, что человек отстранен от привычного ему обыденного мира, в котором он находится. В этот момент человек смотрит на него как бы глазами другого мира, и он начинает казаться ему непривычным, не само собой разумеющимся. Как белке, которая соскочила бы с известного колеса и со стороны бы посмотрела на это колесо. Это и есть сознание как свидетельство. То есть, мы подчеркиваем, во-первых, что есть сознание и, во-вторых, что термин «сознание» означает какую-то связь или соотнесенность человека с иной реальностью поверх или через голову окружающей реальности. Назовем это условно обостренным чувством реальности. Оно связано в то же время с какой-то иномирной ностальгией.

Сознание отлично от содержания представлений, от психики; абстрактно мы можем полагать содержание представлений, психические состояния. Но если мы не можем осознать себя в качестве субъекта этих представлений и тем самым сами осознать эти представления, то мы оказываемся в мире некоторого зависимого существования, причем зависимого так, что в этом мире происходит игра, продолжающаяся бесконечно, так что я никогда и не узнаю, что у меня ме-

няются состояния. Если я разрубаю эту зависимость, вводя понятие сознания или критерий сознаваемости, то я оказываюсь в области чего-то, что я принял без необходимости ответа, так, что понял, что отвечать на этот вопрос нет никакой нужды, чтобы в любой новой или сложной ситуации воссоздать способность человека понимать и находить себя и свое место через то знание и информацию, которые он имеет о мире. Фактически философия пытается дать человеку возможность найти себе место, понятное место в том мире, который описывается знанием. Представьте себе, что вполне возможен какой-то мир, который описывается знанием, и если человек не может найти себя, осмысленное для себя место в такой мере, как описано знанием, то это знание перестает для него быть человеческим богатством.

Итак, с одной стороны, мы имеем рост числа людей, жизненные условия которых не связаны с условиями их богатства, и с другой – среди людей популярны идеологические схемы, упрощающие понимание действительности, избавляющие от необходимого труда, развития. Чтобы воспроизводился сложный мир, должно воспроизводиться сложное усилие саморазвития, т. е. капиталовложения в себя, в свои способности, деяния, воображение, мышление. В противном случае человек просто останавливается в развитии.

Таким образом, мы наблюдаем, с одной стороны, личность, с другой – картину такого мира, в котором эта личность могла бы осмысленно жить, ориентироваться, понимать и воспроизводить себя в этом мире в качестве именно личности.

Человек есть какая-то совокупность фундаментальных человеческих требований к миру, каким он должен быть. Это неотделимо от феномена человека. Мы погружены в непосредственную человечность и часто не способны разорвать связь понимания.

Для прояснения обсуждаемого феномена представляется необходимым обратиться к анализу понятия «понимание». Это позволит сделать более понятной специфику соотношения человека и мира в процессе формирования и эволюции миропонимания.

Традиционно «понимание» рассматривают как характеристику мысли, то есть характеристику самого интегрального продукта мыслительного процесса.

К. Дункер, опираясь на результаты экспериментальных исследований, описывает феномен понимания как одномоментный акт установления отношений между элементами проблемной ситуации, как инсайт. Итоговое понимание не имеет протяженности во времени, не является, по мнению К. Дункер, цепью аналитических ходов мышления, а реализуется как «синтетическое обнаружение» того, что в структуре проблемной ситуации содержало элемент неопределенности. Такое синтетическое обнаружение субъективно сопровождается чувством ясности, понятности, которое зачастую бывает трудно выразить, то есть формализовать в доступном для понимания другом виде. К. Дункер объясняет понимание как результат такого реструктурирования ситуации, при котором выделяется новая структура с характерными для нее отношениями между элементами, вследствие чего происходит обнаружение новых функций элементов ситуации. «Синтетическое обнаружение возможно благодаря тому факту, что в ситуации, данной в определенной структуре и характеризующейся определенными функциями (асpekтами), могут обнаруживаться новые функции (асpek-

ты), когда эта ситуация, не претерпевая существенных изменений, включается в новые образования» [Дункер 1965].

Сходного мнения придерживается Д. Бом: «Понимание означает восприятие новой цельной структуры, в свете которой все прежние крупинки знания встают на свои места и обнаруживают естественную связь друг с другом, причем внезапно обнаруживаются новые многочисленные, прежде не ожидавшиеся, взаимосвязи» [Бом 1967].

Согласно В.А. Ганзену, понимание как «необходимый результат отражения целого на операторном уровне» представляет собой прежде всего «результат однократной обработки некоторого ограниченного объема информации [Ганзен 1974]. Специфика понимания как одноактного «улавливания» сути проблемной ситуации состоит в том, что, будучи явлением одномоментным, оно подготавливается всем ходом предшествующего ему мышления, представляя собой с точки зрения характеристики этапов мыслительного процесса его завершающее звено. Однако понимание как результат мышления, как характеристику самой мысли следует отличать от динамики понимания, которая составляет процессуальную природу мышления. Мышление как процесс понимания и мысль как результат понимания отражают различные процессуальные и результирующие аспекты деятельности сознания в мыслительном контуре.

«Продуктивность непонимания, – констатирует В.П. Зинченко, – связана с тем, что оно влечет за собой поиск смысла» [Зинченко 1983]. Само по себе это требует мыслительных усилий, не говоря уже о том, что мыслительный процесс, стимулом для которого служит осознание проблемной ситуации, может протекать сколь угодно долго, и в нем не заложена гарантия того, что понимание, к которому стремится мышление, необходимо состоится.

Согласно смысловой теории сознания А.Ю. Агафонова, многофункциональным аппаратом понимания выступает сознание. В ходе процедуры понимания обнаруживается смысл как результат работы сознания по осознанию собственного содержания. Сознание в своем функциональном качестве и есть механизм понимания (гносеологический план сознания). Продукты психической активности как интегральные результирующие психических процессов даны в сознании только через их обнаружение самим же сознанием. Поэтому в онтологическом плане сознание – это актуальный текст, который есть единство взаимосвязанных смыслов, а в гносеологическом аспекте сознание – это механизм понимания, понимания собственного текста [Агафонов 2003].

Таким образом, мы можем заключить, что понимание представляет собой процесс работы сознания, в ходе которого устанавливаются новые взаимосвязи между рассматриваемыми сторонами предмета. При этом предметом и продуктом всегда и постоянно является смысл как то, что составляет саму природу сознания. Другими словами, понимание – это осознание смысла. Смысл же, как будет рассмотрено ниже, – отношение субъекта к объекту, включенность в процессы сознания личностных детерминант, таких как мотивы, потребности, влечения и т. д. В итоге мы получаем следующую картину: понимание представляет собой одномоментное схождение в одной точке рассматриваемого предмета, ставшего уже материалом сознания, и субъекта как обладателя определенного мировоззрения, куда в том числе включены личностные составля-

ющие. В результате этого предмет обретает свое место в смысловой системе личности, наполняется смысловым содержанием, изменяя при этом в той или иной мере саму систему. Заметим здесь же, что признаком именно понимания как завершающего акта познания является субъективное ощущение стройности и гармоничности произошедшего слияния.

Каким образом данные положения относятся к феномену миропонимания?

Исходя из приведенных выше рассуждений, мы должны рассматривать миропонимание как процесс и результат включения Мира в смысловую систему личности. Но что это значит? Каким образом Мир, по сути своей нечто всеобъемлющее, может стать частью личностной системы смыслов?

Во-первых, безусловно, мы не можем говорить о Мире как материи, реальности, которая нас окружает. Мы вправе рассуждать лишь об Образе мира, как о том, что уже в процессе восприятия стало содержанием сознания. Самый же сложный вопрос заключается в том, каким образом личность может воспринять Мир как нечто целое? Именно Мир, а не череду событий или отдельных людей и процессов? Это такое же безграничное, безмасштабное явление, которое невозможно сделать объектом изучения, а можно лишь каким-либо образом к нему относиться. Можно изучать модель мира, его отдельные части с помощью созданных или уже существующих инструментов, но сам феномен объектом стать не может.

Познавать и понимать Мир может только Человек, а это значит, что понимание Мира здесь будет являться вписыванием его частей в общую интегральную Картину Мира. При этом в процессе постоянно будет участвовать нравственная позиция этого человека (смысловой уровень регуляции) через подчинение воспринимаемого основным ценностям. Таким образом, миропонимание предстает перед нами процессом, обусловленным личностными образованиями, а также базовыми духовно-нравственными ценностями человека. Слово «миропонимание» несет в себе взаимодействие Человека через регулирующую функцию системы ценностей и Мира как того, что этой системой структурируется.

Под целостным миропониманием мы понимаем осознание всех компонентов окружающего мира в их цельности и взаимосвязанности, не только природы, космоса, но и отдельных ситуативных моментов, как проявление системы. Здесь и отношение к другому человеку в данный конкретный момент времени, понимаемое в ракурсе целостного образа мира, и отношение ко всему человечеству как позиция, сознательно выбранная человеком; не стоит забывать также про самого субъекта, вписывающего себя в целостный образ мира.

Как нам кажется, условием целостного миропонимания может быть осознание своих отношений с миром на всех смысловых уровнях: на уровне личных интересов и потребностей; на уровне интересов своего ближайшего окружения или интропны; на уровне всего человечества, а также на уровне предельных человеческих сущностей и смыслов. При этом здесь не нарушается положение Б.С. Братуся о доминировании одного из названных уровней как духовно-нравственной позиции человека. Непременным условием целостности миропонимания является именно осознание всех перечисленных аспектов, осознание своей позиции, своего отношения к ним, а не доминирование ценностей всех

уровней. Последнее в принципе невозможно. Добавим здесь, что в процессуальном плане миропонимание выражается в конкретном ситуативном осознании каких-либо аспектов, относящихся к отношению пожилого человека к миру; а как результат процесса миропонимания выступает система его ценностей – устойчивых осознанных образований, выражающих генеральное отношение человека ко всем составляющим мира, описываемым смысловыми уровнями. Эта система ценностей регулирует все стороны жизнедеятельности личности, причем пути и способы этой регуляции могут быть самыми разнообразными.

Завершая рассуждение, можно уверенно констатировать, что миропонимание представляет собой понимание (через осознание) всех аспектов или частей взаимоотношений Человека с Миром, в результате которого продукт этого понимания входит составной частью в ценностно-смысловую систему Человека, создавая или не создавая при этом новые взаимосвязи и компоненты, помогая или препятствуя Человеку в его духовно-нравственном развитии, каждодневно обеспечивая его возможностью быть в реальном мире [Массон 2004].

Библиографический список

1. Агафонов, А.Ю. Основы смысловой теории сознания / А.Ю. Агафонов. – СПб.: Речь, 2003. – 296 с.
2. Бом, Д. Специальная теория относительности / Д. Бом. – М., 1967.
3. Братусь, Б.С. К изучению смысловой сферы личности / Б.С. Братусь // Вестн. Моск. ун-та. – (Серия 14. «Психология»). – 1981. – № 2. – С. 46–56.
4. Василюк, Ф.Е. К проблеме единства общепсихологической теории / Ф.Е. Василюк // Вопросы философии. – 1986. – № 10. – С. 76–86.
5. Василюк Ф.Е. Психология переживания / Ф.Е. Василюк. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. – 200 с.
6. Ганзен, В.А. Восприятие целостных объектов / В.А. Ганзен. – Л., 1974.
7. Дункер, К. Психология продуктивного мышления / К. Дункер // Психология мышления. – М., 1965.
8. Зинченко, В.П. От геноза ощущений к образу мира / В.П. Зинченко // А.Н. Леонтьев и современная психология. – М., 1983.
9. Левитов, Н.Д. Психические состояния персеверации и регидности / Н.Д. Левитов // Вопросы психологии. – 1971. – № 5. – С. 133–140.
10. Леонтьев, Д.А. Непонятный классик. К 100-летию со дня рождения Джорджа Келли / Д.А. Леонтьев // Психологический журнал. – 2005. – Т. 26. – № 6. – С. 111–117.
11. Мамардашвили, М.К. Философия и личность / М.К. Мамардашвили. – Человек. – 1994. – № 5. – С. 5–19.
12. Массон, Г.В. Взаимосвязь системы личностных терминальных ценностей и типов межличностных отношений : автореф. дис. ... канд. психол. наук / Г.В. Массон. – Красноярск, 2004.
13. Ортега-и-Гассет, Х. Что такое философия? / Х. Ортега-и-Гассет. – С. 161.
14. Ортега-и-Гассет, Х. Человек и люди / Х. Ортега-и-Гассет // Избранные труды. – М., 1997. – С. 437.
15. Тихонравов, Ю.В. Экзистенциальная психология / Ю.В. Тихонравов. – М., 1998. – С. 58–98.

МОЛОДЕЖНЫЙ РЫНОК ТРУДА: ПРОБЛЕМА ТРУДОУСТРОЙСТВА

Л.А. Миндибекова

Современный рынок труда характеризуется наличием противоречия: с одной стороны, в экономике страны сохраняется достаточно высокий процент безработицы, с другой – все более ощущается нехватка квалифицированных рабочих рук. Именно поэтому для обеспечения высокого темпа роста экономики проблеме улучшения качества трудовых ресурсов уделяется большое внимание. Немаловажную роль в выполнении этой задачи предстоит играть молодежи.

Уровень образованности населения в целом растет, причем достаточно быстро: резко увеличилось количество людей, получающих высшее образование, защищающих кандидатские, докторские диссертации. Однако профессиональных рабочих готовится очень мало. Фактически их нехватка уже превращается в ощутимый ограничитель экономического роста. Такое развитие событий аналитики связывают с тем, что подготовка кадров зачастую ведется без учета реальных потребностей работодателей. В настоящее время до 40 % выпускников профессиональных учебных заведений не могут трудоустроиться по полученной специальности, а следовательно, приобрести и повысить опыт работы.

Исследования, проведенные в развитых странах, показывают, что получение первой работы еще в школе или сразу по окончании, как правило, сильно влияет на перспективы занятости молодых людей. Положительный эффект «первой работы» со временем, по-видимому, ослабевает, но полностью не исчезает.

Отрицательные последствия безработицы на молодых людях сказываются не так сильно, как на взрослом населении, тем не менее для них это определенный этап жизни, поэтому проблема заслуживает серьезного внимания. Молодежная безработица часто является причиной асоциального образа жизни, связанного с девиантным поведением.

Трудности, с которыми сталкиваются молодые люди в начале профессионального пути, зачастую проистекают из-за нестыковки между их нуждами и устремлениями, с одной стороны, и тем, что общество предлагает и требует от них – с другой. Для того чтобы разрешить это противоречие, молодежи следует создавать условия для самореализации, давать возможность вносить вклад в развитие общества. Результаты успешной адаптации молодежи на рынке труда зависят как от экономической ситуации и политики, проводимой государством, так и от усилий самих молодых людей, от их планирования собственной судьбы.

Среди проблем, стоящих перед современной молодежью, проблема трудоустройства занимает одно из первых мест. Государственная молодежная политика, считает И.М. Ильинский, сегодня ориентирована на маргинальную часть молодежи, чтобы она хоть как-то выживала, не бунтовала. Это задача конъюнктурная, тактическая. Между тем ставка на молодежь – задача стратегическая, ибо сама молодежь – это стратегический ресурс нации.

Сегодня многие исследователи, особенно те, которые концентрируют свое внимание на проблемах молодежи в трудовой сфере, к этой категории относят молодых людей в возрасте 16–29 лет. Представляется, что в сегодняшних условиях необходимо снизить нижний предел молодежного возраста. Возраст является основным признаком при определении количества трудовых ресурсов на рынке труда. На сегодня начало трудовой деятельности – острая социальная проблема. В связи с большим отсевом учащихся из школ, незаинтересованностью в полном среднем образовании многие подростки оказываются «потерянными» в социальном отношении. 13–14-летние юноши и девушки не учатся, но и не имеют права работать. Вполне очевидно, что в этом плане требуется корректировка законодательства, надо, чтобы объективная реальность – снижение возраста вступления в трудовую жизнь получила правовое подтверждение.

Следует отметить, что в других странах нижний предел молодежного возраста нередко меньше 16 лет. Он, как правило, коррелирует с началом трудовой жизни. К примеру, в США трудовая жизнь начинается в соответствии с законодательством с 14 лет, поэтому ученые относят к молодежи юношей и девушек этого возраста.

В работах многих отечественных исследователей среди молодежи также выделяются различные ее группы по критерию возраста. Это, безусловно, позволяет более объективно проанализировать проблемы молодого поколения на рынке труда. Социально-экономические проблемы, деловая активность, социальное самочувствие юноши 18–20-летнего возраста зачастую принципиально отличаются от аналогичных характеристик молодого мужчины в возрасте 22–25 лет, не говоря уже о поколении, приближающемся к среднему возрасту. Становление молодых рабочих, а также представителей ряда профессий в сфере предпринимательства, делового администрирования (секретарь, менеджер по продаже и т. п.) зачастую заканчивается в 25 лет.

Анализируя проблемы молодежи на рынке труда по критерию возраста, целесообразно выделить три ее основные группы: до 20 лет, 20–25 лет, 26–29 лет. При изучении проблем юношей и девушек раннего возраста можно выделить в первой группе три подгруппы: до совершеннолетия; в период окончания школы (16–18 лет); первые годы после получения (основной массой молодежи) среднего образования, когда начинается послешкольное образование, делаются первые трудовые шаги. Что касается возрастных групп молодежи, то, руководствуясь вышесказанным, к молодежи следует относить молодых людей в возрасте 14–29 лет. Целесообразность определения верхней границы молодежи на уровне 29 лет подтверждается и тем, что, по данным ученых Института сравнительных исследований трудовых отношений, «медианное значение возраста, в котором осуществлено трудоустройство на последнюю работу, – 29 лет».

Молодежь – это большая внутренне дифференцированная общественная группа в возрасте от 14 до 29 лет, занимающая особое место в социально-экономической подсистеме общества, определяемая социальными и психологическими чертами молодых людей, их экономическим положением и социальным статусом, уровнем образования и профессиональной подготовки.

Рынок труда как наиболее сложная составная часть рыночной экономики представляет собой механизм согласования интересов работодателей (предъяви-

телей спроса на труд) и наемной рабочей силы (продавцов последней). Товаром на рынке труда является рабочая сила, на нем, как и на любом рынке, есть предложение, спрос, цена товара.

В литературе и на практике бытует мнение, что проблемы в трудоустройстве молодежи объясняются ее низкой конкурентоспособностью на рынке труда, обусловленной в основном недостатком профессиональных знаний, отсутствием необходимой квалификации и трудовых навыков, что приводит к отказу работодателя от услуг молодого человека. Преимущество при приеме на работу отдается квалифицированным работникам. К тому же сказывается нежелание работодателей нести дополнительные организационные и финансовые трудности, связанные с профессиональным обучением молодых кадров, не имеющих необходимой для предприятия профессии.

Причины высокого уровня безработицы юношей и девушек – в их меньшей конкурентоспособности, неподготовленности к экономическим отношениям, несоответствии профессиональной подготовки потребностям рынка, низкой мотивации к труду. Это утверждение справедливо только частично, по отношению только к той части молодежи, которая обладает явным недостатком профессиональных знаний и практически не имеет навыков в работе. Если последние имеются, пусть и не в сопоставимой с более взрослыми степени, работодатели предпочитают молодых претендентов на свободное место.

Данные исследований, проведенных Научным центром социальных технологий АТ и СО при участии автора, свидетельствуют, что в предпринимательском секторе отдают предпочтение молодым. Об этом говорят и наши наблюдения, беседы с работодателями и безработными. Следует подчеркнуть, что речь не только о фирмах, где идет поиск знающих языки, компьютер и т. п. Тут явное преимущество имеет молодежь.

У молодежи преимущества и в сфере вторичной занятости. По данным ученых Института сравнительных исследований трудовых отношений, «дополнительную работу чаще имеют представители наиболее конкурентоспособных групп на рынке труда – мужчины, работники молодого и среднего возраста, имеющие образование не ниже среднего».

Это вполне объяснимо. Освоение человеком такой стратегии поведения, как дополнительная работа, является следствием адаптационных (социокультурных) возможностей работника. Эта стратегия становится нормативно-приемлемой для личности, когда входит в систему ее норм и ценностей. Именно эта социальная особенность характерна для молодого возраста.

Таким образом, нельзя говорить о низкой конкурентоспособности на рынке труда молодежи в целом, требуется дифференцированный анализ различных групп молодежи. В ряде регионов очень большая конкуренция в поиске работы. Значительная часть молодежи при вхождении на рынок труда испытывает трудности, которые не знало предыдущее поколение. Не являются исключением и те, кто имеет высокий уровень образования, соответствующую профессиональную подготовку. Невостребованность молодых специалистов на рынке труда отрицательно сказывается прежде всего в области использования и подготовки работников инженерно-технического профиля. Экономисты, юристы, менеджеры, бухгалтеры (столь необходимые специалисты для рыночной экономики) никогда

не заменят инженеров, технологов, конструкторов, строителей, агрономов, обеспечивающих производственный процесс реальной экономики. По мере выхода из кризиса общественное производство все больше будет в них нуждаться. На государственном и региональном уровнях необходимо разработать прогноз потребности в специалистах для различных сфер экономики и их подготовки в учебных заведениях. Должно быть обеспечено оптимальное соотношение в подготовке специалистов с высшим и средним профессиональным образованием.

К сожалению, только за последнее десятилетие по стране закрыто 400 ПТУ. Зато увеличилось число техникумов. Открыто более тысячи колледжей, где обучают четыре года и выпускают бакалавров. Если в Советском Союзе рабочие кадры готовились в основном для промышленности, то сегодня профобразование постепенно переориентируется на сферу услуг. Но и это происходит очень медленно: среди тех, кто занят в сфере услуг, профессиональную подготовку имеют не более трех процентов.

По мнению специалистов, следует говорить не о низкой конкурентоспособности молодежи на рынке труда, а о том, что молодежь на рынке труда – и вообще в социально-экономическом аспекте – является одной из наиболее уязвимых социальных групп. Положение усугубляется тем, что большинство молодых людей не знают о своих правах, имеют весьма слабые представления о том, кто и каким образом может и должен их защищать.

В сложившихся социально-экономических условиях молодежь испытывает особые трудности в трудоустройстве. Отсутствие требуемого работодателем стажа и опыта работы у молодых людей резко снижает их конкурентоспособность на рынке труда. Ежегодно значительная часть выпускников пополняет ряды армии безработных.

По мнению некоторых исследователей рынка труда, наши вузы заранее готовят безработных, особенно если учесть, что большинство юношей и девушек практически не готовы к смене профессии. Положение усугубляется тем, что молодые люди зачастую не могут показать работодателю активность, желание работать, проявить личную инициативу.

В ПОИСКАХ ОСНОВАНИЙ НАУКИ: ПРОБЛЕМА РАЦИОНАЛЬНОСТИ

В.В. Минеев

Хорошо это или плохо, но так уж сложилось, что в нашей стране задачи научных исследований (особенно в области философии) всегда были в значительной мере подчинены задачам образования. Нет ничего удивительного в том, что введение курса «История и философия науки» для аспирантов и соискателей сопровождается валом научных публикаций, тематика которых максимально приближена к содержанию учебной программы [Программы... 2004]. Очевидно, ключевая роль в программе отводится именно **обоснованию** научного знания, прояснению оснований науки как особой формы духовно-практической деятельности. Долгое время насущной потребностью мыслящих людей была защита религии перед лицом разума. Так рождалась и закалялась в борьбе христианская теология. В современную эпоху актуальность приобрела уже иная проблема: защитить перед лицом разума... науку. В философской литературе эту проблему дипломатично именуют проблемой «научной рациональности». Действительно, какое отношение известная всем нам наука с ее нечеловеческими законами, негуманными экспериментами, утилитарно-прикладными целями имеет к Разуму? По-видимому, ответить на этот вопрос и призван курс «История и философия науки». В порядке отклика на нужды образовательного процесса попытаемся, насколько позволяют рамки небольшой статьи, обозначить один из аспектов проблемы рациональности, а именно связь данной проблемы с осмыслением человеком собственной смертности.

Латинское слово **ratio** переводится на русский язык как разум, рассудок, мышление, вывод; счет, подсчет, сумма, отношение; выгода, интерес; метод, способ, приём, план, устройство; основание, обоснование, мотив; теория, наука, взгляд, проблема; правило, состояние... И это далеко не всё. Более того, латиноязычные авторы переводили словом **ratio** греческое слово **logos**, которое, помимо перечисленных значений, имеет и массу других: слово, речь, мысль, истина, смысл, закон, согласие, мера... Обычно мы называем рациональным нечто такое (явление природы, физический или социальный процесс, человеческий поступок, намерение), в чем можно обнаружить упорядоченность, форму, закономерность, целесообразность, то есть всё то, что или относится к самому разуму (буквально совпадает с ним), или доступно его пониманию. С одной стороны, характеристика «рациональное» относится к бытию (онтологический аспект); с другой – к мышлению, к знанию (гносеологический аспект). Двойко, даже тройко трактовался Логос и в античности: Закон, или Разум (бытия), – Разум (человека) – Слово (посредник между бытием и мышлением). За алогичное же, за иррациональное в таком контексте принимается некое темное, непостижимое разумом начало (либо, в крайнем случае, нечто пока еще не познанное, но в перспективе подлежащее осмыслению и встраиванию в систему знаний).

Таким образом, рациональность – это основанное на разуме отношение человека к миру, принцип человеческой деятельности; а соответственно, рационализм – философско-мировоззренческая позиция, сторонники которой признают разум, логику, опыт основой познания и поведения. Трудности однако связаны с тем, что не существует единого стандарта «разумного отношения к миру», стандарта, пригодного для всех времен и для всех видов деятельности. В частности, научное творчество является лишь одной из известных форм разумного поведения и, более того, меняет свое содержание при переходе от одной эпохи к другой.

Как известно, Макс Вебер опознал в прогрессирующей «рационализации» всех сторон жизни общества (экономики, права, религии) главную тенденцию истории. Вебер противопоставил аффективному (основанному на эмоциях) социальному действию рациональное и выявил несколько его типов. Традиционное поведение базируется на привычке, на традиции и отличается тем, что присутствующая в нем рациональность не становится предметом рефлексии; ценностно-рациональное поведение – на вере в ценность некоторого действия независимо от результатов; целерациональное поведение – на постановке целей и выборе средств для их достижения, причем в качестве средств воспринимаются любые предметы и даже окружающие люди. Формой выражения целерационального действия (со всеми его плюсами и минусами), доминирующего в современном обществе, и стала наука. В дальнейшем веберовская классификация была существенно пополнена. Теперь различают рациональность формальную и содержательную, когнитивную и практическую, внутреннюю и внешнюю, открытую (для критики) и закрытую... Рациональность трактуется как соответствие некоторому вечному идеалу разумности (метафизическая рациональность), методологическим требованиям (операциональная), правилам объяснения (логическая), правилам языка (семантическая), нормам и ценностям (нормативная), определенной социокультурной системе (функциональная), определенному производственному образцу (оперативная), задачам общения (коммуникативная), критериям красоты (эстетическая)... Увы, категориальный бум отнюдь не свидетельствует об успехе теории. Ведь рационалистами называют себя не только те, кто считает науку наивысшей культурной ценностью, главным фактором исторического прогресса и средством решения любых социальных проблем, но и те, кто трактует науку как силу, человеку враждебную, те, кто возлагает на нее ответственность за возникновение не только экологических, но и социальных проблем. Поэтому раскрытие сущности науки (включая решение проблем демаркации, классификации и периодизации) с необходимостью предполагает эксплицирование, или прояснение, понятия рациональности.

На наш взгляд, в основании интуиции «рационального» отношения человека к миру (и к самому себе) лежит всё же не абстрактное представление о некоторой упорядоченности (логической, математической), а императив самосохранения. По крайней мере, обращаясь именно к этому императиву, конструируют понятие Разума родоначальники науки и философии Нового времени (впрочем, такой способ интерпретации разумности был известен еще Платону и Аристотелю). Соответственно, «кризис рациональности», свидетелем которого стал XX век, коренится в чрезмерно узком понимании цели и смысла человеческого существования, в настойчивых попытках свести разумность к стремлению выжить

любой ценой и, естественно, в бесплодности этих попыток, в неосуществимости данной редукции.

Франсуа де Ларошфуко, военный и политик, один из законодателей интеллектуальной моды XVII века, ответственных за триумф рационализма в массовом сознании, намеревался воздвигнуть учение о нравственности на прочном фундаменте науки, **объяснив поведение людей сообразно с законами природы**. Искомым естественно-природным началом в человеке, обуславливающим собственно человеческие качества, пороки и добродетели, выдающемуся мыслителю представляется самосохранение, точнее, «себялюбие» [Ларошфуко 1993]. Этой же дорогой идут все современники Ларошфуко. Декарт заявляет о несовместимости «стремления к разрушению самого себя» с «законами природы» (например, с физическим законом инерции). Гоббс кладет принцип самосохранения в основание теории естественного права. Спиноза – в основание этики. Паскаль переплавляет чувство одиночества и конечности существования в ведущий мотив религиозной веры. Архитектор Просвещения Джон Локк называет «закон самосохранения» «священным» и «неизменным» и виртуозно отождествляет с ним божественное установление, естественный закон, моральный закон, политическую власть, разум, а фактически и экономическую деятельность. Спустя пару столетий с такой же легкостью породнит «инстинкт самосохранения» с «принципом реальности» Зигмунд Фрейд. О слепой воле к жизни, о стремлении выжить любой ценой, составляющем «сущность нашего стада», говорят и так называемые «иррационалисты» (в адекватности термина можно сомневаться): Шопенгауэр, Ницше, Шпенглер...

Себялюбие «соткано из противоречий», «цели меняет», «видит», «слышит», оно «море» и «пропасти», «властно и покорно», «искренне и лицемерно»... Ларошфуко пишет портрет мифологически всеобъемлющего «себялюбия»: «...Погибая в одном облики, оно воскресает в другом». И рационализм, построенный на этом «себялюбии», насквозь мифологичен, хотя стилизуется под научный подход. Случаи, когда любовь к самому себе проявляется в готовности добровольно расстаться с «бесценным благом», интерпретируются либо как патология, либо как модификация желания длиться. К примеру, если некто жертвует собой ради спасения других, то в поступке должно усматривать расчет продлить свое присутствие «в токе крови потомков», «в памяти людей», «в вечности» и т. п. Иначе от героического поступка осталась бы одна экстравагантная выходка, может быть, и достойный, но **рационально не постижимый акт**, случайно обернувшийся выгодой для общества. В эпоху научно-технического прогресса ценности истончаются до «пользы», человеческое тело редуцируется к машине, а бытие человека – к функционированию, к числу, к счету, к накоплению. Дифференцируются и органично дополняют друг друга различные методы количественного «накопления» жизни: увеличение продолжительности или повышение интенсивности, продуктивности; пребывание на земле или на небесах; индивидуальное бытие или коллективное. Сохранение жизни (непрерывное увеличение ее продолжительности) становится средством оправдания социального контроля, основным каналом развертывания отношений господства-подчинения.

Действительно, единство научной деятельности и страстного желания отдалить Конец надежно зафиксировано уже в трудах Фрэнсиса Бэкона: угроза ги-

бели стимулирует прогресс научный, социальный, политический. Идея единства знания и власти (над природой, над другими людьми, над самим собой) оказалась и судьбоносной, и, безусловно, роковой для западноевропейской истории. Проявления парадоксальной, подчас трагической диалектики познания и властвования многообразны.

Во-первых, процедуры иерархизации, манипулирования, контроля неотрывны от структуры научно-практической и научно-теоретической деятельности. Знание и власть взаимно обуславливают друг друга: познание выступает предпосылкой власти, а власть – целью, средством, мерилom и опять же условием познания. Более того, кибернетика демонстрирует непосредственное совпадение процесса передачи информации с процессом управления. Уместно вспомнить также о принудительно-ограничительном характере рационального мышления, о его склонности классифицировать, унифицировать, запрещать и предписывать, акцентировать *необходимое*. Разум *повелевает* чувствами, *подчиняет* жизнь достижению одной цели. Язык науки формировался на основе политико-юридической лексики: «факт», «доказательство», «справедливость», «закон» и т. п. Наконец, насилие над объектом познания совершает естествоиспытатель в акте эксперимента. В этой связи бросается в глаза преемственность научно-атеистического мировоззрения канонам иудео-христианской религиозной традиции, которая постулирует непреодолимую пропасть между человеком и прочими существами, отданными в его руки (*Быт. 1:26–30; 9:2–3*).

Во-вторых, подобно любому другому социальному институту научное сообщество пронизано отношениями доминирования. На всем лежит печать субординации и бюрократизации. Должности, звания, степени, награды, авторитеты, группировки, неравенство в размерах оплаты труда, отсутствие свободного доступа к информации, цензура... Мощные корпорации конкурируют за ресурсы и сферы влияния, конфликтуют, судятся.

В-третьих, академические (и образовательные) структуры срастаются с политическими. Подвизаясь в качестве экспертов, депутатов, членов всевозможных комиссий, ученые неизбежно становятся частью государственной машины (как правило, коррумпированной, защищающей интересы не всего общества, а правящего класса). Как показал Карл Манхейм, сближение науки с политикой имеет и положительные, и отрицательные последствия. Оно, конечно, облегчает распространение научных идей (пусть даже в пропагандистской манере). Но, осваиваясь с ролью партийных функционеров, интеллектуалы быстро превращаются в догматиков: опасность, возникающая из союза науки и политики, заключается в том, что кризисы политического мышления становятся кризисами научной мысли [Манхейм 1994].

Сращение научной рациональности с политической целесообразностью получило развернутое обоснование в философии Гоббса. Согласно Гоббсу, естественный закон заключается в том, что человеку запрещается делать то, что пагубно для его жизни или что лишает его средств к ее сохранению. При таком раскладе отступление от догмы себялюбия подорвало бы основания власти. «Естественное право» защищать себя всеми возможными средствами признается вообще неотчуждаемым, поскольку целью отречения от права может быть лишь благо для себя, «сохранение жизни». Индивиду должно быть позволено увеличение власти

над другими людьми, поскольку оно необходимо для его самосохранения [Гоббс: 1991]. Как это ни парадоксально, но такой подход способствует усилению социального антагонизма, на преодоление которого, казалось бы, были изначально направлены усилия Гоббса и его последователей. Антагонизм – взаимная неприязнь, непримиримая враждебность людей друг другу, точнее, взаимная враждебность больших групп людей, обусловленная их объективным положением в социальной системе, например, в системе общественного производства, в системе планетарной экономики или, возможно, в каком-то другом отношении, существенном с точки зрения устройства мирового сообщества. Враждебные отношения часто складываются между теми, кто похож как две капли воды, хотя враждебность эта предполагает объективную возможность неравенства, связана либо со стремлением каждого из конкурентов к превосходству, либо с тем, что равенство навязано неравным по своим способностям (и потребностям) индивидам насильственно. Таким образом, антагонизм предстаёт в теории Гоббса как неотъемлемый момент стремления к самосохранению, оказывается накрепко спаян с разумностью людей, с рациональностью (и это, конечно, ошибка).

Дисгармония зарождается именно в той точке, в которой, по замыслу творцов идеологии рационализма, должны были слиться воедино человеческое и природное, моральный закон и закон естественный. Причем речь идет не только о дисгармонии социальной, но и о неразрешимом противоречии в основаниях научного познания. Так, Ларошфуко неоднократно повторяет, что, противодействуя смерти, нельзя смотреть на нее «в упор». Однако в отличие от чувств и инстинктов разум по определению может быть лишь ясным и отчетливым. И поскольку интеллект трактуется как высшее проявление самосохранения, то сентенции о «разумных людях, не думающих о смерти», да о разуме, «советующем отворотить от смерти взоры и сосредоточить их на чем-нибудь другом», концепцию разума торпедируют. Разум «предает нас» и «вместо того, чтобы научить презрению к смерти, ярко освещает всё, что есть в ней ужасного». Вопреки ожиданиям сущность человека вступила в противоречие с законом Природы. Истина такова, что Разум не способен ее выдержать! Почему нельзя «смотреть в упор»? Уж не потому ли, что соприкосновение Разума со смертью приводит к возникновению парадоксов, выявляет какой-то изъян в концепции, покоящейся на отождествлении *ratio* со стремлением к самосохранению? Во-первых, разум в итоге оказывается беспомощным («умирают потому, что не могут воспротивиться смерти», а не только «по глупости и по заведенному обычаю»). Во-вторых, не расчеловечивается ли перед лицом смерти индивид, строго следующий инструкциям интеллекта, не становится ли безнравственным и преступным, и не терпит ли тогда фиаско основополагающий постулат Просвещения о единстве разумного и нравственного? А может быть, дело в том, что «закон самосохранения» – вовсе не закон? И в том, что, как учили античные классики, хорошо известные Ларошфуко, человек рассудительный, наоборот, не страшится «размалеванного пугала»? В конце концов, идеология Просвещения (в границах которой, безусловно, остались и марксизм, и позитивизм, и технократические теории) с ее классической концепцией рациональности пришла к своему грандиозному логическому завершению – к философскому учению Фридриха Ницше, сумевшего разглядеть в научном творчестве самообман, попытку заслониться от

ужасающей реальности, подменить настоящую жизнь иллюзией. Правда, такая подмена, согласно Ницше, способствует выживанию человеческого рода. Поэтому даже в рамках этой концепции рациональность правомерно интерпретировать как самосохранительное поведение.

Если, по мнению Гоббса и его бесчисленных (часто бездарных) эпигонов, общество создаётся из любви к себе, а не к ближнему, то Платон считал себялюбие «величайшим из зол», разрушающим полис. Соответственно, несколько иначе понимал Платон существо разумности и назначение науки. Лишь созерцательное отношение к космосу, возвышающееся над любыми материально-практическими задачами, создает условия для возникновения научного знания (хотя впоследствии оно может приобрести и действительно приобретает прикладное значение). Через познание душа приобщается к вневременному умопостигаемому миру, перешагивая границы физической действительности и совершая восхождение на всё более высокие уровни бытия [Платон 1971]. Принимая во внимание громадный и печальный исторический опыт человечества, приходится согласиться с тем, что именно в акте незаинтересованного созерцания, а не в процессе пресловутого «преобразования материальной действительности» исследователь в наибольшей степени способен преодолеть отчуждение, то есть состояние, когда те или иные качества человека, продукты его творческой деятельности превращаются в господствующую над ним и враждебную ему силу. Так, построенное людьми государство выходит из под их контроля, искусство рождает зависть, религия, призванная воспитывать любовь ко всем божьим творениям, служит прибежищем фанатиков, мораль часто становится фактором углубления нетерпимости и, наконец, плоды научно-технической деятельности угрожают самому существованию жизни на планете. Отчуждаются продукты труда, средства производства, сама творческая деятельность. Казалось бы, труд создает человека, позволяет ему самореализоваться. Однако профессиональная специализация ведет к обеднению личности, к потере здоровья, к конкуренции и антагонизму, причем в процессе потребительской гонки человеку навязываются потребности, не отвечающие его природе и интересам, а сам он превращается в придаток бесконтрольно расширяющегося производства. Важнейшими родовыми характеристиками обитателя техносферы становятся беспрецедентная прожорливость и, соответственно, пакостливость, которые с учетом необычайно высокой численности людей создают угрозу для биосферы. Отчуждение возникает между обществом и природой, обнаруживается между прошлыми поколениями и нынешними (поскольку меняются ценности и цели исторического развития), прорывается наружу во всевозможных социальных конфликтах, ощущается как вечное противоречие между творческой жизнью и застывшими «объективированными» ее формами (например, неустранимые коллизии между живым научным творчеством и научной теорией, между исследователем и научным сообществом, между открытием и обоснованием).

Утрачивая вкус к незаинтересованному познанию природы и погружаясь в водоворот знания инструментального, *Homo Sapiens* лишается **своей важнейшей сущностной характеристики** – уникальной способности быть выше любой практики. Он добровольно расстается со своей разумностью (с рациональностью, с духовностью), отчуждая ее вовне и принимая на себя функции пос-

лушного инструмента научно-технического прогресса, функции рассуждающей машины. Вот почему на уровне сознания обычными проявлениями отчуждения становятся чувство одиночества, усталость, бессилие, сознание бессмысленности существования, ощущение утраты своего подлинного Я, враждебное отношение ко всякого рода социальным институтам и ценностям. Ведь познание само по себе является таким же фундаментальным способом бытия мыслящих существ, как и язык (знаково-символическая деятельность), социальность, орудийная деятельность. Хотя отчуждение связано с разделением труда, со стихийным характером производства и с господством товарно-денежных отношений, со становлением промышленного общества и с индустриализацией (которая ведет к росту индивидуализма, к утрате чувства общности, к тотальной бюрократизации), с возникновением государства и с дальнейшим распространением отношений господства-подчинения, тем не менее следует более вдумчиво, непредвзято относиться к позиции Гегеля, считавшего, что именно в процессе **познания** противостоящего ему предметного мира дух преодолевает состояние отчуждения. Человек познающий раскрывает свои сущностные силы («родовую сущность», как выражались философы-просветители), то есть совокупность тех возможностей, потребностей, способностей, которые постепенно реализуются в ходе истории. Познание необходимо рассматривать не только как средство практического преобразования мира (средство управления, обогащения, самосохранения), но и, наоборот, как самоценность, способ и последнюю цель существования. Лишь учет обеих равноправных составляющих «научной рациональности» позволит ей и в новых исторических условиях остаться эффективным способом выживания, остаться «отношением к миру, основанным на разуме».

Библиографический список

1. Гоббс, Т. Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского / Т. Гоббс // Избр. произв. В 2 т. – М.: Мысль, 1991. – Т. 2. – С. 3–590.
2. Ларошфуко, Ф. де. Мемуары. Максимы / Ф. де Ларошфуко. – М.: Наука, 1993. – 278 с.
3. Манхейм, К. Диагноз нашего времени / К. Манхейм. – М.: Юрист, 1994. – 700 с.
4. Платон. Тимей / Платон // Соч. В 3 т. – М.: Мысль, 1971. – Т. 3 – С. 455–541.
5. Программы кандидатских экзаменов «История и философия науки» («Философия науки»). – М.: Гардарики, 2004. – 64 с.

ПРОБЛЕМА ЗАРОЖДЕНИЯ МАРКСИЗМА В РОССИИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

К.А. Рогов

Не так давно наша страна перешла на новый этап развития, оставив позади несколько десятилетий социалистических преобразований. С одной стороны, переход к рынку открыл новые возможности в социально-экономической стратегии России, с другой – капиталистические преобразования в России проходят не тот маршрут, который свойственен для европейских стран. Идеологический плюрализм расширил пространство выбора, добавив новые контексты, но забыв и даже отвергнув старое, не создав достойной альтернативы ушедшей идеологии.

Марксизм, как никакая другая идеология, оказал огромное влияние на развитие человечества в XX веке, и особенно на исторические судьбы России. И как бы к нему не относились представители различных общественных классов, политических партий и групп, с научной точки зрения представляет большой теоретический и практический интерес исследование условий и факторов его возникновения, распространения, эволюции и влияния на ход социального и духовного развития с философских позиций диалектического взаимодействия общественного бытия и общественного сознания.

В предлагаемой вниманию читателя статье предпринимается попытка рассмотреть лишь один частный аспект этой проблемы – освещение в отечественной научной литературе процесса зарождения (и распространения) марксизма в России.

Процесс зарождения марксизма в нашей стране – весьма изученная и абсолютно не исследованная тема. Что кроется в этой антитезе? Дело в том, что за последние пятнадцать лет в России не вышло ни одной монографии, уделяющей внимание процессу зарождения и распространения марксизма в России. Неужели интерес к этой теме отсутствует? Вовсе нет. Если мы посчитаем, какое количество статей было опубликовано и сколько прошло конференций, посвящённых русскому марксизму, то окажется, что за последние десять лет интерес к данной теме значительно вырос. В чём же дело? Возможно, тематика «Русский марксизм» предполагает более обширные исследования, чем те, которые выходили в СССР, и сейчас разобраться в данном направлении под силу лишь целому институту, но не одному учёному. Или же всё-таки это глубокое заблуждение, что тема «Марксизм и Россия» требует столько усилий, а научных работ нет, потому что уже всё исследовано. Чтобы разобраться в этом вопросе и найти ответ, необходимо проследить круг исследований по данной теме в различные периоды отечественной истории.

По логике историографического очерка следует начать с дореволюционного периода, когда о процессе зарождения марксизма в России стали появляться первые труды, но, чтобы понять специфику этого периода, сначала обратимся к изучению этой темы в СССР.

Становление советской историографии приходится на очень тяжёлый период в жизни российского общества. Только прогремели последние выстрелы Гражданской войны, и, казалось бы, с началом НЭПа появились надежды на выздоровление, как в самой партии начинается раскол в среде её старой революционной гвардии. Теперь главная задача части её представителей состояла в том, чтобы в борьбе за безраздельную власть в партии уничтожить наиболее вероятных конкурентов.

В 1927 году в работе «Международный характер Октябрьской революции. К 10-летию Октября» Сталин отметил, что «между социал-демократией и марксизмом легла пропасть. Отныне единственным носителем и оплотом марксизма являются ленинизм, коммунизм... Октябрьская революция отмежевала социал-демократию от марксизма, отбросила её в лагерь прямых защитников капитализма» [Орлов 2000 : 24].

Но следует заметить, что при нарастающей критике социал-демократии со стороны партии большевиков в 20-е годы читатель ещё сохранял возможность знакомиться с произведениями самих социал-демократов или с научной литературой о них. Так, в 1922 году вышла работа Л. Каменева «Социал-демократические издания. Указатель социал-демократической литературы на русском языке. 1883–1905 гг.» [Цит. по: Орлов 2000 : 25].

Вместе с тем в этот период публикуются работы, либо затрагивающие историю русского марксизма до 1883 года, либо по тематике, которая так или иначе связана с распространением марксистских взглядов в России.

Анализ работ, вышедших в этот период, свидетельствует о том, что публиковались в основном статьи исторического содержания, рубежом которых являлся 1883 год. Отдельные авторы демонстрировали хорошее знание исторического материала, но всё это подавалось в соответствующей идеологической упаковке. И так продолжалось в 30, 40, 50-е годы – до тех пор, пока не дали о себе знать идеологические последствия XX съезда КПСС, противоречивой хрущёвской «оттепели».

Период второй половины 50-х, первой половины 60-х годов XX века определяется некоторой противоречивостью. С одной стороны, в период хрущёвской «оттепели» в общественной жизни страны можно было наблюдать процесс «десталинизации». С другой – последние отзвуки «оттепели» прозвучали во второй половине 60-х годов, когда в общественно-политической жизни страны произошли существенные изменения.

Как и раньше, в этот период историческая наука была под жёстким контролем государственного и партийного аппарата. В это время продолжается идеологизация науки и её подчинение политической конъюнктуре. Но в 60-е годы рассматриваемого периода были заложены основы обновления ситуации в области методологии. В январе 1964 года секция общественных наук Президиума АН СССР провела расширенное заседание по вопросу о разработке методологических проблем исторической науки, о соотношении исторического материализма и методологии истории. Методологическое совещание 1964 года во многом определило направления методологических исследований последующего двадцатилетия. В том же году в Институте истории АН СССР был создан сектор методологии. М.Я. Гефтер был назначен его заведующим. По словам

М.Б. Шейнфельда, «конечно, монополия марксизма в методологии сдерживала процесс исторического познания, но для устранения этой монополии ещё не сложились ни политические, ни теоретико-методологические предпосылки, в том числе в самой историографии. Историки и философы “шестидесятники” выполняли, хотя и ограниченную, но реальную задачу, поставленную временем. Очищение исторической науки и методологии от догматизма и застойных явлений повышало её научный потенциал» [Шейнфельд 2003 : 22]. В 1968 году сектор методологии был закрыт, но уже к этому времени сформировалось т.н. «Новое направление», представители которого попытались изменить сложившуюся схему истории империализма в России.

Между тем история марксизма-ленинизма остаётся приоритетной и охватывает многотомные исследования по распространению марксизма не только в России, но и на Западе. Работы, вышедшие в период второй половины 60-х, первой половины 70-х годов XX века, имеют общие особенности, которые прослеживаются во всех исследованиях по интересующей нас теме.

Во-первых, одна из главных особенностей заключалась в утверждении, что распространение марксизма в России заканчивается 1883 годом. Как правило, делается общий вывод по периоду, что уже к началу 80-х годов XIX века произошла победа марксизма как общественного течения и это свидетельствует «о высокой революционной сознательности русского пролетариата». Во-вторых, не менее важная особенность состояла в том, что в качестве основы распространения марксистских взглядов в России принималась периодизация В.И. Ленина, согласно которой период до 1883 года характеризуется не иначе, как процесс «утробного развития». Но именно этот период рассматривается практически во всех работах, которые связаны с историей общественного движения во второй половине XIX века. Цитаты из произведений Маркса, Энгельса, Ленина не менее важная особенность, придающая им особый характер, но с течением времени и по мере изменения политической ситуации в стране эта специфика меняется.

В-третьих, отсутствие историографических обзоров по данной тематике. Е.В. Приказчиковой были сделаны первые попытки рассмотреть историографию по этой проблеме, но уровень изложения и анализа материала можно приравнять к библиографическому описанию. Для этого были свои причины. Многие работы были просто недоступны, архивы закрыты, но и на этом фоне история зарождения марксизма в России являлась наиболее исследуемой.

Как уже отмечалось, в основном вектор исследований был направлен на процесс зарождения марксизма в России. В этот период происходят изменения и в исторической науке. В ходе методологических дискуссий оформляется так называемое «Новое направление» в истории, которое делает существенный вклад в изучение социально-экономических условий периода зарождения капиталистических отношений в России. Ставилась основная цель – очистить советскую науку от сталинских догм и вернуться к истокам ленинского понимания империализма в России. Представители «Нового направления» пытались поставить под сомнение концепцию, согласно которой социализм был подготовлен российским капитализмом. В их выводах отмечалось, что капитализм не был господствующим способом производства, а являлся лишь одним из укладов. Таким обра-

зом, предпосылки социалистической революции в России коренятся не в противоречии между производственными отношениями и производительными силами, а в противоречии между укладами, но из этого следует, что революция в нашей стране была объективной необходимостью. Естественно, что такие выводы противоречили официальным установкам, и с 1968 года «Новое направление» попадает под волну критики, результатом которой явилась ликвидация в 1974 году сектора империализма в Институте истории АН СССР.

Многие сотрудники были просто уволены, монографии И.Ф. Гиндина и К.Н. Тороновского были изъяты из печати. В результате резко сократились исследования по социально-экономической истории начала XX века. Для изучения русского марксизма это имело очень важное значение. Исследования по проблеме зарождения и распространения марксизма в России в советской историографии рассматриваются преимущественно через призму прямых контактов Маркса с русскими общественными деятелями. При изучении взаимоотношений Маркса с русскими современниками выдвигается тезис об изначальной правоте Маркса, о превосходстве его подходов над всеми другими. Утверждается, что с 1883 года, то есть со времени образования группы «Освобождение труда», и происходит рождение русского марксизма. Это утверждение становится основным постулатом советской историографии. Тем не менее если следовать концепции историков «Нового направления», то получается, что уровень социально-экономического развития России не мог способствовать практическому воплощению марксистской теории. Тогда процесс распространения марксизма в России трактуется иначе – он представляется как попытка применить теорию Маркса к российской действительности, которая вследствие социально-экономического отставания была к этому не готова.

В нынешних российских условиях это очевидно, но в то время, когда несогласие с официальной концепцией сурово осуждалось, попытка характеризовать Россию начала XX века как страну «депрессивного» капитализма, была смелым шагом, который предполагал большую ответственность.

В таких условиях в 1959 году выходит книга Юзефа Захаровича Полевого «Зарождение марксизма в России» [Цит. по: Твардовская, Итенберг 1999 : 5]. Эта работа вызвала большие споры в научных кругах. Она подвергается резкой критике на страницах газеты «Правда». Автора обвиняют в противоречии ленинским оценкам. Но Ю. Полевой, рискуя поставить под угрозу свою научную деятельность, отстаивал собственные выводы.

Перестройка открыла новые возможности в интерпретации русского марксизма. Казалось бы, провозглашённый Горбачёвым курс на построение «демократического социализма» позволит более объективно оценивать те исторические процессы, которые были связаны с зарождением марксизма в России. Но на страницах советской печати развернулась острейшая дискуссия по вопросу об истоках сталинизма. Выздоровливающее от сталинизма общество пыталось разобраться не только в истоках тоталитаризма в России, но и заново пересмотреть теорию Маркса и её пригодность в нынешних условиях «обновления».

В 1988 году на страницах журнала «Рабочий класс и современный мир» публикуется статья М. Гефтера «Россия и Маркс». «Россия и Маркс, – замечает автор, – это всё-таки не совсем, что Маркс и Россия, и вовсе не то, что Маркс о Рос-

сии. Первая тема не то чтобы шире, она иная. Её предмет – не высказывания сами по себе, не оценки и даже не прогнозы. Её предмет – отношение между двумя равновеликими величинами, самая равновеликость которых требует разъяснения и рождает вопросы, выходящие за пределы эпохи: 1848–1883» [Гефтер 1994 : 94].

Это были первые попытки рассмотрения русского марксизма как самостоятельного явления. Поэтому не Маркс и Россия, а сначала всё-таки Россия. «Пореформенная, не вмещавшаяся ни в одну из эпох истории, какую видел её – всемирную – Маркс. Россия догоняющая – и не способная догнать. Не просто отставшая, а осознающая себя отставшей... Вот почему лишь затем – Маркс и Россия. Равновеликость в этом. Выход за пределы 1848–1883 – в этом. И выход за пределы всемирной истории – в этом» [Гефтер 1994 : 93].

В публицистике наиболее чётко выявились две крайние линии в оценке марксизма и его роли в становлении общества. Точнее сказать, на страницах отечественных журналов развёртывается дискуссия о связи идей Маркса и нашей послеоктябрьской истории.

В получившей широкую известность работе А. Ципко «Истоки сталинизма» утверждается, что именно марксизм явился источником сталинской модели социалистического строительства, и если мы хотим понять истоки того тупикового варианта развития, в котором оказалась наша страна, то их надо искать в классическом марксизме [Цит. по: Марксизм... 1990 : 17]. Другая точка зрения была наиболее чётко изложена в работах Г. Лисичкина «Мифы и реальность: нужен ли Маркс перестройке» и М. Капустина «От какого наследия мы отказываемся». Согласно их точке зрения, сталинизм не имеет ни генетически, ни идейно ничего общего с марксизмом и является учением типа «казарменного коммунизма», который в работах К. Маркса и Ф. Энгельса был подвергнут резкой, уничтожающей критике. В том, что произошло с социально-исторической теорией Маркса, виновны субъективные искажения и та почва, на которую марксизм попал [Цит. по: Марксизм... 1990 : 17].

В условиях периода «Нового мышления» эти вопросы решались в обстановке быстрого изменения общественного сознания, когда разрушающееся советское государство настолько ослабило своё давление, что поиски новой идеологии способствовали значительному упрощению старой или вовсе её осуждению и отрицанию. Выход статей по марксистской тематике ещё больше свидетельствует о расширяющемся общественном резонансе.

Нельзя не отметить, что рассмотрению народнических традиций в русском марксизме в этот период уделяется особое внимание. Если раньше народничество трактовалось в качестве тормозящей идеологии, теории общинного социализма, которая не признавала прогрессивных тенденций развития капитализма в России, то в указанный период народничество, как и русский марксизм, рассматривается как самостоятельное течение русской общественной мысли со своими специфическими особенностями.

Во многих работах, посвященных русскому марксизму, просматриваются новаторство и оригинальность. Тенденции такого подхода хорошо отметил А.В. Аникин: «Судьба марксизма в России, – пишет автор, – гигантская проблема, которая требует нового мышления, нового подхода, все более крепнет ощу-

щение, что русский марксизм и социализм, наши революции XX века можно понять только при одном неперемennom условии: если их рассмотреть в связи с вековой историей России, с материальными и духовными условиями жизни народа, с особенностью русской мысли» [Аникин 1990 : 117].

Анализируя некоторые особенности историографии периода «Нового мышления», необходимо прежде всего сказать, что в сложившихся условиях общественного обновления появилась возможность пересмотреть страницы прошлого, особенно послеоктябрьского периода российской истории. В условиях перестройки, когда модернизация общественной системы только подтолкнула советское государство к его окончательному разрушению, становится возможным пересмотреть те страницы истории, которые были недоступны для объективного изучения при существовавшем тоталитарном режиме. И прежде всего наиболее пристальное внимание здесь уделяется периоду сталинизма, поискам его причин. Радикально настроенная общественная мысль в пороках советского общества пытается обвинить Маркса и корни сталинизма видит только в нём. Но появляются и противоположные точки зрения, авторы которых, давая отпор обвинениям против Маркса, сами порой впадают в иную одностороннюю крайность. В то же время ряд исследователей пытаются более объективно разобраться в сложившейся ситуации. Для этого необходимо было рассмотреть тот период русского марксизма, когда он только зарождался, но теперь уже с выходом за рамки 1883 года, когда с образованием группы «Освобождение труда» начиналась история российской социал-демократии, а затем спустя десятилетия произошёл значительный рост рабочего движения. Попытки этого выхода уже наметились в изучении социально-экономической истории России группой историков «Нового направления», чьи исследовательские изыскания были прерваны в конце 60-х годов. Проблема заключалась в том, что изучение истории российской социал-демократии, особенно её зарождения, опиралось главным образом на авторитет В.И. Ленина, в трудах которого рассматривался обширный материал по данной теме. Им же была разработана периодизация, выход за рамки которой в советской историографии был практически невозможен. Поэтому, как уже отмечалось выше, хронологические рамки зарождения русского марксизма в советской историографии ограничивались 1883 годом как подготовительным этапом становления российской социал-демократии. Возможность преодолеть догматические установки позволила изучать историю общественного движения в России независимо от истории ВКП (б). Теперь значительное внимание уделяется исследованию различных течений в российской социал-демократии – умеренного направления (меньшевики) и «Легального марксизма». Всё больше уделяется внимания изучению связи русского марксизма и народничества. В изучении социально-экономической истории России конца XIX века делаются выводы о «депрессивном» характере капитализма в России. Выявляется специфика русского марксизма в зависимости от тех условий, в которых он развивался. Отсутствие объективных условий для адекватного восприятия и реализации на практике марксистских идей в России и предопределило российское будущее.

Историография периода «Нового мышления» является переходным этапом в исследованиях русского марксизма. С одной стороны, период идеологической конъюнктуры оставил свои штампы в исследовании процесса распространения

марксистских взглядов в России, которые и мешали объективному рассмотрению этой проблемы, с другой же – демократизация российского общества создала почву для идеологического плюрализма, когда появилась возможность отойти от заранее определённых схем.

Теперь стоит обратиться к началу двадцатого столетия. Именно в этот период оформляется российская социал-демократия, представители которой наиболее глубоко смогли исследовать процесс распространения марксизма в России. Однако в советской историографии, как известно, фигурировало только одно направление – «большевистское». В действительности же проблематика зарождения и распространения марксизма в России изучалась и трактовалась с разных позиций не только большевиками, но и меньшевиками, а также бывшими «легальными марксистами», перешедшими (впоследствии) в стан либеральной буржуазии.

При рассмотрении большевистской историографии первое, что бросается в глаза при ознакомлении с материалом, это достаточно полная осведомлённость о том, что происходило в это время в России и за рубежом. Второе – это содержательный интеллектуальный анализ происходившего в социал-демократической среде – и в Европе, и в самой России. Обращаясь к теме зарождения Русского марксизма, мы апеллируем к определённому периоду в отечественной истории. Но систематическое распространение взглядов К. Маркса и Ф. Энгельса в России было вначале связано главным образом с объективными условиями развития страны и лишь впоследствии – в известной мере – с теми процессами, которые протекали в недрах европейской социал-демократии. Вектор исследований историографии большевиками был направлен на то, чтобы проследить процесс становления и зарождения российской социал-демократии, её борьбы в условиях расхождения идеологий и уже окончательного оформления в 1903 году после II съезда РСДРП.

Есть основания полагать, что Российская читательская аудитория была хорошо подготовлена к восприятию теоретических размышлений европейцев, в том числе социал-демократической ориентации. Представляя революционное направление российской социал-демократии, прежде всего следует выделить работы В.И. Ленина и В.В. Воровского. Круг исследований В.И. Ленина неисчерпаем. Что же касается вопроса зарождения Русского марксизма, то он обращается к нему уже в работе 1902 года «Что делать?» [Ленин : Т. 6] История Русского марксизма у В.И. Ленина связана с историей российской социал-демократии, в которой он выделяет ряд периодов. Эту периодизацию и использовали советские ученые, поэтому им было трудно перейти к аналитическому материалу, рассматривались лишь фактические источники и успешно подгонялись под уже определённую временную схему. Теоретические изыскания В.И. Ленина подтверждаются его партийными соратниками. Но если вопрос о зарождении русского марксизма у В.И. Ленина носит несколько общий характер и связывается с процессом только возникновения российской социал-демократии, то В.В. Воровский данной теме посвящает целый очерк. В 1895 году В. Воровский публикует статью «Русский марксизм» [Воровский 1895]. В дальнейшем он пишет работы, посвящённые К. Марксу и распространению марксистских взглядов в России.

Воровский считает, что в России того времени не было социальных основ для восприятия теории Маркса как классового учения. Эта ведущая установка определила подход к дальнейшему рассмотрению вопроса в работе. Воровский стремился выяснить прежде всего объективные предпосылки и причины возникновения марксизма в России, придавая при этом большое значение экономическому фактору. С этих позиций он подходит и к характеристике процесса усвоения теории Маркса российской общественной мыслью. По мнению В. Воровского, «учение Маркса было кастрировано, из него удалили всю его социологическую часть – его живую душу, оставив только экономическое учение» [Воровский 1923 : 42].

История марксизма в России была в центре исследовательских интересов В. В. Воровского и он, не будучи историком-профессионалом, многое сделал для его объективного исследования. К сожалению, советские учёные, занимающиеся этой проблематикой, ограничивались главным образом далеко не всегда оправданной критикой работ В. В. Воровского, не используя богатый материал и интересные идеи, содержащиеся в них.

Из работ, написанных социал-демократами меньшевистской ориентации, стоит отметить фундаментальное исследование, проведённое во главе с Ю. Мартовым. Это был коллективный труд в пяти томах по истории общественного движения в России начала XX века [Общественное... 1908–1914]. В октябре 1908 года Плеханов, один из участников авторского коллектива, писал Ю. Мартову, что «в этом пятитомнике как бы исповедь наша». Советским ученым этот коллективный труд был практически недоступен.

Во второй части второго тома «Истории общественного движения» А. Мартынов был автором главы о важнейших моментах в истории российского марксизма. «Марксизм, – отмечал он, – с самого начала выступал у нас не как абстрактное учение о капиталистическом обществе, о борьбе труда с капиталом, а как единственный конкретный и непротиворечивый ответ на вопросы, выдвинутые нашей “самобытной” действительностью и именно практикой движения 1870–1880 гг.» [Общественное... 1908–1914 : 285]. После пространной характеристики революционного народничества автор делает вывод, что марксизм и народничество были у нас почти историческими близнецами.

Остановившись на 90-х годах как на периоде подъёма рабочего движения и становления марксизма как широкого общественного течения, Мартынов выделял основные тенденции русской марксистской мысли в 90-е годы XIX века. Он считал, что они были общими для всего русского марксизма в целом. Одна из них заключалась в том, что русская марксистская мысль 90-х годов преимущественно работала в плоскости «экономики». Мартынов, анализируя экономическую ситуацию того времени, делает вывод, что особое внимание к экономике в среде русских марксистов того периода порождалось заблуждением, согласно которому в России назревал экономический бум. «Оспаривая ложное утверждение народников, что капитализм в России мёртворождённый, наши марксисты-девяностидесятники, перегибая лук, почти устраняли со своего поля зрения те препятствия, которые наша полукрепостническая обстановка ставит развитию капитализма, особенно в деревне. Тем самым в их представлении суживался размах грядущего русского переворота и затушёвывался его радикальный социальный

характер» [Общественное... 1908–1914 : 315]. Таким образом, автор утверждает, что молодые марксисты 90-х годов недостаточно понимали основное экономическое противоречие в 90-е годы.

Процесс зарождения русского марксизма, а также атмосферу в социал-демократической среде того времени наглядно отражает сборник очерков А.Н. Потресова «Этюды о русской интеллигенции» [Потресов 1906] Книга вышла в тот момент, когда необходимо было осмысление последствий раскола, состоявшегося на II съезде в 1903 году, тем более что в самой России после Манифеста Николая II 17 октября 1905 года открывались новые возможности для деятельности легально-демократического характера.

Автор задаётся вопросом: «А что такое русский марксизм...где его корни, кто его носитель?» Потресов обращается к европейскому марксизму, понимая его как «идеологию сознательной части пролетариата» [Потресов 1906 : 150]. Но тогда что и кого представляет русский марксизм? И тут Потресов делает вывод: «...русское рабочее движение делает только первые шаги... худо ли это, но пора признать неоспоримое свидетельство последнего пятилетия русской жизни: марксизм в России до сих пор был общественным течением в определённой части русской интеллигенции, таким же её кровным детищем, как и знаменитое движение 70-х годов» [Потресов 1906 : 151]. Это прежде всего разночинная интеллигенция, но уже со своей особенной психологией. Потресов замечает, что это прежде всего интеллигентный пролетариат и разночинная интеллигенция. И далее автор пишет: «Интеллигентный пролетариат есть в то же время слой неустойчивый; значительная часть его членов неустанно карабкаются вверх, – стать поближе к вершине социальной пирамиды и подальше от её основания» [Потресов 1906 : 151]. Для Потресова, кроме того, понятия «молодое поколение» и «интеллигенция» представляются тождественными, причём в основном это учащаяся молодежь. «Роль молодёжи, – отмечает далее Потресов, – в интеллигентном движении, характерный признак известной слабости этого движения – показатель неустойчивости, непрочности психологического склада интеллигентного пролетария. Вне товарищеской среды, за пределами революционных организаций, в моменты общественного затишья, очень часто следующие за периодами подъёма, разночинная интеллигенция – рассыпанная храмина, с головой выдающая своего члена. И только растущее рабочее движение создало точку опоры для разночинной интеллигенции, и все они потянулись за ним, только бы стоял вдохновляющий лозунг, достойный мирового исторического процесса» [Потресов 1906 : 165].

Процесс возникновения марксизма в России представляется Потресову как процесс эволюции разночинной интеллигенции.

Немалый интерес для ознакомления с духом эпохи того времени представляют воспоминания Ю. Мартова «Записки социал-демократа». Автор отмечает, что с марксизмом он познакомился в 90-е годы. Характеризуя же этот период, Ю. Мартов пишет: «Как политическая программа действия, марксизм в конце 1891 года в Петербурге не был известен или, вернее, был известен лишь по некоторым брошюрам Г.В. Плеханова» [Мартов 2004 : 69]. Он так описывает состояние идейной неопределённости, в которой находились революционно настроенные интеллигенты: «Метаясь по кружкам в поисках живого слова, мы мотались

и среди книг. Набрасывались на народнические исследования об общине и кустарных промыслах, на исследования М. Ковалевского, Мэна, Маурера, Спенсера, Зибера по первобытной культуре, копались в литературных полемиках 70-х и 90-х годов, изучали политическую экономию Милля с примечаниями Чернышевского, и попадавшие в наши руки книжки старого «Вестника народной воли», и копания в отчётах о революционных процессах 70-х, 80-х годов отвлекали нас постоянно к социализму народническому, крестьянскому» [Мартов 2004 : 70].

В 90-е годы марксизм в России очень легко укладывался на мировоззренческую почву в сознание тех людей, которые являлись горячими поклонниками западной демократии. Это характеризует русский марксизм со стороны крайнего западничества.

Марксизм претендовал на строгую научность, устанавливая законы общественного развития, сближая области общественнознания. Изучая «Капитал», русские «искатели» находили в нём слитые воедино революционную политику, гуманизм и силу науки. Им казалось, что это единство давало моральное право на использование марксизма для революционного переустройства общества. Определённую роль в их выборе играла и «мода на марксизм» среди радикально настроенной русской интеллигенции того времени. Ко второй половине 90-х годов, по свидетельству В.И. Ленина, «марксистами становились повально все, марксистам льстили, за марксистами ухаживали, издатели восторгались необычно ходким сбытом марксистских книг» [Мартов 2004 : 62].

В конце столетия русский марксизм стал серьёзным фактором в общественной жизни страны. Он был представлен обширной литературой, которая оказывала серьёзное влияние на мышление интеллигенции и проникала в наиболее сознательную часть рабочего класса. Конечно, марксизм был далеко не преобладающим направлением общественной мысли, к тому же в его рамках уже происходило размежевание главных направлений. Одновременно русская мысль искала другие пути развития страны, и эти искания должны быть и отчасти уже являются предметом непредвзятого исследования отечественной историографии.

Поэтому при изучении темы «Россия и Маркс» возможны исследование и анализ всех направлений российской социал-демократии, что позволит объективно проследить процесс зарождения и распространения марксизма в России. Изучение темы в дальнейшем имеет очень важное значение, но для этого необходимо привлечение к анализу всех имеющихся первоисточников. К ним относятся: литературно оформленные и опубликованные работы и выступления, множества статей; переписка – 13 томов во втором издании сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса; рукописное наследие объёмом примерно в 150 авторских листов; замечания и пометки на изученных русских книгах и других изданиях. Но пока что доступны для изучения печатные работы и переписка. Пометки Маркса на русских изданиях в большей части ещё не вышли в свет. Неопубликованные рукописи Маркса касаются важных событий исторического прошлого России, политико-экономических и естественно-научных проблем, которые ставились в трудах передовых российских учёных и получили оценку Маркса и Энгельса.

Подводя итоги, следует отметить, что за последние двадцать лет значительно расширилось пространство для изучения распространения взглядов К. Маркса в

России и в основном за счёт тех источников, которые были недоступны в советскую эпоху. В свою очередь, предоставляется возможность по-новому проанализировать классиков марксистской историографии, в частности работы В.И. Ленина, в которых был осуществлён глубокий анализ социально-экономического и культурно-исторического развития России, но сегодня имя Ленина связывают с черными страницами прошлого России, и, к сожалению, его работы, которые представляют богатый аналитический материал, просто потеряли актуальность для молодых исследователей. Богатый материал по распространению марксистских взглядов в России был исследован зарубежными учеными. Вектор их исследования был направлен на те источники, которые были недоступны советским учёным. На наш взгляд, границы темы «Россия и Маркс» значительно расширены, но не столько за счёт увеличения объема материала для его исследования, сколько за счет появления определённых условий, когда, с одной стороны, марксистская тематика не привлекает современных ученых, что только расширяет пространство для его исследования, с другой же – трудно представить, что столь обширную тему можно рассмотреть в рамках одного исследования или одной монографии. Может, именно поэтому за последние пятнадцать лет не вышло ни одной монографии, посвящённой этому вопросу.

Тема «Россия и Маркс» продолжает оставаться актуальной и ждёт новых исследований.

Библиографический список

1. Аникин, А.В. Путь исканий: социально-экономические идеи в России до марксизма / А.В. Аникин. – М.: Политиздат, 1990. – 415 с.
2. Воровский, В.В. Русский марксизм / В.В. Воровский // Очерки теоретической экономики. – СПб., 1895.
3. Воровский В.В. К истории марксизма в России / В.В. Воровский. – М.: Красная новь, 1923. – 78 с.
4. Гефтер, М.Я. Россия и Маркс / М.Я. Гефтер // Коммунист. – 1988. – № 18. – С. 93–105.
5. Ленин, В.И. Что делать? / В.И. Ленин // Полн. собр. соч. – Т. 6. – С. 5–180.
6. Мартов, Ю.О. Записки социал-демократа / Ю.О. Мартов. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2004. – 544 с.
7. Марксизм и Россия: сб. ст. – М.: Издание ФО СССР, 1990. – 286 с.
8. Общественное движение в России в начале XX века / под. ред. Ю. Мартова, П. Маслова, А. Потресова. – Т. 1–5. – 1908–1914.
9. Орлов, Б.С. Социал-демократия как объект научных исследований в России / Б.С. Орлов. – М., 2000. – 172 с.
10. Потресов, А.Н. (Старовер). Этюды о русской интеллигенции: сб. ст / А.Н. Потресов. – СПб.: Изд-во О.Н. Поповой, 1906. – 313 с.
11. Твардовская, В.А. Русские и Карл Маркс: выбор или судьба? / В.А. Твардовская, Б.С. Итенберг. – М., 1999. – 215 с.
12. Шейнфельд, М.Б. Методологические дискуссии в отечественной исторической науке (60–90-е гг. XX в.) / М.Б. Шейнфельд. – Красноярск: РИО КГПУ, 2003. – 72 с.

**ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И ИНТЕЛЛИГЕНТНОСТЬ
В ОЦЕНКАХ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ**
(ПО МАТЕРИАЛАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

Ю.Н. Рыжая

Жизнедеятельность российской молодежи осуществляется в условиях качественного изменения основных социальных институтов, колоссального социального расслоения, а также эволюции общественного сознания. Исследователи изучают особенности духовного облика российской молодежи в разных регионах России. Ученые уделяют большое внимание изучению студенчества, так как именно на его основе формируется культурная элита нации. В большей степени это относится к студентам педагогических вузов – будущим учителям, деятельность которых во многом определяет нравственное здоровье подрастающих поколений.

Социологическое исследование реализовано с помощью анкетного опроса как основного метода сбора первичной информации. Опрос проводился в 2006 г. по специально разработанной анкете, которую заполнили 39 студентов второго курса исторического факультета КГПУ им. В.П. Астафьева и 29 аспирантов, посещавших вечерние лекции в КГПУ, причем многие из них являются выпускниками этого университета.

Педагогическая общественность представляет собой ту часть интеллигенции, которая непосредственно своей ежедневной работой определяет формирование мировоззрения подрастающих поколений. Учителя и преподаватели, общаясь со школьниками и студентами, часто неосознанно транслируют определенные ценности и модели поведения. Особая миссия педагога привлекала внимание философов, писателей, художников, вообще мыслящих людей разных эпох. «Настоящему учителю присуще гармоничное сочетание двух различных, далеко не всегда совмещающихся качеств – интереса к определенной области знаний, к содержанию преподаваемого предмета, с одной стороны, и влечения к общению с детьми, стремления их учить и воспитывать – с другой» [Гендин и др. 2001 : 6].

В дореволюционной России учительство было массовой частью российской интеллигенции, отечественные мыслители подчеркивали огромную ответственность педагогов за умы и сердца подрастающих поколений. А.П. Чехов не случайно изобразил «человеком в футляре» именно учителя гимназии Беликова. Нищета духа, мещанство, хамство учителя и преподавателя – не только показатели их личностной неполноценности, но и колоссальные риски для духовного мира их питомцев.

Студенты – будущие учителя, представители гуманитарной интеллигенции России; аспиранты – начинающие преподаватели, которые являются технической, гуманитарной и художественной интеллигенцией вузов г. Красноярска. Чтобы определить, в какой степени респонденты осознают этическую сторону своей профессиональной деятельности, мы предложили респондентам выбрать из предложенного списка только пять характеристик (свойств) такого качества

личности, как интеллигентность, и пять признаков, определяющих понятие «интеллигент» (табл. 1).

Следует отметить, что в зарубежной философской литературе понятие «интеллигентность» не используется. Зарубежные авторы считают, что данное понятие в научный оборот ввели отечественные обществоведы. В трудах советских и российских исследователей интеллигентность интерпретируется как совокупность этических качеств личности, которые можно представить триадой:

- 1) нравственность-совесть;
- 2) независимость мышления;
- 3) патриотизм-активная гражданская позиция.

Данная триада составлена схематично, так как именно указанные характеристики вошли в анкету. В действительности феномен интеллигентности гораздо богаче, и в рамках одной статьи невозможно раскрыть все характеристики интеллигентности. Многие авторы, которые специализируются на изучении интеллигенции и интеллигентности, подчеркивают, что социокультурные условия дореволюционной и советской действительности ставили отечественную интеллигенцию в положение, когда она была производителем, творцом смыслов (культурных кодов, трудовой этики), по которым живут народные массы. К.З. Аюбян, В.А. Бачинин, И.И. Гайденок, Е.В. Золотухина-Аболина, В.К. Кантор, Н.В. Карлов, А. Келли, И.В. Кондаков, В.Ф. Кермер, Ю.М. Лотман, Д.С. Лихачев, Ю.А. Ротенфельд, А.Г. Севастьянов, Л.А. Терская, Г.И. Федотов, Б.И. Хазанов подчеркивают, что «интеллигенция» и «интеллигентность» – совершенно разные понятия.

Интеллигенция – «это общественный слой людей, профессионально занимающихся умственным (преимущественно сложным) трудом, распространением и развитием культуры» [Советский энциклопедический словарь 1980]. Исследователи считают: специфика данной социальной группы в том, что она воплощает в себе творческий потенциал своей культуры, своего народа; деградация интеллигенции означает смерть культуры и духовную гибель нации. Следует подчеркнуть, что родовым признаком понятия «интеллигент» является профессионализм (профессиональная деятельность, профессиональная компетентность в какой-то сфере деятельности).

С определением понятия «интеллигентность» дело обстоит гораздо сложнее. В 1985 г. в «Письмах о добром и прекрасном» Д.С. Лихачев уделил особое внимание широко распространенному заблуждению, согласно которому «интеллигентный» означает «образованный»: «Многие думают: интеллигентный человек – это тот, который много читал, получил хорошее образование (и даже по преимуществу гуманитарное), много путешествовал, знает несколько языков» [Лихачев 1985 : 26]. Лихачев развенчивает этот миф: интеллигентными бывают безграмотные крестьяне, малоквалифицированные рабочие, люди, не получившие высшее образование, а хамы часто встречаются среди очень образованных людей, в среде интеллигенции в частности. Следовательно, интеллигентность – этическое свойство личности, а не интеллектуальное. В седьмом письме, адресованном к молодому поколению советских граждан, Дмитрий Сергеевич следующим образом объясняет суть данной личностной характеристики: «Интеллигентность не только в знаниях, а в способностях к пониманию другого. Она про-

является в тысяче и тысяче мелочей: в умении уважительно спорить, вести себя скромно за столом, в умении незаметно (именно незаметно) помочь другому, беречь природу, не мусорить вокруг себя – не мусорить окурками или руганью, дурными идеями (это тоже мусор, и еще какой!)...Интеллигентность – это способность к пониманию, к восприятию, это терпимое отношение к миру и к людям» [Лихачев 1985 : 26–28]. Следовательно, интеллигентный человек – человек убежденный и самодостаточный.

Позицию нравственного императива личности прекрасно определил В.С. Библер: «Я не могу позволить – никому, ни во имя чего, никогда, ни одного раза – меня оскорбить, на меня накричать, меня унижить, запретить мое убеждение, преградить возможность его распространять и, главное – нарушить суверенность моего Я – тайное ядро нравственной самотождественности. И прежде всего я не могу позволить это самому себе!» [Библер 1990]. По мнению отечественных авторов, именно в таком отношении к себе и к людям проявляется интеллигентность.

Красноярская исследовательница Л.А. Терская рассматривает интеллигентность как «совершенно особое, важное труднодостижимое, но необходимое внутреннее, духовное нравственно-психологическое качество человека» [Терская 2004]. А.В. Соколов считает, что интеллигентность «понимается ныне как человечность в эпоху капитала и компьютера» [Соколов 2005].

Результаты анкетирования показывают, что большая часть опрошенных осознает связь понятия «интеллигентность» с этикой. Аспиранты отдали первое-второе места «нравственности» (76 %) и «независимости мышления» (76 %). Студенты на первое место возвели «нравственность» (85 %), а второе-третье места разделили «совесть» (64 %) и «независимость мышления» (64 %). Именно эти этические характеристики являются основообразующими для интеллигентности.

В то же время результаты анкетирования выявили противоречие в понимании интеллигентности, так как 62 % и студентов, и аспирантов высоко оценили «высшее образование вообще». Но «высшее образование вообще» – внешняя, формальная характеристика профессионализма; наличие диплома еще не означает наличие качественного образования, профессиональных навыков, тем более что в современной рыночной России диплом можно купить. Респонденты разделяют предубеждение, о котором писали Аюпян, Гайденко, Кантор и другие исследователи интеллигенции: образованный – значит интеллигентный.

На четвертом месте у студентов находится «активная гражданская позиция» (51 %), аспиранты присудили ей пятое место (48 %).

Студенты в ходе изучения отдельных периодов истории человечества на примере конкретных исторических фактов видят реализацию активной гражданской позиции индивида в обществе, они в большей степени осознают роль личности в истории, чем аспиранты.

Аспиранты отдали четвертое место «профессиональной компетентности» (55 %), так как являются начинающими преподавателями, для них данная характеристика более актуальна, чем для студентов. Студенты пойдут на педагогическую практику в школу только через год, поэтому для них «профессиональная компетентность» (44 %, шестое место) пока не является определяющим качеством интеллигентности. Более важным качеством для студентов является

Оценка сущности интеллигентности (в процентах)

Характеристики	Студенты 2006	Аспиранты 2006
Гуманитарное образование	23	10
Патриотизм	31	41
Владение одним или несколькими иностранными языками	28	34
Нравственность	85	76
Высшее образование вообще	62	62
Активная гражданская позиция	51	48
Профессиональная компетентность	44	55
Совесть	64	72
Коммуникабельность	49	24
Независимость мышления	64	76

коммуникабельность (49 %, пятое место) – они больше нацелены на общение, расширение социальных связей, чем на овладение профессиональными знаниями и навыками, поэтому в интеллигентности они объективно видят то, что им ближе. Аспиранты нацелены на повышение собственного профессионализма, а «коммуникабельность» для них не так важна (24 %, восьмое место).

«Активная гражданская позиция» (48 %) находится на пятом месте в ранге характеристик интеллигентности по мнению аспирантов, а «патриотизм» (41 %) – на шестом. Студенты же присудили «патриотизму» седьмое место (31 %), в данном случае видно, что «активная гражданская позиция» не коррелируется с «патриотизмом». Как аспиранты, так и студенты считают, что ни активная гражданская позиция, ни патриотизм не являются проявлением (атрибутами) совести или нравственности. Можно быть нравственным, совестливым человеком и не быть патриотом.

«Владение иностранными языками» две категории респондентов оценили низко: студенты – 28 % (восьмое место), аспиранты – 34 % (седьмое место). Аспиранты дважды сдавали экзамен по иностранному языку (первый раз – при поступлении в аспирантуру, второй – при сдаче кандидатских экзаменов, так называемый «кандидатский минимум»), возможности знакомства с работами зарубежных исследователей и приобщения к традициям зарубежного образования для них осознанны и значимы, поэтому аспиранты выше, чем студенты, оценили эту характеристику.

Последнее место респонденты присудили «гуманитарному образованию» (студенты – 23 %, аспиранты – 10 %). Студенты оценили этот показатель выше, чем начинающие преподаватели, так как среди аспирантов значительное количество выпускников негуманитарных факультетов, для которых гуманитарное образование не имеет высокой значимости.

Последние места заняли те характеристики, которые в советское время признавались массовым сознанием в качестве главных атрибутов интеллигентности, как об этом писали многие авторы, в том числе академик Лихачев (цитата приведена выше). За годы российских реформ произошла качественная трансфор-

мация: даже гуманитарии не считают гуманитарное образование атрибутом интеллигентности. Качественный сдвиг произошел в том отношении, что место гуманитарного образования и владения иностранными языками заняло высшее образование вообще (то есть сам факт наличия диплома, а уже потом профессионализм).

Такое смещение косвенно свидетельствует о том, что престиж социально-гуманитарных наук в российском обществе падает. Данную тенденцию отечественные исследователи зафиксировали еще в середине 90-х гг. XX в. А.Г. Сабиров считает, что «это вызвано негативным отношением» к гуманитарным наукам в обществе [Кансузян, Немцов : 99]. «Неопределенность перспектив дальнейшего развития России порождает разочарование в возможностях социальных наук определить достойные пути выхода из кризиса, формирующаяся рыночная психология ориентирует молодежь на прагматическое отношение к окружающей действительности, к образованию» [Гендин и др. : 102]. Молодые люди объективно требуют от образования конкретных знаний, умений, навыков, которые, будучи реализованными на практике, должны обеспечить им скорейший успех в жизни, карьерный рост, помочь качественно ориентироваться в быстро меняющемся обществе. С позиции этого же избирательного (прагматического) подхода учащиеся подходят к социально-гуманитарному знанию: их все меньше и меньше интересуют общие закономерности развития мира в целом, человеческого общества, общетеоретические принципы и мировоззренческие проблемы.

Следует отметить, что выпускники и студенты педагогического вуза в лучшую сторону отличаются от некоторых своих ровесников, обучающихся в других вузах страны, так как связывают интеллигентность с нравственностью. Особенно часто интеллигентность сводят к этикету, «правилам хорошего тона» студенты юридических и технических вузов. Например, социологи, исследующие в течение десятилетий изменения духовного облика студентов МГТУ им. Н.Э. Баумана, следующим образом оценивают данную редукцию понятий: «Интеллигентность и культурность не связываются с нравственностью и духовностью. Они скорее рассматриваются прагматически, как совокупность способностей, помогающих эффективно справляться с трудными ситуациями, лучше разбираться в людях и себе» [Кансузян, Немцов 1999].

Очень важна методологическая посылка А.В. Соколова о том, что в российском студенчестве идет интенсивный процесс интеллектуально-нравственной дифференциации, а не только имущественной: «Студенчество, представляющее будущую интеллектуальную элиту, распадается на интеллектуалов и интеллигентов. И те и другие обладают образованностью и креативностью (творческими способностями), что и объединяет их в интеллектуальном слое. Различаются же они этическим самоопределением» [Соколов 2005]. Автор считает, что этическое самоопределение интеллигента проявляется в альтруистической направленности его личности, отказе от насилия («хождения по головам») и благоговении перед культурой. У интеллектуала же противоположный кодекс чести: а) эгоистическая направленность личности; б) оценка насилия как общественной нормы (допустимость собственной деятельности на основе принципа «цель оправдывает средства»); в) утилитарное потребление культуры. В условиях ин-

теллектуально-этической дифференциации российского студенчества мы ввели в анкету вопрос о сущности интеллигенции (табл. 2).

Респонденты оценивают характеристики интеллигента следующим образом: и студенты, и аспиранты родовыми признаками интеллигенции считают такие этические качества, как «самосознание» (студенты – 85 %, аспиранты – 83 %), «нравственность» (77 % – студенты, 83 % – аспиранты), «независимость мышления» (69 % – студенты, 69 % – аспиранты). «Активная гражданская позиция» оценена аспирантами значительно выше (69 % – второе место), чем студентами (59 % – четвертое место). Обе категории респондентов осознают значимость этического кодекса интеллигенции, роль этой общественной группы в судьбе России. В то же время респонденты не видят, что функция интеллигенции в обществе – профессиональный умственный труд. Это объясняется объективными причинами.

Таблица 2

Оценка качеств интеллигента (в процентах)

Качества-характеристики	Студенты 2006	Аспиранты 2006
Самосознание	85	83
Высшее образование	56	59
Конкурентоспособность	10	3
Активная гражданская позиция	59	69
Профессионализм	54	48
Независимость мышления	69	69
Коммуникабельность	44	31
Нравственность	77	83
Гуманитарное образование	23	17
Патриотизм	23	38

В условиях промышленного упадка (деиндустриализации) происходила пауперизация отечественной интеллигенции – миллионы квалифицированных специалистов оказались безработными, другая же часть отечественной интеллигенции, месяцами не получая заработную плату, не покинула свои рабочие места, а продолжала трудиться; колоссально падал престиж учительства и профессуры; ценность профессионального качественного интеллектуального труда объективно девальвировалась.

Качественно изменилась ценностная ориентация молодых людей: идеал творца («строителей коммунизма» – квалифицированных рабочих, тружеников села, служащих, интеллигенции в целом) сменился идеалом потребителя (очень состоятельного обывателя). Следовательно, респонденты оценили «профессионализм» так же, как он оценивается общественным сознанием. На рынке труда востребован не профессионализм, а наличие высшего образования (диплома), которое определяет возможность трудовой деятельности для респондентов. Отечественные социологи провели исследования в разных регионах и пришли к выводу: в современных условиях престиж образования очень высок, но не как тер-

минальная ценность (самоцель), а как инструментальная ценность (средство). Сложившаяся ситуация объясняется тем, что сегодняшние молодые люди более конкурентоспособны на рынке труда, если они лучше образованы, то есть материальная заинтересованность (внешние условия) заставляют молодежь получать образование. Речь идет не о внутренних стимулах к самопознанию, выборе любимой профессии, содержательном интересном труде, а о материальной обеспеченности, которая вынуждает получать или покупать диплом.

Студенты дали следующую оценку: «высшее образование» – пятое место (56 %), «профессионализм» – шестое (54 %); подобная ситуация характерна и для аспирантов, так как «высшее образование» на третьем месте (59 %), а «профессионализм» на четвертом (48 %), но гуманитарное образование опять-таки оценивается низко: 23 % – студенты, 17 % – аспиранты.

Такие важные для конкуренции на рынке труда характеристики, как коммуникабельность и конкурентоспособность, по мнению респондентов, не определяют сущность интеллигенции («коммуникабельность»: 44 % – студенты и 31 % – аспиранты; «конкурентоспособность»: 10 % – студенты и 3 % – аспиранты). Скорее всего, дело в том, что начинающие преподаватели и студенты, поступая в вуз, осознавали: интеллигенция, а тем более учительство и профессура, не получают сверхдоходы, не являются предпринимателями, поэтому вряд ли их отношения могут основываться на принципах рыночной конкуренции.

«Патриотизм» (23 %) студенты оценили очень низко, данное качество не коррелируется с активной гражданской позицией, которая, по сути, является выражением патриотизма. Согласно студенческой иерархии оценок, интеллигент проявляет гражданскую активность (эта характеристика занимает четвертое место), но при этом он не является патриотом («патриотизм» на восьмом месте). Подобное противоречие было рассмотрено выше, когда мы анализировали представления опрошенных об интеллигентности. Такие низкие оценки патриотизма можно объяснить некачественной воспитательной работой общеобразовательных школ и вузов, в условиях которой проходила социализация респондентов. В 90-е гг. XX в. либеральная интеллигенция обрушилась с масштабной критикой на коммунистическое воспитание, советскую методику и педагогику, слово «патриотизм» отдавало тогда чем-то «совковым», тоталитарным, следовательно, опрошенные приняли как социальную норму негативную оценку абстрактного понятия «патриотизм» вообще. Важно отметить, что в анкету не включены вопросы провокационного характера: «Считаете ли Вы себя патриотом / интеллигентом / интеллигентным человеком?».

Таким образом, трансформация ценностного сознания российского студенчества объективно определяется условиями рыночных преобразований. Прагматизация интересов – закономерный результат обуржуазивания российской молодежи, но в различных слоях данный процесс протекает по-разному. Хотя среда учительства, а также тех, кто по призванию выбрал поступление в педагогический вуз, отмечена замедленными темпами прагматизации.

Библиографический список

1. Библер, В.С. Нравственность. Культура. Современность (Философские размышления о жизненных проблемах) / В.С. Библер. – М., 1990. – С. 34.

2. Гендин, А.М. Формирование духовной культуры студентов педагогического вуза / А.М. Гендин, Н.И. Дроздов, Р.А. Майер и др. – Красноярск: РИО КГПУ, 2001. – С. 6, 102.
3. Кансузян, Л.В. Вузовское образование в оценках студентов / Л.В. Кансузян, А.А. Немцов // Социологические исследования. – 1999. – № 4. – С. 99.
4. Лихачев, Д.С. Письма о добром и прекрасном / Д.С. Лихачев. – М.: Дет. лит. –1985. – С. 26.
5. Сабиров, А.Г. Формирование отношения студентов к социально-гуманитарным дисциплинам / А.Г. Сабиров // Социологические исследования. – 1998. – № 11. – С. 85.
6. Советский энциклопедический словарь. – М., 1980. – С. 501.
7. Соколов, А.В. Интеллектуально-нравственная дифференциация современного студенчества / А.В. Соколов // Социс. – 2005. – № 9. – С. 96.
8. Терская, Л.А. Культурология: учебное пособие к спецкурсу «Культура и личность» для студентов всех специальностей и всех форм обучения / Л.А. Терская ; СИБУП, 2004. – С. 5.

ОСОБЕННОСТИ ЭСТЕТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ СТУДЕНТОВ ИНЖЕНЕРНЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ В ПРОЦЕССЕ ИЗУЧЕНИЯ ОСНОВ ДИЗАЙНА

Т.В. Смирнова

Сегодня человечество переживает сложный период перехода от техногенной культуры и технократических принципов в области науки и образования к этике одухотворенной цивилизации. Состояние современного общества характеризуется бурной информатизацией и научно-технической активностью и поэтому остро нуждается в установлении баланса между отчуждением человека и гуманистическими тенденциями. Как нам представляется, ближайшими шагами к осмыслению возможных путей выхода человечества из надвигающегося глобального кризиса могут стать развитие интеграции образного мироощущения с инженерной деятельностью, обогащение последней более широкими подходами к решению своих задач и исследование иррационального потенциала человеческих возможностей.

В связи с этим резко обострилась потребность в гуманизации образования, в усилении гуманитарной подготовки инженеров в технических вузах. В сложившейся ситуации большие надежды возлагаются на дизайн, т. к. он занимается непосредственным изучением воздействия эстетических критериев на общественное сознание через создаваемую им предметную среду.

Благодаря изучению основ дизайна и искусства у студентов инженерных специальностей появляется возможность глубоко осмыслить неоднозначность современных социальных и научно-технических процессов, увидеть необычные возможности искусства и дизайна в социальном и техническом проектировании. Это знакомство позволяет студентам проанализировать, например, корни, социального зла и роль явлений искусства и дизайна в тиражировании и укоренении этого зла в социальных структурах и в индивидуальном менталитете. Не стоит забывать, что в современном обществе главными ориентирами эстетического становятся политика, мораль и новейшие технологии. Они совпадают и с теми, которые необходимы для развития современной дизайн-деятельности.

В этой связи дизайн можно рассматривать как активный творческий резерв гуманизации инженерного образования, а в качестве теоретической основы дизайна предлагается его *эстетическое начало*.

В учебных программах высших учебных заведений технического профиля выделяется комплекс дисциплин, целью которых являются становление и совершенствование творческих навыков, необходимых в инженерной деятельности. Помимо специальных дисциплин, изучающих дизайн как особую проектную деятельность (художественное проектирование), таких как «Технический дизайн и художественное конструирование», в этот комплекс входят элементы наук, привлекаемых для нужд проектирования. К ним относятся дисциплины производ-

ственного цикла: «Материаловедение», «Теория конструирования», «Экономика и организация производства».

Проблемы современной дизайн-деятельности изучают дисциплины социально-гуманитарной области знания: социология, социальная психология, семиотика, эргономика, экология и т. п. Их задача заключается в том, чтобы помочь глубже понять связи объекта с социальной, предметной и природной средой.

На наш взгляд, успех дизайна в сфере инженерной подготовки зависит от того, насколько его идеи и методы осознаны и восприняты инженерами и вообще техническими специалистами. К сожалению, большинство инженерно-технических работников далеки от понимания эстетических принципов формирования предметной среды. Причина этого кроется в структуре инженерного образования и учебных программ, которые практически лишены эстетического начала.

В разработке учебных программ по инженерному образованию необходимо всегда помнить о том, что основы дизайн-деятельности заложены в инженерии изначально. Поэтому поправить положение в так необходимом инженерии эстетическом образовании возможно не только введением дизайнерской подготовки в учебные планы в качестве, например, кратких ознакомительных курсов по основам технической эстетики и художественного конструирования. Необходимы *подходы*, которые помогут дизайну органически вплестись в общую ткань учебно-воспитательного процесса технического вуза и занять своё достойное место.

В отечественных вузах в последнее десятилетие успешно осуществляется подготовка инженеров, чья профессиональная деятельность тесным образом связана с технической эстетикой и дизайном. В качестве примера можно привести подготовку инженеров-технологов по специальности «Технология художественной обработки материалов» (в ИЦМиЗ СФУ). В этом вузе на кафедре обработки металлов давлением ведётся подготовка студентов по направлениям специализаций «Производство ювелирных изделий» и «Художественная обработка металла» [Сидельников 2004 : 472].

Технология художественной обработки материалов относится к области науки и искусства. Она включает в себя совокупность средств, приемов, способов и методов обработки различных материалов, как металлических, так и неметаллических, с целью создания и реставрации художественно-промышленных изделий.

В общих характеристиках направления подготовки дипломированного специалиста по «Технологии художественной обработки материалов» отмечается, что видами профессиональной деятельности инженера-технолога этого направления является не только производственно-технологическая и организационно-управленческая деятельность. Особое значение приобретает художественно-производственная, проектная и экспериментально-исследовательская деятельность.

В число основных задач профессиональной деятельности по специальности «Технология художественной обработки материалов» (производственно-технологической и организационно-управленческой) входят *проектная и художественно-производственная задачи*.

В квалификационных требованиях к инженеру-технологу по художественной обработке материалов говорится о том, что для решения профессиональных задач инженер:

- разрабатывает художественно-конструкторские проекты по созданию художественно-промышленных изделий;
- разрабатывает художественные эскизы выпускаемой продукции;
- проводит художественно-искусствоведческий анализ;
- осуществляет контроль над соблюдением эстетических требований при разработке и производстве художественно-промышленных изделий;
- организует работу по повышению искусствоведческих знаний работников;
- способствует развитию творческой инициативы, рационализаторства, изобретательства, внедрению достижений науки и техники, обеспечивая эффективную работу организации.

Таким образом, в подготовке инженеров-технологов этих направлений специализаций особое внимание уделяется формированию эстетического вкуса и повышению уровня личной культуры будущего инженера. Это в конечном счёте отражается на эстетических параметрах создаваемого инженером объекта.

Необходимо отметить, что в процессе создания художественно-промышленных и других инженерных объектов в качестве необходимых «параметров» выступают нормы красоты, внутренняя эстетическая установка инженера, эстетические идеалы, чувство гармонии, симметрии или асимметрии, пропорциональности и т. п. Они формируются при непосредственном использовании полученных знаний основ дизайна и технической эстетики, которые оказывают сильное воздействие на эмоциональную сферу личности инженера [Алехин 1993 : 78].

Важным источником необычных эмоциональных состояний для инженера являются искусство, архитектура, литература других эпох и народов. Поэтому искусство можно назвать одним из инструментов гуманизации, ссылаясь на высказывание Г. Гегеля о том, что «искусство действительно стало первым учителем народов» [Заховаева 2005 : 113]. Богатство и развитость эмоциональной сферы содействуют творческому подъему инженера-изобретателя.

Думается, что тесное общение с искусством, знакомство и изучение тенденций его развития способны формировать новые эмоциональные комплексы личности инженера, дают возможность в неожиданном для себя ракурсе взглянуть на реальность, тем самым как бы расширяя эмоциональные стереотипы и открывая путь новому мироощущению.

Например, основная образовательная программа подготовки инженера-технолога по специальности «Технология художественной обработки материалов» предусматривает изучение студентами цикла общепрофессиональных дисциплин (ОПД), в который входят *художественные дисциплины*. К этим дисциплинам относятся: «Теория теней и перспективы», «Рисунок», «Живопись и цветоведение», «Композиция», «Скульптура и лепка», «История искусств», «Дизайн, художественные стили и конструирование».

В подготовке инженеров данной специальности важное место занимает проведение практических занятий и учебно-ознакомительных практик по дисциплинам художественного цикла. Они проводятся на промышленных предприятиях профиля, в мастерских, музеях и выставочных залах. Организуются экскурсии на торговые и промышленные ярмарки, где выставляются новейшие изделия в области ювелирного производства, выставки художественных изделий из металла, в учебно-производственные лаборатории вузов, научно-исследова-

тельские учреждения, обладающие современным оборудованием по художественной обработке материалов и художественными экспонатами.

Например, практическое обучение специалистов в области ювелирного производства проводится в ювелирной лаборатории ИЦМиЗ СФУ, созданной в рамках совместного проекта с одним из ювелирных объединений города «Диадема». С ним заключены договоры о сотрудничестве и научно-исследовательских работах; разработана и реализуется программа по дополнительному образованию; осуществляется стажировка по изучению опыта подготовки ювелиров в России и за рубежом.

Первым результатом полученных практических навыков будущих специалистов ювелирного производства стало участие студентов в создании почетного знака «70 лет Красноярскому краю», который явился совместным проектом ИЦМиЗ СФУ и объединения «Диадема».

По направлению специализации «Художественная обработка металлов» проводится подготовка инженеров-технологов с навыками художественнойковки в соответствии со специально разработанным учебным планом, который позволяет осуществлять полноценную подготовку специалиста по художественнойковке на стыке гуманитарных и технических дисциплин. Количество обучающихся студентов по данной специализации небольшое. Их подготовка ведётся по плану, предполагающему индивидуальную работу с каждым из студентов. Руководителем специализации является заведующий лабораторией художественнойковки ИЦМиЗ СФУ, художник-кузнец, председатель Союза кузнецов России С.А. Колчин, чьи художественные произведения в металле имеют международное признание.

Работы выпускников специализации связаны с проектированием и изготовлением декоративных изделий бытового и художественного назначения, предназначены для оформления интерьеров вуза и прилегающей к нему территории.

Заметим, что в эстетическом развитии личности инженера большое значение имеет её личная заинтересованность. Студенты специализации «Художественная обработка металлов» принимают активное участие в ежегодном Краевом фестивале кузнечного дела. На фестивале организуется выставка мастеров художественнойковки, где студенты имеют возможность показать зрителям свои лучшие работы, например, декоративные предметы интерьера, мебель, малую пластику. В рамках фестиваля студенты могут принять участие в конкурсе кузнечного мастерства.

Пробудить интерес к прекрасному, окружающему нас в мире, помогают занятия по художественному циклу дисциплин, преподаваемых в техническом вузе. Благодаря этим дисциплинам значительно расширяется общий кругозор студентов в области мировой культуры. Знание классических произведений литературы, живописи, музыки, архитектуры и других видов искусства помогает направить интересы и целевые установки будущих инженеров по пути ориентации на лучшие позитивные образцы мирового культурного опыта и усвоить в художественно-образной форме представления о гармонии, красоте, пропорциональности, многовариантности и избирательности.

Результатом художественно-эстетической подготовки выпускников специализации «Художественная обработка металлов» является формирование у них *зна-*

ний: законов рисунка, композиции, цветоведения; эстетических критериев создания и оценки художественно-промышленных изделий; *владения*: практическими навыками рисунка, живописи, композиции, скульптуры; приемами разработки эскизов художественных изделий; приемами эскизной разработки художественно-промышленных изделий; навыками искусствоведческого анализа в области художественных изделий.

У инженеров-технологов формируются представления о дизайне; об эстетических критериях создания художественных и декоративно-прикладных изделий; об исторических особенностях развития мирового и отечественного искусства.

В техническом вузе дисциплины художественно-эстетического цикла призваны решать задачу формирования чувственного отношения будущего инженера к окружающей действительности, а эстетика дает внешние ориентиры в совершенствовании инженерной деятельности. Отражая стремление человека к освоению окружающей среды, инженерия вынуждена пользоваться инструментарием образного мироощущения, способного активизировать творческий потенциал инженера; при этом образ является инструментом гармонизации (специалиста, деятельности, общества), поскольку выступает в роли эстетического «ключа доступа» к мировоззренческой целостности.

Мы считаем, что изучение дисциплин художественно-эстетического цикла способно формировать новые эмоциональные комплексы личности инженера, тем самым содействуя активизации инженерного творчества в деятельности инженера-изобретателя.

Библиографический список

1. Алехин, В.В. Философские проблемы инженерного труда / В.В. Алехин. – М.: Высшая школа. 1993. – 97 с.
2. Заховаева, А.Г. Девальвация личности: откуда черпать человеческое? / А.Г. Заховаева // Философия и общество – 2005. – № 3 – С. 110–120.
3. Сидельников, С.Б. Подготовка специалистов в области производства ювелирных изделий / С.Б. Сидельников, С.В. Беляев // Внутривузовские системы обеспечения качества подготовки специалистов; Гос. образоват. учреждение «ГУЦМиЗ». – Красноярск, 2004. – 492 с.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ РЕЖИМ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

М.А. Устюгов

После десятилетий советской истории, господства авторитарного и тоталитарного политического режима во второй половине 80 – начале 90-х годов в России начался переход к демократическому политическому режиму.

С формально-правовой точки зрения, согласно Конституции 1993 года, Россия является демократическим федеративным правовым государством с республиканской формой правления. Человек, его права и свободы объявлены высшей ценностью, гарантировать которую обязывается государство. Единственным источником власти объявлен народ, который на референдумах и выборах изъявляет свою волю. По Конституции, Российская Федерация – социальное государство, политика которого должна быть направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. В государстве охраняются труд и здоровье людей, устанавливается минимальный размер оплаты труда, обеспечивается государственная поддержка семьи. В 137 статьях Конституции можно найти нормы, которыми удовлетворилась бы любая развитая демократия.

О демократизме современной России неоднократно высказывался нынешний президент страны В. Путин. В ежегодном обращении к Федеральному собранию в мае 2004 года он заявил, что «молодая российская демократия добилась в своем становлении значительных успехов» [Из Послания Президента... 2004]. На российско-американском саммите в Братиславе в марте позапрошлого года он подчеркнул, что возврата к тоталитаризму быть не может, однако демократия должна быть «адекватна нашей истории и традициям», а ее внедрение «не должно сопровождаться развалом государства и обнищанием народа» [Щепляев 2005].

Вместе с тем ряд оппозиционно настроенных политиков, средств массовой информации, политологов убеждены в том, что в стране уже седьмой год идет реставрация разрушенного политического режима. В качестве аргументов они называют неэффективность государства как основного социального института, его неспособность решить проблему бедности, фактическую подконтрольность правительства только президенту, малочисленность и организационную слабость партий, широкие масштабы лоббистской деятельности, номинальную свободу СМИ.

В российском обществе также нет единой оценки политического режима России. По данным опроса, проведенного Институтом комплексных социальных исследований Российской академии наук, 55 % респондентов в возрасте от 30 до 60 лет и 43 % в возрасте от 20 до 30 лет считают Россию недемократическим государством [Щепляев 2005].

Таким образом, вопрос о политическом режиме современной России, его сущности является актуальным и дискуссионным для ученых-теоретиков, политиков-практиков и широкой общественности.

О политическом режиме любой страны нельзя судить по тому, что закрепляется или провозглашается в ее Конституции. Необходимо сопоставить ее положения с реальной действительностью.

Российская действительность дает нам основания утверждать, что демократия начинает наполняться реальным содержанием.

Сегодня в государстве не только в законодательстве, но и на практике обеспечивается политический плюрализм. Поставлена задача, и взят курс на утверждение правового государства, в котором личность чувствует себя во многом защищенной правом и законом от произвола государственной власти. При всей неоднозначности положения в области прав человека основным способом отстаивания гражданами своих прав становятся не жалобы, а обращения в суд. В России права человека приобретают характер массовой ценности, что служит наиболее надежной гарантией против произвола.

У населения сформировалась устойчивая привычка к выборам на альтернативной основе, к свободе слова. На региональном уровне мы наблюдаем выборы не только с предсказуемым результатом, но и в полной мере конкурентные.

Вместе с тем в условиях нынешней социально-экономической и политической конъюнктуры многие из провозглашенных демократических принципов, прав, свобод, норм, способов и методов политического властвования не получают пока вполне адекватной практической реализации.

Так, в президентской республике России при разделении власти полномочия отдельных ее ветвей, их институтов все еще не сбалансированы, что влияет на процесс взаимоотношений между ними, ведет к конфронтации. Нет четкого правового закрепления полномочий каждой из ветвей государственной власти, что размывает принцип разделения ветвей в вопросах организации структур и механизмов функционирования государства в целом.

К примеру, законодательная власть Федерального собрания ограничена, во-первых, правом президента издавать указы, имеющие силу законов, и, во-вторых, практикой издания исполнительной властью многочисленных подзаконных актов, способных сорвать выполнение любых законов. В связи с концентрацией власти в руках исполнительных органов, главы государства и правительства парламент отходит на задний план, что проявляется в зарезервированной за президентом возможности действовать через голову парламента при принятии законов или оказывать давление на представительные органы (право роспуска парламента, процедура подписания законов перед их вступлением в силу).

Проводимые социально-экономические реформы, названные самой властью «непопулярными», привели к поляризации и расколу общества. Сейчас около 200 российских семей владеют 80 % богатства России. Соотношение доходов богатых и бедных составило 35:1, тогда как по общемировым стандартам оно не должно превышать уровень 6:1. При отсутствии стабилизирующего «среднего класса» такой разрыв ведет к росту авторитарных настроений, конфронтации между различными группами населения и властью, вызывает массовое нарушение элементарных прав и свобод граждан России, их права на жизнь, удовлетворение элементарных прав и потребностей в еде, одежде, жилье.

Обнищание населения, задолженность по выплате зарплаты, безработица, коррупция, преступность не совместимы с утверждением гражданского обще-

ства и правового государства, с гарантией личных и политических прав российских граждан.

Сложный и противоречивый характер процесса становления демократизма в России не прямолинеен, далеко не всегда идет по восходящей линии и обусловлен многими обстоятельствами объективного и субъективного характера.

Во-первых, наша страна не имела серьезных исторических, политических традиций демократизма, конституционализма и парламентаризма и в то же время обладала достаточно сильными традициями господства авторитарной, тоталитарной власти.

Во-вторых, переход к демократии осуществлялся от тоталитарного режима, десятилетиями господствовавшего в стране, в условиях системного кризиса российского общества и перманентных попыток на протяжении 20 лет его реформировать.

В-третьих, в процессе реформ руководство страны неоднократно нарушало принципы демократического правового социального государства – расстрел здания парламента 1993 года, война в Чечне 1994–1996 годов, дефолт, невыплаты зарплаты, непопулярные социальные реформы.

Наконец, в менталитете российского народа до сих пор сохраняются утопические ожидания того, что кто-то извне придет и наведет порядок, изменит жизнь к лучшему.

Итак, говоря о политическом режиме современной России, нужно отметить переходность его состояния, когда новое политическое качество полностью еще не состоялось, а старое не кануло окончательно в Лету. Обладая признаками демократии, он еще не является демократическим. В политической системе России существуют противоречия между формальными правовыми демократическими основаниями и реальной действительностью.

В перспективе возможно в случае успеха реформ, их продуманного характера усиление в России демократических тенденций. Здоровый государственный консерватизм, помноженный на гражданский консенсус, – это те ценности, приоритет которых для современной России безусловен в плане демократизации политического режима.

Кроме того, гарантией роста демократизма политического режима являются свобода слова и печати; наличие реальной многопартийности и политической оппозиции; реализация принципа разделения властей; выборность органов государственной власти; изменяющийся менталитет россиян.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации, 1993.
2. Из Послания Президента России Федеральному собранию РФ // Российская Федерация сегодня. – 2004. – № 11.
3. Акопов, П. Точка возврата / П. Акопов // Политический журнал. – 2004. – № 7 (10).
4. Цепляев, В. Путин и Буш померились демократиями / В. Цепляев // Аргументы и факты. – 2005. – № 14.

ЧЕЛОВЕКОРАЗМЕРНАЯ ПЕРСПЕКТИВА РАЗВИТИЯ ДУХОВНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ: ИЛЛЮЗИЯ И РЕАЛЬНОСТЬ

С.П. Штумпф

В последнее время мы со всей очевидностью наблюдаем обострённый интерес человека к самому себе, к своей природе, к восстановлению в правах ценностных оснований собственной жизнедеятельности, житнетворчества. Одним из таких оснований, несомненно, является духовность как высший уровень освоения человеком своего мира и отношения к природе, обществу и себе. Она представляет собой выход человека за рамки узкоэмпирического бытия, преодоление себя вчерашнего в процессе обновления и совершенствования, восхождение личности к своим идеалам, ценностям и реализацию их на жизненном пути. Её смыслообразующим стержнем, по нашему мнению, является ценностно-смысловое наполнение, пронизывающее собой интеллектуальное (когнитивное), нравственно-сакральное и художественно-эстетическое начала, сводящее их в едином аксиологическом локусе духовного экзистенциала человеческого бытия. В этом свете анализ проблем духовности помогает открыть внутренний мир, или внутренний космос, человека со всеми протекающими в нём процессами, во всей его многомерности и размерности. Внутренний «психокосмос» человека представляется как исчерпывающий образ всех сфер человеческого сознания в их зависимости, как совокупность предельных возможностей и ограничений, вытекающих из различного рода социальных, культурных, исторических средств или скреп. Именно размерность социального мира человека и возникающие в этой связи вопросы будут предметом внимания данной работы.

Проблема человеческой размерности изначально возникает и может быть представлена как проблема размерности вообще. Достаточно вспомнить сентенции или греческих мудрецов, или софиста Протагора. Можно взглянуть на человека и его жизнь как на часть общего космического порядка. И тогда мера как выражение космической гармонии становится императивом и для микрокосма (отдельного индивида). Нас, однако, больше интересует то, что при решении этой задачи неизбежно встаёт вопрос о человеческой размерности мира и его содержательной составляющей, о возможностях (ёмкости) человеческого разума и психики, о социальных следствиях их ограниченной вместимости. К необходимости такого рассмотрения побуждает логика предмета исследования – живущий и действующий в современном, называемом постиндустриальным, обществе человек.

Императив «человекоразмерности» в постнеклассическом этапе развития научной мысли выступает одним из основополагающих принципов. В него входят проблемы гуманитарного и человеческого измерения явлений культурной, политической, социальной, правовой жизни. По своей сути он выражает современное возрождение древнегреческого постулата, высказанного Протагором: «Чело-

век есть мера всех вещей существующих, что они существуют, а не существующих, что не существуют» [Диоген Лаэртский : 348]. Этот постулат стал знаменем гуманистической традиции и выступает в качестве аксиологического ориентира знания в целом.

Несмотря на множество высказанных и высказываемых точек зрения, вопрос о человеческой размерности, человеческой характеристике реалий окружения и самих условиях социальной экзистенции остаётся открытым. Античный философ этим тезисом утверждал субъективную обусловленность знания, интуитивно охраняя человека от сверхмерной загруженности. В Библии этот тезис был проговорён устами Иисуса: «Ещё многое имею сказать вам, но вы теперь не можете вместить» (Инн, 16, 12). Позднее он на некоторое время был забыт (отодвинут в сторону) – слишком много сил, времени, внимания было потрачено на обоснование механистической картины мира. Но с середины XIX века к нему обращаются вновь, а XX век даже был объявлен веком человека.

В отечественный философский дискурс понятие «человекоразмерность» ввёл М.К.Петров. Своё философско-антропологическое и культурологическое понимание этого термина он выразил такими словами: «Сумму ограничений, которую человек как существо естественное ... накладывает на социальные структуры коллективной жизни и деятельности, мы предлагаем назвать человекоразмерностью – неустранимой характеристикой социальных реалий, которая выступает на правах условия осуществимости любой коллективной деятельности» [Петров 2003 : 5]. Этот термин учёный органически включал в язык исследований о природе человека и сущности культуры.

Человекоразмерность функционирует как культурный принцип, позволяющий при любой сложности и парадоксальности ситуативных реалий не надорваться. Представляя собой культурную норму, человекоразмерность устанавливает границы притязания разума. Социальный опыт, предлагаемый мыслителем обществу, должен быть «поислен» для этого общества. Говоря иными словами, разум, осуществляя социальное творчество (проектирование), всегда опирается на место своей привязки, никак не пренебрегая понятиями границ, масштабов, а сдерживающим фактором (принципом) как раз и служит человекоразмерность.

В данном термине содержится определённый заряд консерватизма. Это обусловлено тем, что он выполняет охранительную, оберегающую функцию, давая предпосылки для преодоления и в то же время сохраняя необходимую меру здравого смысла, предупреждающего переживание невыносимого социального опыта.

Наиболее подходящей осью развёртки континуума человеческой размерности относительно астрономического времени и деятельности нам представляется *социальное пространство становления и развития целостной системы духовного житнетворчества личности*. На близость и взаимную родственность феноменов духовности и человекоразмерности указывает С.Б. Токарева в работе «Методологические основания анализа духовности». По её словам, «... духовность есть возникающая в результате обращённости к духовной реальности соразмерность человека с духом как надындивидуальной идеальной сущностью, которая и задаёт меру человеческого в человеке» [Токарева 2005 : 84]. Придавая

идею уважаемого учёного несколько иную направленность, мы бы добавили, что *духовность определяет качественное содержание человекообразности и концентрирует (акцентирует) «человеческое» и меру его вместимости в каждом из нас*. Её можно рассматривать как меру, форму и одновременно показатель соизмеримости человека с интеллигибельными и сенсигельными сторонами социального мира, выраженными в его ценностных установках и ориентациях. Причём личность здесь понимается не просто как неизменная самость, а как динамичная сущность, связанная взаимоотношениями со всем в мире.

Человек в его возможностях и ограничениях выступает надёжным ориентиром, устойчивой природной данностью. Только человек обладает способностью к само-осознанию, само-развитию, духовному восхождению, может перемещаться в наследуемых, освоенных и изменяемых социальных структурах. Каждый индивид может быть «взращённым в процессе», и это делает человека личностью. Это тот источник человекообразности, который локализован в самом человеке, в его ментальных и физических возможностях, включая этнические, культурные и образно-эмоциональные компоненты. Эта ипостась человекообразности вмещает в себя эволюционно и исторически сложившийся строй мыслей, чувств и поведения, формирует систему ценностных ориентиров, предполагает наличие целостного взгляда на мир и на человека. Тем самым она в известной степени определяет мироощущение и целостный интегративный характер его носителя, то есть качественное наполнение «человеческого» в человеке.

Однако по прочтении этих правильных и красивых слов, у каждого из нас неизбежно возникают вопросы: насколько постулат о человеческой размерности мира правомерен сегодня? каково по содержанию наполнение меры «человеческого»? можно ли поставить и решить эту проблему в современном технотронном обществе? Считаем необходимым оговорить некоторые противоречия, открывающиеся при анализе данного явления в условиях реальной действительности.

В течение всей истории существования человеческого общества люди для удовлетворения своих стремлений и потребностей, достижения целей и утверждения ценностей объединялись в сообщества. Но у каждого индивида оставался значительный круг жизненного пространства, которое охранялось, оберегалось той самой человекообразностью, представляющей собой культурную норму. Сегодня с момента своего рождения человек вступает в плотно заселённый социальный мир, где свои правила господства, где слишком много посторонних наблюдателей, довлеющих на нашу психику, неизбежно вызывающих фрустрацию, и очень мало искренних, дружелюбных и бескорыстных отношений, позволяющих почувствовать себя покойно и счастливо. «Воспитанный» человек должен не отвлекаться и делать свою работу, «не замечать» неприличное и неподобающее, соблюдать сложившиеся нормы, слепо верить всем институциональным фигурам, вести себя «хорошо» (предсказуемо), платить налоги. В таких условиях люди становятся персонально отчуждёнными и социально агрессивными. Сообразно с этим структура и культура современного техногенного общества ведут человека к безрадостной атмосфере чёрствости, духовной и душевной глухоты, заводят в границы условностей, чужих ожиданий, предписанных и навязанных ролей. В результате человек, а затем и общество, теряют основополагающие ориентиры, консолидирующие и мобилизующие на действия ценности, забывает

об их существовании. Общество становится хаотически-беспорядочным, в нём разрушаются основы существования человека и, главное, духовные ориентиры как отдельно взятой личности, так и сообщества в целом.

Традиционно общество мыслится как некое организованное единство, как естественная атмосфера, которую не выбирают, но должны в ней дышать. Но оказалось, что человек существует не только по законам биологического выживания. Выстраивая свою систему-ассоциацию, устанавливая правила общения, обмена и подчинения, люди руководствуются культурными стандартами в не меньшей степени, чем витальными инстинктами. Достаточно разрушить города, сжечь библиотеки, запретить использование родного языка и выполнение обычаев, чтобы привести общество в состояние упадка, деградации или качественно его трансформировать. Обратный процесс – развитие образования, науки, культуры – означает достижение на практике большего духовного совершенства и социально-экономического подъёма общества. Каждое сообщество выделяет, оформляет, кодирует элементы своего духовного опыта, устанавливает и изменяет ценности, имеющие существенное значение для всего социума. Любая пришедшая на смену предшествующей историческая эпоха формирует качественно новые аксиологические смыслы духовности и человекообразности.

Сложная система социальных связей в современном обществе приводит к формализации межчеловеческих отношений, которые в большинстве случаев оказываются деперсонифицированы (лишь роли, маски). А это, в свою очередь, влияет на принцип организации и коммуникации людей в сообществе. Сущность «социального» находится не столько в «структуре», сколько в «культуре» людских ассоциаций. Общество, наследуя сотворённые символы, значения и смыслы, придаёт им качественно новое содержательное наполнение, выражающее специфику данной социальной системы, существующей здесь и сейчас. Духовная цена протекающей сегодня модернизации выражается в процессах социальной ассимиляции, культурного подражания низших слоёв образу жизни элиты, в отсутствии собственных желаний, стремлений, аксиологических значений, устойчивом воспроизводстве системы духовных паттернов.

Сказанное позволяет ответить на поставленный выше вопрос о наполнении меры «человеческого» в современном постиндустриальном обществе. Со всей очевидностью приходится признать (можно предположить), что произошла интенсивная примитивизация сознания, моральных ценностей людей. Вследствие этого наступает состояние душевного и духовного «обнищания», которое приводит к утрате основных жизненных ценностей и смыслов. Возникает вакуум духовности, который может быть заполнен, и будет, и уже заполняется всеми возможными негативными проявлениями человеческой активности. Сколько бы мы не говорили о значимости человеческой личности, если отношение к ней не изменится в лучшую сторону, если все будут игнорировать всех, цивилизация погибнет. То есть проблема человекообразности, её содержательной компоненты «человеческого» – духовности – как нельзя остро стоит перед нами сегодня и требует своего решения.

Проблемы человекообразности, духовности особенно остры для нашего государства. Век ушедший – это эпоха перевоспитания двухсотмиллионного народа, предпринятая тоталитарным государством-монополистом, ратующим в целях

поддержания общественного порядка за установление тотального контроля во всех сферах человеческого бытия, не исключая и духовную сферу. Это время осуществления научно-технической, техногенной революции, вызванной успехами естественнонаучных дисциплин и массивными техническими достижениями, которые поражают темпами и масштабами изменений. Сегодня мы хорошо понимаем, что новейшие технологические средства прочно вошли в нашу жизнь и стали её неотъемлемой частью. Но так же чётко должно быть понято (осознано), что процесс внутренней динамики человека, внутреннее развитие, одухотворение и преображение совершенно необходимы (подтверждение этим идеям находим в работах И.К. Джерелиевской, Н.С. Катунинной, Л.А. Шумихиной). Это значит, что необходим новый уровень (границы, масштабы) размерности человеческого бытия, вписанный в технологический век с его компьютерными сетями, геной инженерией, микроэлектроникой, лазерами, космическими спутниками, кабельным телевидением и прочими атрибутами современности, но с неизменным приоритетом универсальных, общечеловеческих ценностей, таких как духовность и гуманизм.

В качестве теоретического допущения авторской исследовательской стратегии можно воспринять императив человекоразмерности как маркер, вектор, раскрывающий потенциальное состояние духовности. В качестве отправной посылки, объясняющей допустимость этого предположения выступает положение об аподекции возникновения и существования данного феномена в акте и времени взаимодействия с человеком. Именно эти обстоятельства задают условия присутствия или отсутствия (моральную ценность наличия) духовности в реальной жизни отдельного индивида. Действительная жизнь подразумевает обращение к духовным интенциям, концептам и нормативам не как детерминацию долженствования, а лишь как обусловленную массой потенциальных выборов и возможностей обязанность. Духовность может представлять в виде виртуального пространства в процессе реализации своих возможностей, которые либо получают, либо не получают реализацию в зависимости от конкретно-реальных условий бытия. И здесь решающими факторами выступают духовно-нравственный характер действующей личности, сложная комбинация свойств человека и особенностей внешних условий его жизнедеятельности. Только в этом случае духовность становится для человека принципом долженствования. Таким образом, обращение человека к духовной сфере изначально является возможностью и сопряжено (обусловлено) с активностью и желанием личности следовать за вектором духовности.

Вовлечённость в реальный, подлинный процесс общественной жизни в рамках человеческого существования неминуемо заставляет его участников решать проблему выбора системы ценностей и совокупности жизненных стратегий, нацеленных на совершенствование жизни в соответствии с устремлённостью к идеалу (с аксиологической направленностью вектора духовности), на возвышение и кропотливую проработку различных форм духовной практики. Иными словами, чтобы привести духовность в состояние реально действующего непреложного императива индивидуальной и социальной жизни человека, необходимо найти пути, способы и формы реализации потенциалов духовности, введения её составляющих, норм и смыслов в действительную консустальную жизнь челове-

ка, а затем и общества. Нам представляется, что оптимальным условием для этого являются формирование, воспитание, развитие духовной личности, которые возможны при бытовании в обществе социальных институтов, проводящих в жизнь стратегию высоких, общезначимых нравственных идей и ценностей, а также при потенциальном наличии свободной непринудительной активной деятельности самого индивида.

Таким образом, следование вектору духовности должно осуществляться с разных сторон – отдельно взятой личности и государственных и общественных социальных институтов. С одной стороны – роль, значение духовности как содержательной компоненты человеческого бытия должна быть высоко поднята, принята за основополагающий, универсальный ориентир в жизни каждого отдельно взятого индивида. Такая личность соединит в себе эмпирическую правду чувств, рациональную правду разума и надрациональную истину веры. В этом случае уменьшатся эгоизм, агрессия, склонность к насилию и антиобщественному поведению, появятся желание и реальная возможность следовать за маркером духовности.

С другой стороны, стремление овладеть миром духовности востребует реформирования институциональных норм, уровней, организаций, общественных отношений, создающих благоприятные условия для вхождения человека в измерение духовности. В первую очередь должно измениться отношение к человеку – его следует принять как конечную, высшую ценность бытия. Следует ввести в обиход, поднять до уровня целе- и смысло-образующих набор универсальных этических норм, обязательно и эффективно контролирующих поведение всех членов общества (от простого Золотого правила нравственности, Десяти заповедей до норм Нагорной проповеди как их высочайшего выражения). Основным мотивом экономической, социальной и политической деятельности для русского человека надлежит обозначить не прибыль или власть, а мотив созидательной службы обществу и своему отечеству.

Лишь следуя этим ориентирам, работая над решением проблемы институционализации духовности, российское общество сможет создать условия, при которых духовное восхождение отдельно взятой личности и сама духовность приобретут в социуме характер основополагающей ценности. Тем самым социум будет принуждён к соответствующей организации, обеспечивающей условия для духовной активной деятельности своих членов, и станет способным к воспроизводству высокодуховной личности. Иными словами, общение, совместная деятельность и, обязательно, социальные институты должны помочь человеку освоить путь реализации духовных потенций, для чего они должны быть пронизаны одновременно верой в абсолютные нравственные ценности и любовью к человеку. Только в этом случае они могут стать надёжными проводниками в мир духовности, в то же время задавая меру здравого смысла в человеке и тем самым выполняя сохранительную функцию человекообразности.

Библиографический список

1. Джерелиевская, И.К. Человек в социокультурной реальности / И.К. Джерелиевская. – М.: Московский психолого-социальный институт, 2005. – 320 с.

2. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / Диоген Лаэртский / 2-е изд., испр. – М.: Мысль, 1986. – 571 с.
3. Катунина, Н.С. Проблемы духовности человека : монография / Н.С. Катунина. – Владимир: ВГПУ, 2003. – 109 с.
4. Петров, М.К. Человекоразмерность и мир предметной деятельности / М.К. Петров // Человек. – 2003. – № 1. – С. 5–18.
5. Токарева, С.Б. Методологические основания анализа духовности / С.Б. Токарева // Философия и общество. – 2005. – № 2. – С. 80–100.
6. Шумихина, Л.А. Генезис русской духовности / Л.А. Шумихина. – Екатеринбург: УРО РАН, 1998. – 396 с.

МЕНТАЛЬНЫЙ ОБРАЗ ПРИРОДЫ В ТОПОНИМИИ ПРИАНГАРЬЯ

С.П. Васильева

Приангарье территориально представлено районами Богучанским, Кежемским, Мотыгинским. Эти места являются старожильческими районами Красноярского края, сохраняющими традиции и ментальность первопоселенцев Восточной Сибири. В условиях активного проникновения цивилизации в отдаленные районы страны стереотипы субкультуры подвергаются изменению. В настоящее время внимание всей страны привлечено к Богучанской ГЭС, строительство которой сопровождается активным влиянием извне и приведет если не к разрушению, то значительным изменениям самобытной культуры.

Обращение к языковой ментальности оправданно, так как язык наиболее объективно отражает реальность. Иерархия языковых и ментальных структур такова: языковая ментальность является частью народной ментальности и рассматривается нами на топонимическом материале. Ментальный образ, избранный в качестве основной единицы для реконструкции топонимических стереотипов представлений о природе сибиряков-приангарцев, представляет собой сложную единицу ментального уровня, структурированную идеографическими (понятийными) полями, сформированными на основе языкового выражения впечатлений человека от объектов реальной действительности, реализованных в топонимии. В рамках ментального образа параметризация действительности представлена набором иерархизированных понятий – названий идеографических полей, языковое топонимическое сознание реализовано в семантических стереотипизированных моделях, представленных также в виде полей, которые взаимодействуют между собой и соотносятся с моделями параметризации действительности, обусловленными понятийным содержанием идеографического поля. Ментальный образ *Природы* представляет собой структуру отражения окружающей действительности в сознании человека, часть наивной картины мира.

Цель данной статьи – описание ментального образа *Природы* в топонимической картине мира Приангарья, реализация которой становится возможной при условии «перевода» языковой информации, заложенной в топонимах, в ментальную. На практике это осуществляется путем двухуровневого описания: идеографических полей и входящих в них семантических полей, при котором становится очевидным и наблюдаемым результат обобщения человеком «снятой» реальности, выраженной в семантике топонимов. Семантика топонимов раскрывается из денотативных и сигнификативных элементов значения, «выводимых» из топонимического текста (толкования), внутренней формы имени, понятийного содержания имени поля и коннотативных элементов значения. Именами идеографических полей являются бесспорно выделяемые во всех идеографических классификациях названия сфер живой и неживой природы: *почва, Флора, Фауна*.

1. Почва

Виды почвы представлены семантическими полями: *Камень, Песок, Глина, Топь*.

1.1. Семантическое поле *Камень*: к ядерной группе поля относятся названия от апеллятива *камень*: Каменка, р. Каменка, д. (Бог.); Серый Камень, скала в 4 км от с. (Мот.); Каменный, о. на Ангаре, каменистая почва (Кеж.); Камешок, заимка, колх. стан. (Кеж.); Камешок, о. на Ангаре, словно из плит сложенный (Кеж.). Горячий камень, в 13 м от лев. бер. р. Чадобец в устье. Во время обмеления становится виден, очень нагревается на солнце (Кеж.); Камневал, порог на р. Шенегда, большое скопление камней и крутое течение (Кеж.). Сенькин камень (плита), на бер. Ангары. С этого камня, сорвавшись, утонул Сенька (Кеж.). Подкаменная, д. в устье Подкаменной, сторевшая (Мот.); Подкаменка, р., л. пр. Ангары (Мот.).

Основные семантические модели: «камень – твердая почва», «отношение к камню». Семантическая модель «камень – твердая почва» реализована в названиях возвышенностей, островов. Семантическая модель «отношение к камню» чаще всего реализуется в названиях речек, деревень, микропонимов. Имеют широкое распространение по территории не только Сибири, но и всей России [СТМКК 2000; Фролов 1996; Дмитриева 2001; Климкова 2006; ТСРО 2004; Чернораева 2002].

В околядерной зоне размещаются названия, включающие термины, обозначающие места с каменной почвой: 1) на земле: *дресва* (рыхлый камень): Дресвянка, руч. (Кеж.); 2) на реке: *порог, шивера*. Порог – поперечная гряда камней на реке, нарушающая её течение [Черных 1993 : 58]: Алешинский порог, расположен ниже д. Алешино (Кеж.); *шивера* – каменистый мелководный участок реки с быстрым течением [СРиОСП 1994; 115]: Шивера́, пережат на р. Черво (Кеж.) – онимизация термина; Рожкова шивера на Ангаре (Кеж.) – отантропонимическая номинативная модель; Глухая, шивера, выше Рожковой на Ангаре, шум глухой (Кеж.) – модель звукового восприятия; Шивера Кашино, ниже д. Кашино (Кеж.); Заимская шивера, недалеко от д. Заимка (Кеж.); Мотыгинская шивера в 16 км от Мотыгино вверх по течению. Образована каменистыми грядами, отходящими от правого берега (Мот.) – модель «ситуация»; Игренькова шивера, на р. Ангаре давно утонула лошадь Игренька (Кеж.).

На периферии поля находятся *метафорические наименования*: Горохова шивера на р. Ангаре, камни рассыпаны, как горох (Кеж.); Оладьяна (Аладьяна), р., л. пр. Ангары, по руслу и по берегам много камней, имеющих форму оладий, в 60 км вверх по Ангаре (Мот.); Россышной, руч., по берегам ручья много каменистых отложений, россыпей (Кеж.); Голец, самая высокая точка в р-не. Почти все лето на ней лежит снег. Вершина совсем без растительности (Мот.); Гребешки (Гребешок, Гребень), скала, камни похожи на гребень петуха, они покрыты травой. Издалека кажется, что это гребень большой птицы (Мот.); Гребень, д. у скалы Гребешки (Мот.); Царская гряда, местность в д. Кирсантьево, длиной 1 км. Очень красивое место (Мот.); Скородум, скала на л. бер. Ангары в 9 км от села, выдаётся в реку (Мот.), создает опасность для плавания судов; Жёнка, утес в 13 км от Мотыгино (Мот.); 3) в земле: *полезные ископаемые*: Железный, руч., по берегам ручья много отложений железных руд (Кеж.); Угольная, возв. в 6 км от

д. Кулаково; Слюдорудник, п. на п. бер. р. Тасея. Жители занимались добычей и обработкой слюды (Мот.); 4) *цвет*: Красненький, руч., на дне видны красные камни и песок, в 18 км от Мотыгино; Красная Горка, бывшее кладбище с. Мотыгино. Породы на берегу красного цвета; Красненький, о., на берегу камешки красного цвета (Мот.); Черная речка в 15 км от Мотыгино вода светлая и холодная, но дно покрыто черными камнями (Мот.).

1.2. Семантическое поле *Песок*: ядро поля составляют названия, производные от апеллятива *песок*: Пески, участок берега, песчаный (Кеж.); Песчаный, о., место отдыха жителей (Мот.); Пески, мелководный участок реки с песчаным дном, место купания в устье р. Чадобец (Кеж.); Лавдóрина песочница, овраг, где брали песок, на окраине, где когда-то была избушка старика Лавдорина (Кеж.). Основные семантические модели: «вид сыпучей почвы», «строительный материал». Реализуются ограниченно, в названиях берега, островов, карьеров. Список номинируемых объектов на других территориях Сибири и России гораздо шире, в их число входят реки, деревни, возвышенности [СТМКК 2000; Фролов 1996; Дмитриева 2001; Климкова 2006; ТСРО 2004; Чернораева 2002]. На периферии колоронимы: Красный яр, берут песок красного цвета (Мот.).

1.3. В семантическом поле *Глина*: к ядерной группе поля относятся названия от апеллятива *глина*: Глина, поля (Бог.); Глинка, прот., берега протоки имеют породу красной глины, в результате чего вода имеет характерный красный цвет (Кеж.); Глиняное, оз. (Бог.).

В названиях реализована семантическая модель «вид почвы». На территории Сибири, Алтая, европейской части России список географических объектов этой семантической модели гораздо шире: различные водоемы, возвышенности, деревни [СТМКК 2000; Фролов 1996; Дмитриева 2001; Климкова 2006; ТСРО 2004; Чернораева 2002]. На периферии поля колоронимы: Красная горка, по цвету глины, а также место демонстраций и митингов (1977 г.) (Мот.); место добычи: Карьер, место, где брали глину, в 1 км от деревни (Кеж.).

1.4. Семантическое поле *Топь* с основной семантической моделью «жидкая почва» актуализировано в названиях болот. Негативная коннотация, сема «опасность» выражена в обращении к мифологическим образам: Чертово болото, торфяное болото в 60 км от Мотыгино. Часто загорается, чавкает, пищит, ухаёт, здесь часто гибнут люди (Мот.); Чертовы болота, несколько небольших болот, непроходимых, вязких и топких, здесь часто погибают домашние животные, отбившись от стада (Мот.).

По количеству названий и моделей наиболее объемным семантическим полем является поле *Камень*, включающее широкую периферийную зону, состоящую из названий от видов камней, полезных ископаемых, метафорических наименований, колоронимов (красный, черный). Семантические поля *Глина* и *Песок* имеют в составе периферийной зоны колоронимы (красный), место добычи (карьер). Поле *Топь* содержит наименования с семой «опасность», образованные на основе мифологических образов (черт).

2. Флора

Идеографическое поле *Флора* представлено в топонимии Приангарья семантическими полями: *Деревья*, *Ягоды*, *Травянистые*. Эти виды не только составля-

ют особенность флоры Приангарья, они зафиксированы сознанием, являются частью картины мира жителей. В названиях отражены далеко не все виды имеющейся в регионе растительности, а только те, которые становятся отличительным признаком называемого места, тайги, природной зоны, например: Таёжный, п. (Ман., Богуч.).

2.1. Семантическое поле *Деревья* состоит из топонимов, образованных от обозначений хвойных пород: *кедр, сосна, ель, лиственница*, лиственных пород: *осина, берёза*. Флоротопонимами являются названия разных географических объектов, прежде всего лесов и боров, а также рек, ручьев, деревень, островов, пашен, дорог и других объектов, воспринятых человеком через растительность, которая произрастает рядом.

Хвойные породы: *сосна*: Сосновый бор, о. около п. Зайцево (Мот.); Сосновый, о. в 4 км выше п. Кулаково (Мот.); Пашня на Сосновом острову, остров с сосновым бором. (Кеж.); Сосновый, п. в сосновом бору (Кеж.). *Кедр*: Кедровая, д. в 35 км от Мотыгино. Растет много кедров (Мот.); Кедровка, д. (Мот.); Кедровый, руч., по берегам ручья растет кедровый лес (Кеж.). *Ель*: Еловый, о. напротив д. Кулаково (Мот.); Еловка, р., пр. р. Ангары – название дано по внешнему признаку, по берегам реки растет еловый лес (Кеж.). *Лиственница*: Листвянка, р., по берегам много лиственниц (Кеж.); Листвяжная, д. (Мот.).

Лиственные породы: *берёза*: Берёзов остров, растет много берёз (Кеж.); Берёзовое, оз. (Бог.); Берёзовая, глухая дорога от Кежмы в тайгу (Кеж.); Берёзовский, перевал (Кеж.); Марьяна берёза, известная красавица Марья Ильина, жена приискателя п. Партизанска, повесилась на этой берёзе (Мот.); Катеринина берёза, очень старое дерево на обрыве Ангары. На этой берёзе Катерина, самая красивая женщина в деревне, жена кулака Егора Мутовина, покончила жизнь самоубийством (Мот.). *Осина*: Осинный, о. на Ангаре (Кеж.); Осиновка, р., пр. р. Ангары, указывает на особенности флоры в данной местности: по берегам реки растет осинный лес (Кеж.); Осинский, руч., название указывает на особенности флоры в данной местности; по берегам ручья рос осинный лес (Кеж.); Осинный, руч. (Кеж.); Верхняя Осиновка, р., пр. р. Ангары, название указывает на особенности флоры (Кеж.).

На периферии семантического поля расположены флоротопонимы: 1) мотивированные цветом растительности: Рыжий лесок, перелесок в 500 м на с-в. от деревни. Состоит из осин, которые осенью рыжеют (Кеж.); 2) размерами: Высокий бор (Косой) (Кеж.); Долгий бор, бл. с. Яркино (Бог.); 3) отношением к человеку и предметам: Тимохин бор в д. Устье. Любимое место Тимофея Казановского (Мот.); Марьяна роцца, в 5 км от Мотыгино. Купеческая дочь Марья полюбила батрака. Об этом узнал её отец. Обычно влюблённые встречались в берёзовой роцце. Любовь Ивана к Марье навлекла на него немилость старого купца. Иван в отчаянии заколол себя литовкой. Узнав об этом, Марья повесилась на одной из берёз той роцци. Отсюда и такое название (Мот.); Бревенчатый колок (Бог.); 4) обозначением природной зоны: Тайга, р. (Бог.); 5) метафорические: Шпотка, мелкий лес и редкий, как щетка (Бог.).

Семантическое поле *Деревья* выглядит таким образом: ядро составляют топонимы от названий хвойных пород, которые характерны для таёжной природной зоны, в околоядерной зоне – топонимы от наименований лиственных деревьев,

на периферии флоротопонимы следующих номинативных моделей: «цвет», «размер», «отношение», «обозначение природной зоны» и метафорические.

2.2. Семантическое поле *Ягоды* состоит из названий от обозначений ягодных кустарников: *ягода* (общее обозначение) и конкретных обозначений ягод: *черемуха*, *смородина*, *малина*, составляющих ядро поля. Кустарниковые обычно обозначают не только места своего произрастания: лог, остров, дорога, ручей, протока, но и расположенные рядом с зарослями этих кустарников деревни.

Ягода: Ягодный остров на Ангаре недалеко от устья Чадобца, в 4 км от д. Заледеево. Много черемухи, смородины (Кеж.); Петрушкины ягоды, ягодные места в 7 км от д. Обнаружил Петр Верхотуров в 60-е гг. (Кеж.). *Черёмуха*: Черёмуховый лог, растет одна черёмуха (Мот.); Черёмуховый, о. между островами Шадриным и Сосновым на Ангаре (Мот.); Черёмуховый лог, о. напротив Мотыгино на Анг. растит. (Мот.); Черемуховая, дорога от Кежмы до р. Антакаки, вдоль дороги растет много черёмухи (Кеж.); Черёмуховый, руч. – название указывает на особенности флоры в данной местности; по берегам ручья растет много черёмуховых деревьев (Кеж.). *Смородина*: Смородинная, д., много смородины (Мот.). *Малина*: Малинова протока, между о-вами, Большим и Малиновым (Кеж.); Малиновый, о., росла дикая малина (Кеж.). *Клюква*: Клюквенные болота (Мот.); Клюквенное, бол. в 7 км от д. Много клюквы (Мот.). *Черника*: Чернишный хребет (Бог.). На периферии поля метафорическое название: Янтарные болота (клюквенные) (Мот.).

На периферии семантического поля *Ягоды* флоротопонимы следующих номинативных моделей: 1) по вкусу: Киселев лог, ягодное место в 5–6 км от д., много кислицы, дикой смородины (Кеж.); 2) по цвету: Черненький, бор, растет черника (Мот.).

По структурно-грамматическому оформлению названия обычно оформлены как относительные прилагательные в сочетании с географическими терминами. Семантическое поле представлено ядерной зоной: *ягода*, *черёмуха*, *смородина*, *малина*, *клюква*, *черника*; периферия – номинативными моделями: «вкус» и «цвет».

2.3. В семантическое поле *Травянистые растения* входят ядерные флоротопонимы от названий съедобных растений: *черемша*, *хмель* и периферия – флоротопонимы от названий не употребляемых в пищу растений: *камыш*. В этом подразделении играет роль принцип ценности (съедобности), выделяемый человеком растения из всей флоры.

Черемша: Черемшинка, речка, п. пр. р. Рыбной. Здесь растет много черемши (Мот.). *Хмель*: Хмелевой, руч., название указывает на особенности произрастания флоры в данной местности (Кеж.). На периферии *камыш*: Камышки, участок берега р. Чадобец напротив с. Заледеево, длиной ок. 15 м. Растут камыши (Кеж.); Камыши, п. химлесхоза (Кеж.).

В идеографическом топонимическом поле *Флора* наиболее подробно представлено семантическое поле *Деревья*, менее объемно – *Ягоды* и совсем малочисленно – поле *Травянистые*.

3. Фауна

Идеографическое поле *Фауна* состоит из семантических полей: *Домашние животные и птицы, Дикие звери, Птицы, Рыбы*.

3.1. Семантическое поле *Домашние животные и птицы* представлено названиями от апеллятивов: *конь, корова, бык, петух, утка* и названиями, включающими географические термины «пастбище», «поскотина» и другими, имеющими отношение к разведению скота.

К ядерным наименованиям относятся названия от обозначений домашних животных. *Конь*: Конный остров, пастбище лошадей (Кеж.); Конная, прот., по этой протоке раньше переводили коней (Кеж.). *Корова*: Коровьи луга, пастбища (Кеж.). *Овца*: Овечий луг (Бог.). *Собака*: Собачий переулочек, пер., где много собак (Кеж.). *Утка*: Утячьи, пастбища (Кеж.). *Петух*: Петухов, о. на Ангаре напр. д. Фролово (Кеж.).

На периферии поля находятся названия, возникшие на основе семантических трансформаций и названия, имеющие отношение к разведению домашних животных, а также от кличек домашних животных: 1) метафорические наименования от апеллятива *бык* (в значении «камень, скала»): Косой Бык, шивера, расположенная в сильном сужении реки. Правый берег шиверы выступает в реку скалистым утесом, левый берег несколько ниже правого. Ложе реки в пределах шиверы каменистое (Кеж.); Выдумской Бык (Мот.); Быковая, р., пр. р. Ангары, река находится рядом с быком (утесом) (Кеж.); Верхняя Быковая, р., пр. р. Ангары, находится рядом с быком (утесом) в верхнем течении (Кеж.); 2) названия пастбищ: Поскотина, место выгона колхозного скота за деревню (Мот.); Булоканный (Булоканный?), о. на Ангаре напротив с. Кежма, где пасут скот (Кеж.); 3) названия от кличек животных: Игренькова шивера, на р. Ангаре. Когда-то давно утонул конь Игренька (Кеж.).

Следует отметить, что названия, образованные от именований домашних животных и птиц, носят объекты, расположенные в деревне или вблизи неё, и поэтому «домашние» зоонимы приобретают коннотацию «ближний» в противоположность «дальним» объектам, носящим, как правило, названия, образованные от именования диких животных и птиц.

3.2. В семантическое поле *Дикие звери* входят зоонимы, образованные от обозначений диких животных: *медведь, ондатра, барсук, олень, бурундук, змея*.

К ядерной группе относятся многочисленные зоонимы от апеллятива *медведь*: Медвежий околочек в 10 км от деревни, ягодники часто встречаются с медведем (Мот.); Медвежий, руч. на пр. берегу Ангары в 36 км от Мотыгино. Из-за обилия медвежьих берлог у истока (Мот.); Медвежий, руч. – ручей служил местом обитания медведей (Кеж.); Медведев брусничник, ягодное место в 4 км от деревни. В этих местах часто встречали медведя (Мот.); Медвежья шивера на Ангаре. Охотники устанавливали петлю (с бревном) на медведя. Медведь пошёл к обрыву и упал (Кеж.). *Ондатра* (промысловый зверек, живущий на реке): Ондатровые отмели, живет ондатра (Мот.). *Барсук*: Барсучьи горки, место на окраине деревни, холмы, где живут барсуки (Кеж.). *Бурундук*: Бурундучье поле (Бог.). *Змея*: Змеиная горка, в 1 км от деревни, где весной много змей, осенью поспевают смородина, но местные жители боятся ходить туда (Кеж.); Змеиная горка, на окраине д. Невонка, много змей (Бог.).

На периферии семантического поля: 1) метафорическое название от апеллятива *олень*: Олень, камень в шивере Выдумской Бык, в 50 км от Мотыгино. По форме напоминает оленя (Мот.); 2) по месту брачных игр глухаря: Токовой, о. на Ангаре (Бог.).

3.3. В семантическом поле *Птицы* к ядерной группе относятся названия от обозначений промысловых птиц: *гуси, косач (глухарь), чирок* и непромысловых, которые водятся на территории Приангарья: *лебедь, сорока*. Как правило, зоонимы грамматически оформлены как прилагательные, обозначают места обитания: болото, остров, поле, гора.

Гусь: Гусиное, бол. в 6 км от Кулаково. Здесь перед отлетом отдыхают гуси (Мот.); Гусинцы, о. на Ангаре ниже Мотыгино. Весной бывает много диких гусей и уток (Мот.). *Косач (глухарь)*: Косачи, поле в 5 км от Кирсантьево, окруженного плотной стеной леса, излюбленное место косачей (глухарей, тетеревов) (Мот.); Глухаринная гора (Бог.). *Чирок*: Чирóчный, о. напротив Мотыгино, на нем есть озерко, где гнездятся чирки (Мот.). *Лебедь*: Лебяжий, о. на Ангаре, место обитания лебедей и др. перелетных птиц (Мот.); Лебяжье, оз., служило пристанищем при перелете диких лебедей; находится на о-ве Тургенев (Кеж.). *Сорока*: Сорочья гора (Мот.).

На периферии семантического поля названия по месту брачных игр глухаря (косач, тетерев), например: Токовой, о. на Ангаре (Бог.).

Таким образом, топонимы от именовании диких животных и птиц называют географические объекты за пределами деревни, за пределами «ближнего» деревенского пространства. Ментальный пространственный смысл в семантику «диких» топонимов включается как коннотативная сема «дальний».

3.4. Семантическое поле *Рыбы* представлено названиями от родового обозначения *рыбы* и видовых обозначений ценных промысловых пород рыб: *осетр, стерлядь, таймень* и менее ценных: *окунь, щука, карась*.

К ядерным относится множество названий от видового обозначения *рыба*: Рыбная, р., п. пр. Ангары. Берет начало на Ангаро-Питском хребте в 120 км сев. Мотыгино (Мот.); Рыбное, п. в 42 км от д. Маш. Всех снабжали рыбой (Мот.); Рыбное, с. на п. бер. Ангары в 12 км от Мотыгино напротив ямы, где водится ценная рыба – стерлядь (Мот.). Названия от апеллятива *рыбный* свидетельствуют, как правило, о наличии в реках именно ценных пород рыб, таких как *осетр*: Осетрово, оз. в 1 км от д. Маш. Раньше водилось много осетров (Мот.); *стерлядь*: Стерлятье, место (второе название Дикий улов) (Бог.); *таймень*: Тайменья, р., пр. р. Ангары – название дано из-за места обитания в реке тайменя (Кеж.); *окунь*: Окунёвка, п. ниже Кежмы (Кеж.); Окунячье, оз. – название дано из-за обилия окуней (Кеж.); Окунячий, руч., находится на о-ве Тургенев на Ангаре (Кеж.); *щука*: Щучье оз., водится много щук (Мот.); *карась*: Карáсево, оз. – название дано из-за обилия в озере карасей; находится на о. Пахотный на Ангаре (Кеж.).

На периферии семантического поля названия по видам рыбного промысла, мотивированные апеллятивами: *рыболов*: Верхний Рыболов, руч., в нижнем течении сливается с руч. Нижний Рыболов (Кеж.); *боевать*: Бойничная, р., пр. Енисея ниже устья Ангары; Бой, боёвка (устар.) – «осенний лов красной рыбы на ямах, где она собирается на зимовку» (Кеж., Богуч., Мот.) (СРиО); *ботать*:

Ботовая, р., п. пр. Енисей. Ботать – «вспугивать рыбу, загонять её в расставленные сети»; ботало – «рыболовное приспособление – шест с конусообразным полым наконечником, ударом которого по воде вспугивают рыбу и загоняют её в сеть» (Мот., Богуч.) (СРиО); *удить*: Удинный, руч. Удить – ловить рыбу удочкой. – На удочке добывашь: само удилище, жилка, крючок, тягало – вот и вся удочка. Весной в острова ездят на удочки удят (Мот.).

Отмеченные в названиях разновидности рыбных промыслов являются специфическими для территории Приенисейской Сибири и Приангарья (бойничные, ботовые, удинные).

Множество названий Рыбных рек и водоемов объясняется тем, что контакты русских с эвенками, живущими на берегах Ангары, привели к калькированию эвенкийских и кетских названий без родовой конкретизации, по общему названию *рыбный*. Однако многие эвенкийские зоонимы были восприняты без перевода, например: Нижняя Кежда, р., пр. р. Ангары – название восходит к древнекетскому *кез* (*кеж*) – налим, *ма* – суффикс имени прилагательного по признаку действия или материала, т. е. «*налимье место*»; протекает в нижнем течении р. Ангары; Нижняя Ерма, р., пр. р. Ангары – название восходит к эвенк. *ера* – проходная рыба, *ма* – суффикс имени прилагательного по признаку действия или материала, т. е. рыбное место. Река находится в нижнем течении Ангары и др.

Подводя итоги, можно отметить следующее.

1. Идеографические поля (ИП) топонимии Приангарья – *Почва, Флора, Фауна* – имеют сложную структуру и состоят из 3–4 семантических полей (СП).
2. СП имеют ядерно-периферийную структуру.
3. Ядерная зона СП представлена топонимами, распространенными на всей территории России; периферийная зона содержит топонимы, отражающие региональные черты.
4. Наиболее объемными являются СП: *Камень* (ИП *Почва*), *Деревья* (ИП *Флора*), *Домашние животные и птицы*, *Дикие звери* (ИП *Фауна*).
5. ИП *Почва* пересекается с ИП *Вода* (см.: Васильева), на пересечении находится СП *Толь*, ассоциативно связанное с СП *Опасность*.
6. СП *Домашние животные и птицы*, СП *Дикие звери* пересекаются с СП *Пространство*.
7. Пересечение ИП и СП в топонимии свидетельствует о прозрачности границ топонимических полей, о межполевых ассоциациях, на которых строятся топонимические метафоры.

Библиографический список и словари

1. Дмитриева, Л.М. Ойконимический словарь Алтая / Л.М. Дмитриева. – 2001. – 417 с.
2. Климкова, Л.А. Микротопонимический словарь Нижегородской области (Окско-Волжско-Сурское Междуречье). В 3 ч. / Л.А. Климкова. – М.: МПГУ; Арзамас: АГПИ, 2006. – 403 с.
3. Словарь топонимов и микротопонимов Красноярского края. – Красноярск: РИО КГПУ, 2000. – 172 с. (СТМКК).

4. Словарь рыбаков и охотников Северного Приангарья / сост. В.И. Петроченко. – Красноярск: Краснояр. книжн. изд-во, 1994. – 128 с. (СРиОСП).
5. Топонимический словарь Рязанской области / под ред. А.А. Никольского; Ряз. гос. пед. ун-т им. С.А. Есенина. – Рязань, 2004. – 296 с. (ТСРО).
6. Фролов, Н.К. Семантика и морфемика русской топонимии Тюменского Приобья / Н.К. Фролов. – Тюмень, 1996. – 160 с.
7. Чернораева, Т.Н. Топонимия и географическая номенклатура Приамурья: дис. ... канд. филол. н. / Т.Н. Чернораева. – Хабаровск, 2002. – 232 с.
8. Черных, П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т. 1–2 / П.Я. Черных. – М.: Русский язык, 1993.

«МЁРТВЫЙ ДОМ» ДОСТОЕВСКОГО : ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ ОПЫТ КАТОРГИ

А.Ю. Колпаков

В целом исследователи сибирского периода жизни Достоевского утверждают «просветляющий» итог каторжного опыта писателя. В этом плане они идут вслед за писателем, безусловно принимая его положительные самохарактеристики [Кирпотин 1966; Туниманов 1980; Джексон 1998]. Однако и «Записки...», и письма, и воспоминания выявляют тяжёлый экзистенциальный кризис Достоевского, который он так и не смог преодолеть. Целью данной работы является анализ экзистенциальной ситуации, сложившейся на каторге и впоследствии послужившей основой публицистического и художественного творчества Достоевского.

Перед отправкой на каторгу Достоевский пишет своему брату:

«Жизнь везде жизнь, жизнь в нас самих, а не во внешнем. Подле меня будут люди, и быть *человеком* между людьми и остаться им навсегда, в каких бы то ни было несчастьях, <...> вот в чём жизнь, в чём задача её. Я сознал это (курсив Достоевского. – А.К.)» (28₁ : 162)¹.

Быть человеком среди людей... Отсюда, из казематов Петропавловской крепости, казалось, что жизнь не прекратила своего движения. Напротив, она обнаруживала свою суть, свободу и полноту. Хотелось одного – войти в этот открытый мир, соединиться с ним, раскрыть себя в нём. Пусть внешне это и будет каторга. Внутренне новая жизнь казалась воплощением свободы и единства с миром. Там Достоевский надеялся утвердить себя как личность, стать и быть «человеком».

Каторга сразу выявила иллюзорность надежд Достоевского. Вместо ожидаемого единства мир сразу разделился на две части – я и они. «Они» – это вся общность каторги. «Странное семейство», как называет её Достоевский, существовало само по себе, по своим законам и правилам:

«Тут был свой особый мир, ни на что более не похожий, тут были свои законы, свои костюмы, свои нравы и обычаи, и заживо Мёртвый дом, жизнь – как нигде, и люди особенные» (4 : 9).

Этому миру Достоевский оказался совершенно посторонним человеком. Здесь его не ждали, не любили, не принимали. Всё здесь было чужим и враждебным.

На каторге Достоевский столкнулся с жёстко организованным социумом. Каторга не уравнивала людей, а до крайности их разъединяла. Замкнутый мир острога был разбит на крупные и более мелкие группы, границы между которыми часто были довольно значительными. Сам Достоевский не мог вписаться ни в одну из этих общностей – «кучек». Даже дворянство, с которым вроде бы иденти-

¹ Здесь и далее «Записки из Мёртвого дома» имеют сокращённое обозначение «Записки...». Ссылки на произведения и письма Достоевского даются по изданию: Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. В 30 т. – Л.: Наука, 1972 – 1990. В скобках обозначены номера тома и страницы.

фицировал себя писатель, на деле было чуждым ему обществом¹. Мир каторжников для Достоевского становится угрозой обезличивания, потери независимости и свободы. Поэтому основные усилия Достоевского были направлены на сохранение индивидуальности.

«Именно: я решил, что надо держать себя как можно проще и независимее <...> я никогда не бывал дворянином по их понятиям; но зато я дал себе слово никакой уступкой не унижать перед ними ни образования моего, ни образа мыслей моих» (4 : 76–77).

Поставив человека в себе во главу угла, Достоевский неизбежно приходил к внутреннему противоречию. С одной стороны, тем самым он шёл вразрез со стереотипами социальных отношений. Дистанцирование себя и от дворян и от народа было необходимым процессом самоутверждения.

С другой стороны, только в свободном единении с миром личность могла раскрыть себя. Поэтому наряду с отстаиванием своей независимости нужно было делать шаг навстречу людям. Привести к сочетанию эти начала было чрезвычайно трудно.

На поверку оказалось, что не только обрести любовь, но и найти силы самому полюбить «другого» очень сложно. Для Достоевского ощущение этого было мучительным, поскольку задача «быть человеком» являлась не просто светлой мечтой, а сущностью экзистенции писателя. Провал в этом стремлении означал потерю смысла существования вообще.

Насколько тяжело переживал Достоевский сложившуюся ситуацию проясняет рассказ из «Записок...» о собаке Шарике. Видно, что герой «Записок...» проецирует на Шарика собственные чувства обделённости любовью, одиночества и изгойства. Себя несчастного и начинает жалеть Горянчиков, бросаясь в истерическом порыве к Шарикю. В этом порыве прорывается вся горечь неудачи единения с миром и неосознанное признание собственной слабости.

Неспособность найти позитивный выход из сложившейся ситуации заставляла Достоевского воспринимать её как фатальную. Собственную слабость он начинает оправдывать неизбежностью страдания «образованного» человека в среде каторжного народа. Тем самым, вероятно, пытаясь снять с себя груз необходимости борьбы за личность.

Интеллигенту в «Записках...» всегда хуже, чем остальным. Он – жертва рока, обстоятельств, несправедливости. Достоевский устами Горянчикова стремится показать в интеллигенте безвинно страдающую личность. Его незаслуженно презирают каторжники; он единственный, кто оторван от «своей среды»; его наказание не соизмеримо с его «развитой совестью», с «болью сердца». При этом ни в одном эпизоде «Записок...» мы не видим реальной заботы о «другом», моментов действительной помощи слабому, защиты униженного.

Снова становится актуальным желание внутренней свободы, которую, как кажется Достоевскому, можно обрести только за стенами каторги. Из Петербурга

¹ Петр Кузьмич Мартьянов приводит свидетельство разжалованных и сосланных в Сибирь гардемарин («морячков») о Достоевском: «Характер Ф. М. Достоевского, по рассказам одного из “морячков”, был вообще несимпатичен, он смотрел волком в западню; не говоря уже об арестантах, которых он вообще чуждался и с которыми ни в какие человеческие соприкосновения не входил, ему тяжело казались и гуманные отношения лиц, интересовавшихся его участью...» [Достоевский в воспоминаниях 1990 : 340].

пространством свободы казалась Сибирь, из Сибири – снова мир Петербурга. Это был замкнутый круг, причиной которому, прежде всего, был сам Достоевский. Для того чтобы быть личностью, нужно было действовать здесь и сейчас, а не полагаться на изменение обстоятельств. Однако писатель не нашёл в себе сил для такого пути.

«Одиноким душевно, я пересматривал всю прошлую жизнь мою, перебирая всё до последних мелочей, вдумываясь в моё прошедшее, судил себя один немолимо и строго <...>. И какими надеждами забилося тогда моё сердце! Я думал, я решил, я клялся себе, что уже не будет в моей жизни ни тех ошибок, ни тех падений, которые были прежде. Я начертил себе программу всего будущего и положил твёрдо следовать ей. Во мне возродилась слепая вера, что я всё это исполню и могу исполнить...» (4 : 220).

Грех, о котором пишет Достоевский, это грех бессилия быть человеком, то есть воплотить в реальности свой дар любви и свободы. Этот голос личности постоянно тревожит сознание писателя, заставляя его снова и снова искать пути самореализации. Каторжный опыт Достоевского показывает, что таких путей у него было два. Один условно можно назвать отрицательным, другой – положительным.

Отрицательный путь предполагал самоутверждение за счёт возвеличивания над массой. Он неизбежно вёл к ещё большему разрыву связей с миром, но в экстремальных условиях каторги казался Достоевскому выходом. Этот иллюзорный выход стал причиной «аристократических» амбиций писателя, неожиданно проявившихся на каторге¹. Причисляя себя к дворянству, к «благородным», при этом не являясь дворянином по своей психологии, Достоевский преследовал одну цель – почувствовать значимость собственной личности и преодолеть комплекс неполноценности.

Соответственно напускным амбициям Достоевский создаёт и утрированный образ «дикого» народа². Незрелость сознания и души, мышление социальными стереотипами, отсутствие чувства личности, ненависть ко всему чужеродному – всё это черты каторжного «товарищества». По отношению к дворянству такой народ проявляет не только бессознательное недоверие, но и целенаправленную злобу, часто переходящую в издевательство.

«Какой-нибудь последний оборвыш, который и сам-то был самым плохим работником и не смел пикнуть перед другими каторжниками, побойчей его и потолковее, и тот считал вправе крикнуть на меня и прогнать меня <...>. Всё это, разумеется, было нарочно, потому что всех это тешило. Надо было поломаться над бывшим дворянчиком, и, конечно, они были рады случаю» (4 : 76).

Символическим выражением социальной и нравственной сущности каторжников можно считать образ арестанта Газина. В нём сконцентрировались все главные черты «странного семейства»: нравственная развращённость, агрессия, ненависть к дворянству, животная сила. Источником таких характеристик яв-

¹ Об этом пишет в своих воспоминаниях ссыльный поляк Ш. Токаржевский [Токаржевский 2006 : 459-460].

² Как отмечают комментаторы, Достоевский «неоднократно сознательно усиливал преступления своих героев» (4 : 283). Правда, объяснение этому комментаторы находят в «цензурных соображениях», тогда как нам представляется, данная тенденция стала результатом психологического состояния писателя.

лялось отчаяние Достоевского. Отчаяние от бессилия дать любовь людям и быть любимым. Не злоба, а одиночество, тоска, сомнения в себе рисовали такой образ народа.

В результате отрицательный путь борьбы за человека не давал ничего, кроме постоянного опасения за свою индивидуальность. Достоевский, внутренне протестовавший против социальных барьеров в отношениях между людьми, сам создавал их. Тем самым доводя до предела страх потери индивидуальности.

О том, что голос человека продолжал тревожить сознание Достоевского, говорят его настойчивые попытки войти в мир каторжников. Это был второй, положительный, путь решения проблемы человека.

Наиболее сложным здесь было войти в «доверие» к «сильной» части каторги, поскольку именно её Достоевский воспринимал как массу, несущую опасность его личности¹. Тем не менее отношениями с «сильными» каторжниками писатель дорожил особо, ведь от успеха единения с ними зависела его собственная самооценка.

В «Записках...» Достоевский рассказывает о двух попытках своего героя войти в доверительные отношения с «сильными» каторжниками. Это ситуации с Орловым и Петровым. Оба каторжника выделяются среди всех остальных своей решительностью, независимостью и природным умом. Оба пользуются высоким авторитетом среди арестантов.

В отношениях с Орловым и Петровым герой «Записок...» стремится преодолеть взаимное недоверие и пробиться к человеческой сущности каторжников. Поэтому Александр Петрович пытается «добраться» до совести Орлова и заговорить о чём-нибудь, «кроме наук и книжек», с Петровым.

Средством для достижения этой цели служит диалог. В диалоге, как писал М.М. Бахтин, «человек не только проявляет себя вовне, а впервые становится тем, что он есть... не только для других, но и для себя самого» [Бахтин 1972 : 434]. Горянчиков в обращении с каторжниками настроен на диалог. Он чувствует его необходимость для обеих сторон. И частично ему удаётся перебороть взаимное отторжение. Но вместе с тем полного и свободного раскрытия личности так и не происходит. Усилия Горянчикова натываются на неискоренимое недоверие и непонимание со стороны каторжников. Человеческое в себе они раскрывают лишь до определённого предела.

«Я пробовал с ним (Орловым. – А.К.) заговаривать об его похождениях. Он немного хмурился при этих расспросах, но отвечал всегда откровенно. Когда же понял, что я добиваюсь до его совести и добиваюсь в нём хоть какого-нибудь раскаяния, то взглянул на меня до того презрительно и высокомерно, как будто я вдруг стал в его глазах каким-то маленьким, глупеньким мальчиком, с которым нельзя и рассуждать, как с большим» (4 : 48).

Однако не только непонимание каторжниками человеческой сути всех усилий Горянчикова становится причиной неудачи единения. Характер самого героя обнаруживает слабость. Отторжение, а точнее намёк на него, сразу воспри-

¹ Достоевский в «Записках...» предпринимает попытку подвести всю каторгу под определённые «разряды». Всех острожников он разбивает на две основные группы: «наивные и простоватые» и «угрюмые и злые» (4 : 196). Видно, что вся классификация строится на основе черт характера.

нимается им крайне болезненно. Он выказывает неуверенность в себе, боязнь контакта с миром. Выдержать требование быть личностью в любой обстановке Горянчиков не может.

Снова возвращается его комплекс неполноценности и, как следствие, отчаяние. Герой «Записок...» – alter ego писателя – срывается в самоуничтожение, со скрытой ненавистью признавая своё поражение.

«Прощаясь, он (Орлов. – А.К.) пожал мне руку... В сущности, он не мог не презирать меня и непременно должен был глядеть на меня как на существо покоряющееся, слабое, жалкое и во всех отношениях перед ним низшее» (4 : 48).

Видно, что Горянчиков, говоря об Орлове, скрыто ведёт речь о себе. Таким – жалким и низшим – чувствует он себя сам.

Отсюда следует восприятие себя беспомощным существом – ребёнком. Так, после неудачи с Орловым Горянчиков чувствует себя «маленьким, глупеньким мальчиком». То же видим и в случае с Петровым:

«Мне кажется, он вообще считал меня каким-то ребёнком, чуть не младенцем, не понимающим самых простых вещей на свете. <...> Считал ли он меня недоросшим, неполным человеком, чувствовал ли ко мне особого рода сострадание, которое инстинктивно ощущает всякое сильное существо к другому слабейшему, признав меня за такое... не знаю» (4 : 86).

В этом ощущении себя «младенцем» видны и горечь отверженности и презрение к собственному бессилию.

Войти в каторжный мир свободным и независимым человеком Достоевскому так и не удалось. Практика оказалась куда более драматичной, чем мечты. Она требовала усилий, терпения, воли, чего в характере писателя оказалось слишком мало.

Итак, на пути реализации себя как человека для Достоевского стояло две преграды. С одной стороны, недоверие каторжников, с подозрением и непониманием относящихся к проявлению человеческих чувств социально чужого им человека. С другой – слабость собственного характера, неспособного выдержать требование быть личностью. Неспособность преодолеть эти преграды вновь и вновь заставляла Достоевского переживать своё одиночество и изгойство, что, в свою очередь, служило для него свидетельством поражения в борьбе за человека. В этом и состоял комплекс неполноценности Достоевского, который рано или поздно начинал свою разрушительную работу.

Особенно это проявляется в отношениях Достоевского к «слабым» каторжникам, которых писатель относил к разряду «наивных и простоватых», всеми «презираемых». С ними у Достоевского сложились довольно близкие отношения. В том числе и их имел в виду писатель, говоря в письме к брату Михаилу:

«Впрочем, люди везде люди. И в каторге между разбойниками я, в четыре года, отличил наконец людей. Поверишь ли: есть характеры глубокие, сильные, прекрасные, и как весело было под грубой корой отыскать золото. И не один, не два, а несколько. Иных нельзя не уважать, другие решительно прекрасны» (28₁ : 172).

В «Записках...» Достоевский говорит о сближении Горянчикова с каторжником Сушиловым и частью с Сироткиным. К обоим Александр Петрович испыты-

вает человеческие чувства жалости и сострадания. В отличие от «угрюмых и злых» арестантов он не смеётся над ними, не унижает их.

Однако эти, казалось бы, истинно человеческие отношения в результате приводят к тому же тупику, что и связь с «сильными» каторжниками. Отношения с Сушиловым являются зеркальным отражением ситуаций с Петровым и Орловым. Здесь герой-рассказчик как бы компенсирует то поражение, которое он терпит в среде «сильных» каторжников.

Там самооценка Горянчикова определялась уничижительно-детскими характеристиками, здесь такими чертами наделяются каторжники. Детско-женственные черты становятся общими в образах людей, которых Горянчиков считает близкими.

Сироткин: «хорошенький мальчик», «прекрасное лицо», «глаза голубые, черты лица правильные, личико чистенькое, нежное, волосы светло-русые», «красавчик».

Сушилов: «был очень жалкий малый, вполне безответный и приниженный, даже забитый» (4 : 59).

Соответственно самого себя герой сразу ставит выше своих товарищей. Он принимает услужения Сушилова, но позволяет вести себя с ним невнимательно, капризно, требовательно. Об этих метаморфозах души сообщает Достоевский брату:

«А между тем характер мой испортился; я был с ними капризен, нетерпелив. Они уважали состояние моего духа и переносили всё безропотно» (28₁ : 172).

Раздражительность Достоевского может быть связана и с тем, что в лице «слабых» каторжников, к которым все относились с пренебрежением и грубостью, он видел собственное отражение. Это были своеобразные двойники, разоблачающие перед ним его же сущность: слабую, беспомощную, зажатую страхами и тревогами личность. Ту сущность, которую Достоевский не хотел в себе признавать и от которой не мог избавиться.

История с Сушиловым становится явным свидетельством невозможности желанного союза между каторжниками и Достоевским. И главное препятствие – собственное «я» писателя. В минуты полной откровенности он корил не мир, а себя, своё отступление от идеала человека. В знаменитом письме Наталье Дмитриевне Фонвизиной он с предельной горечью признаётся:

«Самое несносное несчастье это когда делаешься сам несправедлив, зол, гадок, сознаёшь всё это, упрекаешь себя даже – и не можешь себя пересилить. Я это испытал. Я уверен, что бог Вас избавил от этого» (28₁ : 177).

Пожалуй, единственным просветом в человеческих отношениях на каторге для героя «Записок...» стал Алей. Его возможным прототипом был сосланный в Омск черкес Али Делек Тат Оглы (4 : 282). О нем писатель говорит в письме брату Михаилу:

«Я учил одного молодого черкеса (присланного на каторгу за разбой) русскому языку и грамоте. Какою же благодарностью окружил он меня» (28₁ : 172).

Важность ситуации с Алеем заключалась в том, что здесь личность Горянчикова находит максимально возможную реализацию. Отношения с Алеем в целом равноправны, насколько они могли быть таковыми в силу социальной и умственной разности. Никто здесь не унижался и не унижал другого.

Образ Алея своими детско-женскими чертами напоминает «слабых» каторжников: «улыбка его была так доверчива, так детски простодушна»; «он был целомудрен, как чистая девочка»; «улыбаясь, он выставлял два ряда жемчужных зубов, красоте которых могла бы позавидовать первая красавица» (4 : 51–52).

Однако в один ряд со «слабыми» Алея поставить нельзя. И не только потому, что он не входит в то сообщество каторжников – всеми «презираемых», к которому относятся Сироткин и Сушилов. Образ Алея имеет принципиальные отличия от них. Две черты резко отделяют его от Сушилова и Сироткина.

Это красота и сила личности. О красоте Достоевский говорит и в отношении Сироткина, но мельком, не так акцентированно, как в случае с Алеем. На красоту молодого черкеса Достоевский обращает постоянное внимание: «прекрасное лицо», «прекрасные глаза», «прекрасная радость». Внешняя красота поддерживается внутренней – красотой души: «вся душа его выражалась на его красивом, можно даже сказать – прекрасном лице» (4 : 51).

Вместе с тем детскость, женственность, красота – все эти черты образа и характера Алея соединяются с такой «мужской» чертой, как внутренняя сила.

«Это, впрочем, была сильная и стойкая натура, несмотря на всю видимую свою мягкость. Я хорошо узнал его впоследствии. <...> Но он избегал ссор и брани, хотя был вообще не из таких, которые бы дали себя обидеть безнаказанно, и умел за себя постоять» (4 : 52).

Таким образом, Алей являет собой тот идеал человека, который жаждал увидеть в людях сам Достоевский. Поэтому и Горянчиков так восхищается Алеем. В его присутствии, в общении с ним он сам избавляется от собственных страхов и мучений.

«...большие чёрные глаза были так мягки, так ласковы, что я всегда чувствовал особое удовольствие, даже облегчение в тоске и в грусти, глядя на него. Я говорю не преувеличивая» (4 : 51).

Однако Алей был счастливым исключением из общей массы каторжников. Для героя «Записок...», как и для его создателя, встреча с таким человеком послужила лишь временным выходом из тяжёлой ситуации одиночества. Это был единственный случай, когда личность Горянчикова смогла без колебаний и опасений раскрыться миру и свободно войти в него. В целом же действительность продолжала оставаться для Достоевского тяжёлым испытанием. Личность писателя всё также была мучима сомнением в себе, боязнью общества, одиночеством. Найти в себе силы во всякой ситуации «быть человеком» Достоевский так и не смог.

Несмотря на достаточно спокойный и даже просветлённый финал «Записок...», мы видим, что Александр Петрович чувствует свою отдалённость от мира каторжников.

«Казалось, между нами стояла какая-то перегородка» (4 : 229).

И если выход из острога пронизан надеждами на «воскресение», то последующая жизнь Горянчикова подтверждает то, что личности героя не удалось обрести желанной полноты бытия. Более того, если на каторге Александр Петрович пытался раскрыть себя в «другом», то после освобождения он бежит от мира. Вырвавшись из реальной несвободы, он сам заточает себя. Его отказ от встречи с родственниками, сведённые к минимуму знакомства, отказ читать журналы и

книги – всё это было проявлением того «футляра», в который Горянчиков прячется от мира. Достоевский показывает нам человека, который «именно поставил своею главнейшею задачею – как можно подальше спрятаться от всего света» (4 : 7).

Горянчикова последних лет его жизни исследователи обычно отделяют от Достоевского, утверждая, что писатель напротив вышел из каторги «воскресшим». Однако письма Достоевского и воспоминания о нём подтверждают обратное. Состояние героя «Записок...» и Достоевского явно совпадают. Писатель переживает ту же боязнь людей, муки одиночества («ломоть отрезанный»), а также неутолённую тоску по свободе.

«Я доволен своею жизнью. Одного только можно опасаться: людей и произвола. <...> я так слабосилен <...>. «Там всё люди простые», – говорят мне в ободрение. Да простого-то человека я боюсь более, чем сложного» (28₁ : 172).

«Но когда же, скажите, пожалуйста, когда мы будем совсем свободны <...>? Уж не тогда ли, когда совсем не надо будет свободы? <...> В солдатской шинели я такой же пленник, как и прежде» (28₁ : 176).

«Мёртвый дом» стал частью сознания писателя, метафорой состояния его личности. И в остроге, и спустя много лет после возвращения в Петербург Достоевский нёс в себе не только память, но и ощущение каторги. В рассказе о мужике Марее, написанном двадцать два года спустя после освобождения, Достоевский признаётся:

«Впрочем, что же описывать впечатления; мне и теперь иногда снится это время по ночам, и у меня нет снов мучительнее» (22 : 47).

Потребность войти в мир человеком и быть принятым людьми осталась нереализованной. Она продолжала мучить Достоевского, как мучит Христос героя «Бесов» Ивана Шатова.

Следствием этого становится обращение Достоевского к Христу. К Христу Достоевский приходит в годы испытаний каторгой. Об этом свидетельствует письмо писателя Н.Д. Фонвизиной, где он воссоздает тот «символ» веры, за которым готов следовать несмотря ни на что.

«И, однако же, бог посылает мне иногда минуты, в которые я совершенно спокоен; в эти минуты я люблю и нахожу, что другими любим, и в такие минуты я сложил в себе символ веры, в котором всё для меня ясно и свято. Этот символ очень прост, вот он: верить, что нет ничего прекраснее, глубже, симпатичнее, разумнее, мужественнее и совершеннее Христа, и не только нет, но с ревнивою любовью говорю себе, что и не может быть» (28₁ : 176).

Здесь Достоевский чётко определяет свой идеал человека и его отношений с миром. Это гармония, основанная на свободном и любовном единении человека с людьми. Любить и быть любимым – суть человеческих устремлений Достоевского. Именно эти минуты гармонии воплощают для писателя высший смысл существования.

Христос же становится образом, воплощающим в себе нереализованный потенциал личности самого Достоевского. Писатель концентрирует в нём собственные устремления, которые в реальности не находили воплощения. Поэтому этот образ так напоминает человеческий, а не божественный. Мистическое начало в Христе Достоевского отсутствует. Зато предельно ясно в нём обнаружи-

ваются черты идеального человека. Того человека, нехватку которого столь остро переживает писатель и в своём окружении, и внутри себя. Важно, что в ряду черт Христа Достоевский подчёркивает мужественность. Мужественность, т. е. способность преодолевать давление мира и собственную слабость характера, была для Достоевского одной из ключевых проблем.

Показательно, что черты, которыми Достоевский наделяет Христа, имеют почти полное соответствие с образом Алея. Те же «симпатичность», красота, разумность и мужественность, что и у необыкновенного товарища Горянчикова по каторге. Вероятно, это совпадение говорит о том, что Достоевский моделирует образ Христа, исходя из своих представлений об идеале человека. Это действительно личный, индивидуальный Христос, в образе которого заложены психологические аспекты личности Достоевского. Такими – прекрасными и мужественными – хотел видеть людей писатель и таким он хотел быть сам.

Вместе с тем видно, насколько тяжело даётся такая вера Достоевскому. Это вера, окружённая со всех сторон сомнением. Вера в присутствии постоянной угрозы быть опровергнутой. Вера наперекор невыносимой реальности собственной души.

«Я скажу Вам про себя, что я – дитя века, дитя неверия и сомнения до сих пор и даже (я знаю это) до гробовой крышки. Каких страшных мучений стоила и стоит мне теперь эта жажда верить, которая тем сильнее в душе моей, чем более во мне доводов противных» (281 : 176).

Об окончательном торжестве «человека в человеке» письмо Достоевского не говорит. Напротив, оно представляет нам картину страдания человека, ведущего отчаянную борьбу с самим собой. Не случайно вслед за горячей исповедью о вере Достоевский срывается в саморазоблачение.

Эти перепады говорят о том, что противоречие между стремлением «быть человеком» и слабостью личности не имело разрешения. Борьба за человека стала главным источником душевной драмы Достоевского. Тяжёлое чувство вины за свой неисполненный долг писатель пронёс через всю свою жизнь. Но именно эта мука послужила психологической основой всей мировоззренческой, идеологической и художественной системы Достоевского. Она породила утопии, характеры, сюжеты. Ею был движим весь уникальный, глубокий и противоречивый мир писателя.

Библиографический список

1. Бахтин, М.М. Проблемы поэтики Достоевского / М.М. Бахтин. – М.: Худож. лит., 1972. – 470 с.
2. Джексон, Р.Л. Искусство Достоевского. Бреды и ноктюрны / Р.Л. Джексон. – М.: Радикс, 1998. – 288 с.
3. Достоевский, Ф.М. Полн. собр. соч. В 30 т. / Ф.М. Достоевский. – Л.: Наука, 1972–1990.
4. Достоевский, Ф.М. В воспоминаниях современников / сост. К. Тюнькин. – В 2 т. – М.: Худож. лит. – 1990. – (Сер. «Литературные мемуары»).

5. Кирпотин, В.Я. Достоевский в шестидесятые годы / В.Я. Кирпотин. – М.: Худ., лит. 1966. – 560 с.
6. Токаржевский, Ш. Семь лет каторги / Ш. Токаржевский // Голоса Сибири: литературный альманах. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2006. – Вып. третий. – С. 439–505.
7. Туниманов, В.А. Творчество Достоевского (1854–1862) / В.А. Туниманов. – Л.: Наука, 1980. – 294 с.

ПОДТЕКСТ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ : ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ, СЕМАНТИЧЕСКИЕ ТИПЫ

Н.В. Пушкарева

Образцы русской прозы разных жанров и разных литературных направлений неизменно привлекают внимание исследователей. Предметом исследования становится не столько сюжетное или идейное своеобразие произведения, сколько причудливость и разнообразие лингвистического выражения авторского замысла, наличие в тексте нескольких смысловых уровней, сосуществование в нем эксплицитного и имплицитного смыслов, формирующих общее впечатление от литературного произведения. Эта смысловая многоуровневость становится отличительным признаком современной русской прозы, в которой текст все чаще сопровождается подтекстом.

Понятие подтекста имеет в научной литературе широкое толкование, употребляется в литературоведении, драматургии, лингвистике. В литературоведении этим термином называют реминисценции из различных произведений, способствующие пониманию смысла текста, применяется он и в лингвистических работах. В толковых словарях русского языка представлено широкое понимание данного термина: «Подтекст – внутренний, скрытый смысл какого-либо текста, высказывания» [БАС : 651; МАС : 308]. Определение Словаря лингвистических терминов таково: «Подтекст – англ. *covert (implied) sense, implication*, внутренний, подразумеваемый, словесно не выраженный смысл высказывания, текста» [Ахманова 2005 : 331].

Вопрос о необходимости изучения семантико-синтаксических особенностей проявления подтекста в художественном произведении был впервые поставлен Г.Н. Акимовой. Описывая конструкции экспрессивного синтаксиса в современном русском языке, она отмечает, что «...часто при употреблении экспрессивных синтаксических конструкций в авторской речи мы встречаемся с различного рода подтекстом, типология которого, к сожалению, не разработана», а также определяет те направления, в которых следует двигаться при разработке типологии подтекста: во-первых, необходимо рассмотреть подтекстовую семантику, во-вторых, соотнести ее с конкретными конструкциями и моделями предложения [Акимова 1990 : 101]. Движение в указанных направлениях неизбежно приводит к решению третьей, методологической, задачи: необходимо определить предмет лингвистического исследования, а также установить его сходство или различие с тем явлением, которое понимается под термином «подтекст» в других областях гуманитарных знаний.

Вопрос о том, на каком уровне в тексте проявляется подтекст, решается по-разному. Так, И.В. Арнольд считает, что подтекст как «один из видов подразумевания ...реализуется в макроконтексте целого произведения, на референтном масштабе не эпизода, а сюжета, темы или идеи произведения» [Арнольд 1999 : 77].

Отсюда следует, что на уровне единичного высказывания подтекст выявить нельзя. Подтекст способствует возникновению у читателя эмоционального и оценочного отношения к излагаемому, а также углубляет сюжет, помогает более полному раскрытию главных тем произведения. Таким образом, при данном подходе основным критерием выявления подтекста оказываются объем текстового отрывка, а также наличие или отсутствие углубления сюжета, о каких-либо собственно лингвистических признаках подтекста речи не идет.

Оценка лингвистических предпосылок возникновения подтекста дана И.Р. Гальпериным, который выделяет три типа информации, содержащейся в тексте, при этом невербализованная информация названа им содержательно-подтекстовой. Содержательно-подтекстовая информация квалифицируется как факультативная и определяется как «скрытая информация, извлекаемая из содержательно-фактуальной информации». Присутствие содержательно-подтекстовой информации объясняется лингвистическими причинами: она возникает как благодаря способности единиц языка порождать ассоциативные и коннотативные значения, так и благодаря способности предложения внутри сверхфразового единства приращивать смысл [Гальперин 2004: 27]. Основная роль в формировании подтекста в концепции И.Р. Гальперина отводится лексическим компонентам, за скобками остается вопрос: имеется ли связь между синтаксическими единицами и возникновением подтекста? Подтекст разделяется на фактический, связанный с известными культурно-историческими явлениями, и актуальный, связанный с сюжетом. То, что названо фактическим подтекстом, практически совпадает с фоновыми знаниями, с экстралингвистической ситуацией, актуальный подтекст выявляется при обращении к уже прочитанным отрывкам произведения.

К.А. Долинин связывает понятие подтекста с коммуникативным актом, в рамках которого формируется имплицитный смысл, или подтекст. Отмечается, что номинативное содержание высказывания никогда не исчерпывается произнесенными словами, в имплицитном содержании высказывания обнаруживаются номинативный, или референциальный, подтекст – какие-то дополнительные сведения о референтной ситуации, описываемой данным высказыванием, или о каких-то других, связанных с нею ситуациях, и коммуникативный подтекст – сведения о коммуникативной ситуации [Долинин 2005 : 7, 38]. Такой подход значительно расширяет понятие подтекста, поскольку имплицитная информация о референтной ситуации, адресате и адресанте присутствует практически в каждом высказывании, а значит, практически любое высказывание можно считать содержащим подтекст.

Представляется, что для исследования проявлений подтекста целесообразно ограничиться рамками письменного художественного текста, обратив особое внимание на те синтаксические конструкции и модели, которые служат для передачи экспрессии и оценки. При этом следует учитывать активные языковые процессы, которые отражаются в образцах современной русской прозы. Как неоднократно отмечалось, XX век знаменуется тем, что на место синтагматической прозы с ее ясностью изложения и четкостью конструкций приходит актуализирующая проза. В произведениях, являющихся образцами актуализирующей прозы, привычная синтаксическая иерархия нарушается, уменьшается роль подчи-

нительных связей, возникает все большее количество вставных конструкций, безличных предложений, возрастает роль модальности [Арутюнова 1972 : 104].

Любое изменение или нарушение традиционных синтаксических правил неизбежно приводит к возникновению экспрессии, оценочности, недоговоренности или избыточного смысла, выявление и интерпретация которых превращают чтение в занимательный процесс и расширяют наши представления о смысловой структуре и семантическом потенциале авторского текста. Таким образом, для полноценного понимания текста необходимо не только следовать за развитием сюжета, но и улавливать ту информацию, которая заключена между строк, то есть необходимо учитывать подтекст, возникающий в актуализирующей прозе по ходу повествования.

Передача информации лингвистическими средствами не является открытием, возникшим в XX веке, она имеет истоки в текстах классической русской литературы. Классические произведения XIX века отличаются ясностью изложения, подробностью и детализацией описаний, глубиной и четкостью обозначения авторской позиции. Синтаксические модели, составляющие основу классической синтагматической прозы, способствуют успешному пониманию текста, не создают трудностей при чтении, а наоборот, служат средствами демонстрации логики изложения. Однако в конце XIX века в прозе некоторых авторов появляются примеры текстовых фрагментов, смысл которых не исчерпывается тем, что написано. В них присутствует что-то еще, и обнаружить это что-то с первого раза не всегда удается. Подобные явления наблюдаются в текстах тех писателей, которые представляют реалистическое направление в русской литературе, и это объяснимо: романтические повесть, стихотворения символистов или футуристов обязательно включают в себя определенный набор языковых средств, типичных для данных литературных направлений и отвечающих требованиям к созданию художественных образов в рамках этих направлений, в реалистическом произведении языковой спектр более широк.

Примеры возникновения в тексте дополнительного смысла можно увидеть в рассказах и повестях А.П. Чехова 1890-х годов. В них порой встречаются предложения, иногда абзацы, для полного понимания смысла которых простого чтения уже недостаточно. Подобный пример встречается в рассказе «Душечка» (1899 г.): *...Она постоянно **любила** кого-нибудь и не могла без этого. Раньше она **любила** своего папашу, который теперь сидел больной в темной комнате, в кресле, и тяжело дышал; **любила** свою тетю, которая иногда, раз в два года приезжала из Брянска, а еще раньше, когда училась в прогимназии, **любила** своего учителя французского языка.* В данном примере с помощью лексического повтора глагола *любила* передана добродушная ирония. За рассказом о жизни героини возникает второй смысловой план, который читатель способен выявить, опираясь на синтаксическую конструкцию.

Интересная картина наблюдается в повести 1892 года «Палата № 6». Текст повести разделяется на объемные абзацы, сформированные из сложных предложений, однако последние два абзаца IV части состоят каждый только из одного предложения, первый абзац V части также короток и представлен всего одним предложением. Граница IV и V части выглядит следующим образом: *Впрочем, недавно по больничному корпусу разнесся довольно странный слух* (предпос-

ледный абзац IV части). *Распустили слух, что палату № 6 будто бы стал посещать доктор* (последний абзац IV части). Первый абзац V части: *Странный слух!* Вместо подробного повествования только в одном этом месте повести представлены короткие абзацы с повторяющимся словом *слух*. Лексический повтор вносит в текст экспрессию, кроме выраженной вербально информации возникает и семантика тревоги, неуверенности, и эту дополнительную информацию читатель должен обнаружить сам. Синтаксическая конструкция является показателем того, что в данной точке смысл текста распадается на два уровня: вербализованный, выраженный с помощью языковых единиц, и подразумеваемый, выводимый из семантики синтаксической организации предложений.

Та же тенденция к передаче дополнительного смысла синтаксическими средствами наблюдается и набирает силу в прозаических произведениях XX века. Так, рассказ М.А. Булгакова «Красная корона» (1922 г.) начинается следующим образом: *Больше всего на свете я ненавижу солнце. Громкие человеческие голоса и стук. Частый, частый стук*. Парцеллированные конструкции, сопровождающиеся лексическим повтором слова *стук*, находятся в сильной позиции – в начале текста. Речь персонажа-рассказчика расслаивается: кроме вербализованного сообщения, в ней передается и душевное состояние говорящего. Приведенный отрывок, с одной стороны, передает негативное отношение персонажа к ряду явлений, то есть оценку, с другой – содержит семантику раздражения, тревоги.

В парцеллированных конструкциях выявляется патетика, которая может иметь негативную окраску: *Помогать вам повесить я послал Колю, вешали же вы. По словесному приказу без номера*. В подтексте высказывания содержатся укор и осуждение, запрограммированные в синтаксической организации фраз, экспрессивность высказывания очень высока.

Передача невербализованного смысла с помощью экспрессивных синтаксических конструкций и моделей предложений нарастает в прозе конца XX века. Этими конструкциями насыщены тексты С.Д. Довлатова. При снижении количества языковых средств, служащих для изложения историй, возрастает роль экспрессивных синтаксических конструкций, передающих ироническую, оценочную или патетическую семантику. Чаще всего употребляются лексический повтор и парцелляция, иногда они соседствуют в одном и том же отрывке: *Если верить Хемингуэю, бедность – незаменимая школа для писателя. Бедность делает человека зорким. И так далее*. Абзац казался бы патетическим, если бы под конец не появлялась парцелляция, придающая высказыванию иронический смысл.

Совмещение иронии и оценочности передают парцеллированные конструкции, соединенные в одном небольшом абзаце: *Теоретически все должно быть иначе. Домработнице следовало бы любить меня. Любить как социально близкого. Симпатизировать мне как разночинцу*. Парцеллированные конструкции способствуют передаче иронической семантики, той же цели служит и лексический повтор глагола *любить*. Ведущая роль в данном процессе принадлежит не лексике, а синтаксису.

В некоторых случаях парцелляция служит для передачи патетического смысла, для демонстрации авторской положительной оценки: *Черкасов был народ-*

ным артистом. *И не только по званию.* Никакой иронии в данном отрывке не содержится, это искреннее чувство, не выраженное высокими словами, а скрытое в синтаксической конструкции. Многоплановость смысла, выраженного небольшим количеством слов, организованных в конструкции экспрессивного синтаксиса, – характерная черта языка произведений С.Д. Довлатова, который, кстати, одной из особенностей своих рассказов назвал «выпирающие ребра подтекста».

Таким образом, отмечаемые в современной русской прозе конструкции экспрессивного синтаксиса позволяют авторам создать не один, а несколько смысловых уровней, описать ситуацию и передать эмоциональное состояние или оценку. Экспрессивные синтаксические конструкции – только часть тех лингвистических средств, с помощью которых в современной русской прозе выражаются ирония, патетика, неуверенность, страх, оценка и другие смыслы, существуют и другие способы передачи подтекста. Выявление и описание лингвистических способов выражения подтекста в современной прозе представляются актуальной и интересной задачей для исследователя.

Библиографический список

1. Акимова, Г.Н. Новое в синтаксисе современного русского языка / Г.Н. Акимова. – М., 1990. – С. 101.
2. Арнольд, И.В. Импликация как прием построения текста и предмет филологического изучения / И.В. Арнольд // Семантика. Стилистика. Интертекстуальность. – СПб., 1999. – С. 77–92.
3. Арутюнова, Н.Д. О синтаксических типах художественной прозы / Н.Д. Арутюнова // Общее и романское языкознание. – М., 1972. – С. 104.
4. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – М., 2005. – С. 331.
5. Гальперин, И.Р. Текст как объект лингвистического исследования / И.Р. Гальперин. – М., 2004. – С. 27.
6. Долинин, К.А. Интерпретация текста / К.А. Долинин. – М., 2005. – С. 7, 38.
7. Словарь русского литературного языка. В 17 т. – М.; Л., 1960. – Т. 10. – С. 651 (БАС). То же в: Словарь русского языка. В 4 т. – М., 1959. – Т. 3. – С. 308 (МАС).

ИЗМЕНЕНИЯ В СПОСОБАХ ВЫРАЖЕНИЯ ПОДЛЕЖАЩЕГО И ПОЯВЛЕНИЕ НОВЫХ СВЯЗОК В XVIII ВЕКЕ

Д.В. Руднев

XVIII век является периодом, когда активно формируются нормы современного русского литературного языка на уровне лексики, морфологии и синтаксиса. Изменения в синтаксисе были многообразны, затронули они и сферу составного именного сказуемого. В настоящей статье рассматривается взаимосвязь между распространением инфинитивного подлежащего и появлением новых связочных средств в именном предложении в XVIII веке.

Инфинитив в позиции подлежащего начинает активно употребляться именно в XVIII веке: «в древнерусском, как и в старославянском, исключительно редки и не всегда бесспорны предложения с инфинитивом в роли подлежащего» [Историческая грамматика 1978 : 21]. Ср. примеры, приводимые В.Л. Георгиевой: *Велий бо есть грех преступати заповедь отца своего* (Повесть временных лет); *Каа бо польза человеку возлюбити тму паче света и преложити лжу на истину и честь на безчестие, и свободу на горкую работу* (Сказание Авраамия Палицына) [Георгиева 1968 : 21–22]. Отсутствие модели предложения с инфинитивом в позиции подлежащего в древнерусскую эпоху было связано с тем, что такой модели не было в праславянском синтаксисе. Праславянский синтаксис характеризовался номинативным строем, и инфинитив – по происхождению от глагольное существительное в форме дательного падежа – не мог занимать место подлежащего. Позже произошло оглаголивание инфинитива, и к началу письменности он, по словам А.А. Потебни, представлял собой «род глагола в синтаксическом отношении», в силу чего «всегда относился к категории сказуемого в широком смысле», то есть не мог быть ни настоящим подлежащим, ни настоящим дополнением [Потебня 1956 : 338–341].

Причины, способствовавшие распространению инфинитивного подлежащего, исследованы недостаточно; не исключено, что этому способствовали синтаксические модели европейских языков. Проникновение инфинитива на позицию подлежащего имело далеко идущие последствия. Дело в том, что инфинитив в позиции подлежащего не может быть, конечно, полноценным подлежащим. Несмотря на идущую от Ф.И. Буслаева традицию приравнивать инфинитив к отглагольному существительному, инфинитив не утрачивает своей глагольной природы даже в позиции подлежащего: «инфинитив, находясь на месте подлежащего ..., не получает предметного значения, ибо, как и в других случаях своего употребления, обозначает действие как процесс; не приобретает инфинитив и постоянного родового значения, не может пониматься и в качестве формы именительного падежа. <...> Таким образом, инфинитив, использованный в роли подлежащего, не обладает ни одним из признаков субстантивированного слова, что свидетельствует о его глагольности...» [Тимофеев 1955 : 14]. Не оста-

навливаясь на полемике противников и сторонников инфинитивного подлежащего (к противникам принадлежали, между прочим, А.А. Потебня и А.А. Шахматов; подробнее различные точки зрения на инфинитивное подлежащее рассмотрены: [Малаховский 1924; Конышкин 2000 : 87–90]), мы лишь хотим подчеркнуть специфику инфинитивного подлежащего, поскольку эта специфика напрямую повлияла на изменение в системе связок в именном сказуемом. Инфинитив способен выступать в предложении в качестве предикативно определяемого компонента (и в этом отношении его можно назвать подлежащим), но в силу своей глагольной природы требует дополнительных средств при предикативации ему признака, среди которых порядок слов и связки приобретают особое значение.

Первоначально в качестве связочного средства стал использоваться связочный глагол *быть*, особенно в форме *есть*, ср.: *Хвастать тем, чего нет, есть знак крайней глупости* (Эпиктетовы краткие рассуждения о нравах, 1759); *Любить деньги есть та же слабость...* (Трутенъ. Лист V, 1769); *Проманивать есть не делать обещанного, питая тщетною надеждою...* (Фонвизин. Опыт российского сословника, 1783). Без сомнения, связка *есть* вводилась в предложение с инфинитивным подлежащим по аналогии с предложениями, где подлежащее было выражено отвлеченным существительным, однако довольно быстро эта связка начинает заменяться на другие связочные средства. Этот процесс не был связан, как мы полагаем, с тем, что связка *есть* была архаичным явлением и не использовалась в живой речи – достаточно широко она употреблялась в книжных стилях и в конце XIX века; по-видимому, глагольная семантика инфинитива плохо коррелировала с «субстантивным» глаголом *быть*.

Наиболее быстро процесс замены глагола *быть* прошел в биинфинитивных предложениях, где с середины XVIII века начинает быстро распространяться связочный глагол *значить*: *Взять кого-нибудь в должность значит у таких людей дать кому ни есть чин...* (Сумароков. Опыт немецкого словаря, расположенного по рускому алфавиту, 1759); *Нечто под клятвою обещать значит во многих местах сделать ложь вероятною* (там же); *Основать значит положить чему-нибудь прочное начало; учредить значит привести вещи в такой порядок, чтоб каждая была на своей чреде...* (Фонвизин. Опыт российского сословника, 1783); *Жить пышно и великолепно значит жить блистательно...* (Сатирический вестник, 1791). Некоторое время со связкой *значить* конкурировали другие глаголы, например *называться* и *разуметься*, которые, впрочем, в качестве связочных средств не закрепились: *Желать приучить людей к сей откровенности называется вложить в них рассудок, которого они не имеют...* (Эпиктетовы краткие рассуждения о нравах, 1759); *...Устроить разумеется распорядить вещи так стройно, чтоб возвращение до них не прикоснулось* (Фонвизин. Опыт российского сословника, 1783). Последующее распространение биинфинитивных предложений на протяжении XIX века закрепило связочную функцию глагола *значить*. В 1820–1840-е годы эти конструкции становятся значительно более частотными: *Показать степень народной образованности какого-нибудь государства значит описать его нравы* (Невский Зритель, 1820); *...Постичь идею предмета для него [немца] – значит овладеть предметом* (Белинский. Сочинения Державина, 1843). В дальнейшем развитие свя-

зочной функции глагола *значить* шло по пути постепенной утраты им других форм, кроме формы 3 лица ед. числа настоящего времени (остальные формы очень редки, хотя и возможны).

Помимо глагола *значить* связочную функцию в предложении с инфинитивным подлежащим стали выполнять два местоименных слова – *это* и *вот*. В именных предложениях с инфинитивным подлежащим *вот* могло выступать только вместе с присвязочным компонентом, выраженным существительным в им. п.: *Желать и ждать – вот счастье человека* (Крылов. Письмо о пользе желаний, 1792); *...пригожею казаться – вот одно искусство, над которым многие лет по семидесяти учатся, и часто с успехом* (Крылов. Мысли философа по моде, 1792). Распространение подобных конструкций происходит в первой трети XIX века – этому способствовало как расширение употребительности инфинитивного подлежащего, так и потеря словом *вот* просторечной окраски (впрочем, и в 20-е годы XIX века карамзинисты порицали употребление слова *вот* в литературных произведениях), ср.: *Почтить истину, утвердить благой престол истины в царстве мыслей – вот цель настоящих трудов, вот правило, руководитель наших исследований ...* (Невский Зритель, 1820); *...пролить всю кровь за отечество, не выйти живому из сражения – вот все, чего желал этот несчастный юноша* (Загоскин. Юрий Милославский, или Русские в 1612 году, 1829). Конструкция *Inf. – вот № 1* продолжала употребляться на протяжении всего XIX века, но постепенно ее продуктивность снижается, так как связочный компонент *вот* не потерял своего лексического значения и не стал «чистой» связкой; об этом, в частности, свидетельствует сохраняющееся у него ударение. Причины, которые позволили местоименному слову *вот* взять на себя функцию связки именного сказуемого при подлежащем-инфинитиве, мы рассмотрим ниже в связи с другой местоименной связкой – *это*.

Первые примеры использования местоимения *это* в связочной функции в именном предложении с инфинитивным подлежащим относятся ко второй половине XVIII века: *А я думал то, что в тепле быть и брать за ничто чужие деньги это хорошо, а в холоде быть и отдавать за ничто свои деньги это не гораздо хорошо* (Сумароков. О думном дьяке, 1759); *...а у своего украсти, так это из кармана в карман перекладывать да шум делать, а мне беспокойство* (Сумароков. Опекун, 1765); *[Ниса]: Быть женою и не любить мужа это мука и жене и мужу...* (Сумароков. Рогоносец по воображению, ок. 1772). В приведенных примерах встречаются все основные способы выражения присвязочного компонента в именном сказуемом со связкой *это*: предикатив, существительное в им. п. и инфинитив. Несмотря на раннее употребление местоимения *это* в функции связки, длительное время подобные конструкции были, по-видимому, принадлежностью просторечно-разговорной стихии из-за просторечной окраски местоимения *этот*, стилистическая нейтрализация которого произошла лишь к 1830–40-м годам. До этого времени примеры со связкой *это* очень редки, например: *Терзать тебя, страдать самой – как это весело и мило* (Лермонтов. Маскарад, 1835); *Быть для кого-нибудь причиною страданий и радостей, не имея на то никакого положительного права, – не самая ли это сладкая пища нашей гордости?* (Лермонтов. Герой нашего времени, 1840).

Без сомнения, причины, повлиявшие на развитие у местоименных слов *это* и *вот* способности выступать связующим средством в именном предложении, одни и те же – их местоименная природа. Следует отметить, что у лингвистов нет единой точки зрения на синтаксический и морфологический статус слов *это* и *вот*, вводимых в состав составного именного сказуемого. По мнению П.А. Леканга, *это* является частицей и служит своеобразным маркером для именной части сказуемого. А.И. Молотков, М.А. Шелякин, М.И. Откупщикова, А.М. Ломов полагают, что *это* является местоименным субстантивом и выполняет в предложении роль второстепенного сказуемого. Л.В. Щерба, В.В. Виноградов, Ю.И. Леденев относят *это* к числу связок. По-видимому, слово *это* выполняет в предложении несколько функций, что и приводит к неоднозначной квалификации его роли. Раньше всех (и, по нашему мнению, точнее всех) охарактеризовал функцию слова *это* в составе составного именного сказуемого Д.К. Овсянико-Куликовский – как «местоименное приложение к подлежащему, исполняющее в то же время роль второстепенной связки сказуемого» [Овсянико-Куликовский 1912 : 296]. По его словам, *это* тяготеет в две стороны – к подлежащему и к сказуемому и «при пропуске связки *есть, суть* ... как бы становится на ее место». Введение местоимения *это* в качестве дублера инфинитивного подлежащего позволяло преодолевать трудности при предикации: повторяя лексическое значение инфинитива, местоимение *это* с морфологической точки зрения является одновременно существительным, что позволяет ему легко занимать позицию подлежащего. Кроме того, местоимение *это* заполняло интонационную паузу между составом подлежащего и составом сказуемого.

Сложнее определить синтаксический и морфологический статус слова *вот* в составе сказуемого. Чаще всего его характеризуют как частицу, которая в составе именного сказуемого выполняет связочную функцию, не раскрывая, впрочем, что под этим понимается. Между тем считать, что во всех случаях употребления *вот* имеет значение частицы, судя по всему, нет оснований. Известно, что этимологически *вот* является местоименным наречием, образовавшимся из соединения указательной частицы *o с местоимением *to (d) (с эпентетическим *v: *(v) o-to). По мнению Н.Ю. Шведовой и А.С. Белоусовой, *вот* представляет собой «полуместоименное наречие» [Шведова, Белоусова 1995 : 16–17], им вторит И.П. Распопов, полагающий, что в предложениях типа *Вот мельница* указательная частица *вот* «имеет по существу местоименный характер» [Распопов, Ломов 1984 : 240] и сближается по функции либо с местоимением *это*, либо с местоименным наречием *здесь*. Функционально местоименное слово *вот* в составе именного предложения сближается со связкой *это* и выступает в качестве анафорического заместителя целого предложения или фрагмента текста. Ср. возможную трансформацию: *Но нет, Софьюшка, не вдавайся ты в сии крайности. Скрывай страдания сердца твоего; терпи великодушно. Вот способ прекратить твое бедствие* (Фонвизин. Друг честных людей, или Стародум, 1787) → *Скрывать страдания сердца твоего, терпеть великодушно – вот способ прекратить твое бедствие*. Разница между этими двумя примерами в большей обобщенности предложения с инфинитивными подлежащими.

Между использованием в составе составного именного сказуемого местоименных компонентов *это* и *вот* много общего, они оба выступают в анафорической

функции, отсылая к левому контексту, но есть и отличия: если *это* всегда выступает в качестве полноценного подлежащего, то синтаксическая функция *вот* – нечто среднее между функцией подлежащего и обстоятельства места. Ср. возможное преобразование предложения со связкой *вот*: *Обладать самим собой – вот высшая степень величия* (Невский Зритель, 1820) → *Обладать самим собой – это высшая степень величия; Обладать самим собой – в этом (состоит/заключается)/вот в чем (состоит/заклучается)/вот где высшая степень величия*. Дополнительный обстоятельственный компонент, присутствующий в связке *вот*, ограничивал набор лексико-семантических групп существительных, которые могли выступать в составе именной части сказуемого, – это существительные *цель, причина, следствие, характеристика* и некоторые другие, а также их синонимы, набор семантических моделей предложения с участием связки *вот* ограничен по сути одной моделью – моделью обстоятельственной характеристики.

Предложения с инфинитивным подлежащим и связочными элементами *вот* и *это* продолжали употребляться на протяжении всего XIX века, например:

а) со связкой *это*: *Но держаться, в продолжение целого получаса или более, в одном чувстве, в одинаковой настроенности души – это неестественно и потому невозможно* (Белинский. Поэзия Державина, 1843); *Обвинять весь свет – это слишком...* (Достоевский. Ряд статей о русской литературе, 1861); *Начать с суровой бедности, быть обремененным большой семьей, то есть страданиями, хуже, чем собственными, иметь дорогих людей и терять их, терять в ужасных условиях и не впасть в отчаяние – это большое мужество* (Мих. Меньшиков. Талант и стойкость, 1909);

б) со связкой *вот*: *...быть верным конституции всю жизнь, выполнять ее по букве и по духу при самых разнообразных условиях, выполнять в течение длинного ряда лет вот задача, вот испытание...* (Достоевский. Иностранские события, 1873); *Отказаться от всякой организации, немыслимой без принудительного порядка, отказаться от всякой власти, расформировать общество на элементы, разложить материю его на атомы – вот крайняя мечта нашего романиста* (Мих. Меньшиков. За полстолетия, 1909).

Дальнейшая судьба связок *это* и *вот* оказалась различной. Вслед за предложениями с инфинитивными подлежащими обе эти связки начинают вводиться в именованное предложение с подлежащим, выраженным девербативом и деадъективом (так как инфинитив и абстрактное существительное близки и своей признаковой семантикой, и своими сочетаемостными свойствами): *Романтизм – это переведенный на язык поэзии пиетизм средних веков, экзальтация рыцарства* (Белинский. Русская литература в 1844 году); *Красноречие – вот ее сильнейшее оружие...* (Крылов. Ночи, 1792); *Недовольство судьбою, брань на толпу, вечное страдание, почти всегда кропанье стихов и идеальное обожание де-вы – вот родные черты этих «романтиков» жизни* (Белинский. Русская литература в 1845 году). Но сочетаемость связки *это* продолжала расширяться, в отличие от связки *вот*. Более того, в ряде конструкций связка *это*, по-видимому, вытеснила связку *вот*, «золотым веком» которой была первая половина XIX века. В современном русском языке связка *это* может вводиться в самые разнообразные модели именованного предложения, подлежащим в котором могут выступать

инфинитив, субстантивированное прилагательное, девербатив, деадъектив и конкретное существительное (в том числе и имя собственное). Примечательно, однако, что введение связки *это* в именное предложение с подлежащим, выраженным конкретным существительным, часто обеспечивает подлежащему пропозитивное прочтение. Например, в предложении *Китай спокойный, Китай, прижавшийся к Великому океану, Китай, весь сбившийся в кучу, с непреодолимым центробежным стремлением в себе – это такое удобство для его соседа, которое дорого можно купить и ни за какую цену нельзя продать* (Розанов. На черном и желтом материках, 1900) наличие связки *это* сигнализирует об эллиптированном глагольном компоненте *иметь*. Можно предположить, что способность связки *это* быть средством пропозитивного прочтения подлежащего, выраженного существительным конкретной семантики, унаследована от первичной модели – модели с инфинитивным подлежащим.

Выводы. А.М. Пешковский полагал, что в именных предложениях с инфинитивным подлежащим «расчлененность <...> достигает такой степени, что является возможность считать инфинитив с подчиненными ему членами (если они есть) отдельным инфинитивным предложением...» [Пешковский 1956 : 277]. Глагол *значить*, местоименные элементы *вот* и *это* стали теми средствами, которые компенсировали повышенную расчлененность этих предложений. Таким образом, можно утверждать, что распространение в русском языке именного предложения с инфинитивным подлежащим в XVIII веке и неспособность глагола *быть* функционировать в качестве связочного средства привели к возникновению в русском языке трех новых связочных средств. Связка *вот* и особенно связка *это* (подробнее о ней см.: [Руднев 2007]) не ограничились именованным предложением с инфинитивным подлежащим, расширили свою сочетаемость и широко используются в современном русском языке в других типах именного сказуемого.

Библиографический список

1. Георгиева, В.Л. История синтаксических явлений русского языка / В.Л. Георгиева. – М., 1968.
2. Историческая грамматика русского языка. Синтаксис: простое предложение. – М., 1978.
3. Коляшкин, А.М. Семантико-синтаксическая природа инфинитива и проблема инфинитивного подлежащего в синтаксических исследованиях / А.М. Коляшкин // Вестник Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова. – Вып. 1. – 2000. – (Серия «Языкознание»).
4. Малаховский, В.А. Синтаксическое значение инфинитива в русском языке / В.А. Малаховский. – Иркутск, 1924.
5. Овсяннико-Куликовский, Д.К. Синтаксис русского языка / Д.К. Овсяннико-Куликовский. – СПб., 1912.
6. Пешковский, А.М. Русский синтаксис в научном освещении / А.М. Пешковский. – М., 1956.
7. Потебня, А.А. Из записок по русской грамматике. Т. I–II / А.А. Потебня. – М., 1956.
8. Распопов, И.П. Основы русской грамматики / И.П. Распопов, А.М. Ломов. – Воронеж, 1984.

9. Руднев, Д.В. Местоименная связка *это* в историческом аспекте / Д.В. Руднев // Вестник Санкт-Петербургского университета. – (Серия 9. «Филология, востоковедение, журналистика»). – 2007. – Вып. 2. – Ч. 1. – С. 82–93.
10. Тимофеев, К.А. К вопросу об употреблении инфинитива в функции подлежащего / К.А. Тимофеев // Труды Благовещенского государственного педагогического института им. М. И. Калинина. – Т. 6. – 1955.
11. Шведова, Н.Ю. Система местоимений как исход смыслового строения языка и его смысловых категорий / Н.Ю. Шведова, А.С. Белоусова. – М., 1995.

РУССКИЙ АНТРОПОНИМИКОН В ЭКСПРЕССИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Б.Я. Шарифуллин

Русский экспрессивный лексический фонд – существенная составляющая общего языкового пространства, нередко «живущая» и по своим законам. Именно в экспрессивном пространстве русского (и любого другого) национального языка во всех его разновидностях встречаются наряду с системными и асистемные явления, порожденные особыми проявлениями «блока» экспрессивных функций речевой коммуникации, до сих пор еще, кстати, не определенных – именно как функций, проявляющихся в речевом взаимодействии. У языка как «внутренней системы» (в отличие от «речи» как системы «внешней») функций не может быть – по тому определению, которое мы вкладываем в это понятие.

Экспрессивное пространство русской речи можно изучать и описывать с различных сторон, что часто и делалось, но в основном только в рамках таксономической лингвистики. Антропоцентрическая составляющая экспрессивного пространства, так же как и когнитивная его составляющая, отмечалась лишь постольку-поскольку. Или наоборот. Практически не был исследован и генезис экспрессивного фонда русского (да и других тоже) языка. Это исследование – первое, по сути, – было представлено нами в докторской диссертации [Шарифуллин 1998].

Прошло почти 10 лет, но в области именно когнитивно-генетического и антропоцентрического изучения феномена экспрессивности мало что изменилось. Усилилась когнитивная составляющая, что неплохо. Впрочем, не забыты и иные составляющие: в 2005 г. была защищена хорошая докторская диссертация Е.А. Юриной, посвященная пространству образной лексики русского языка, в которой когнитивный аспект как таковой (в его нынешнем понимании) все же лишь «накладывается» на солидную исследовательскую базу томской диалектологической школы, о чем мы писали в отзыве на цитируемый автореферат [Юрина 2005]. Это хорошо, но когнитивный подход, на наш взгляд, требует и генетического обоснования ли, поддержки ли..., а может, просто подтверждения того факта, что всё в нашем языке настолько..., что? Отвечать на этот вопрос будем все мы, ныне работающие лингвисты, к каким бы там направлениям или школам нас потом – в истории уже языкознания XXI века – не относили.

Это преамбула к пониманию языкового пространства речевой коммуникации вообще и экспрессивного пространства как важнейшей составляющей речевой коммуникации. Естественно, это тема специального исследования, только затронутая и обозначенная в нашей докторской диссертации. В задачи же и в рамки данной статьи невозможно включить все эти «глобально-теоретические» рассуждения и дискуссии. Задача поставлена намного скромнее.

Вечная проблема – Имя и не-Имя. Имя собственное и имя нарицательное. Где между ними чётко определенные границы? И вообще, могут ли быть такие границы, когда мы имеем дело с Языком? В рамках данной статьи, увы, отве-

тить на эти вопросы не можем, да и не имеем возможности и пока особого желания. Должна быть «кристаллизация» каких-то новых идей. Наверно, «кристаллы» лучше всего передать молодым лингвистам...

Повторяем – задача статьи намного скромнее этих рассуждений. Но может и помочь им. Здесь представлен только один фрагмент русского экспрессивного пространства: русские антропонимы, личные имена, мужские и женские, различной генетической природы, «втянутые» и «переработанные» данным пространством. Впрочем, по порядку.

Экспрессивное пространство – на то оно и пространство, недискретное и континуальное, что описывать его вне антропоцентрических, когнитивных, функциональных и генетических параметров просто бесполезно и не нужно.

Экспрессивный лексический фонд русского языка (не путать с экспрессивным пространством!) исторически изменчив. В нашем понимании экспрессивный фонд русского языка как внутрисистемная и иерархически устроенная лексическая организация русского экспрессивного пространства включает всё, что есть, было и будет во всех разновидностях русского национального языка, территориальных, социальных и пр. (вопреки мнению Н.А. Лукьяновой, что было отмечено при защите нашей докторской диссертации). Потому и возможно постоянное «перетекание» экспрессивных речений из одной формы русского языка в другую, например, из арго в сленг, из жаргона в политический дискурс и т. п. В чем мы убеждаемся, анализируя особенности современной речевой коммуникации в различных сферах речевого взаимодействия (от СМИ и до бытового общения).

В когнитивно-генетическом же аспекте описания русского экспрессивного фонда особый интерес, причем основанный не только на внешних и очевидных данных, но и на возможностях внутреннего, «глубинного» истолкования, представляет такое средство пополнения русского экспрессивного фонда, как деонимизация имен собственных (ИС) при их экспрессивном переосмыслении.

Не желая погружаться в рамках данной статьи в философскую, семиотическую и лингвистическую теории ИС (по данной проблеме можно уже составлять многотомную энциклопедию), просто отметим, что ИС действительно обладают скрытым (имплицитным) ассоциативным фоном [Горбаневский 1984 : 4], и в случае их перенесения в контекст экспрессивного пространства в их «пустое» (по мнению многих философов-лингвистов) значение включается «семантика отражения», наполняя его (значение ИС) какими-то коннотативными смыслами, прежде всего образными, а потом уже – параллельно – экспрессивными.

Это речевая реальность. С этим можно согласиться, поскольку это очевидно. Но не так всё просто.

Один пример. Перечисляя приемы создания адгерентной («наведенной») экспрессивности у слов, первоначально «нейтральных», В.Н. Цоллер называет и использование экспрессивного потенциала онимов [Цоллер 1995 : 67]. Однако можно ли считать эту экспрессивность ИС всегда адгерентной, иначе говоря, эксплицитной, проявляющейся лишь в определенных ситуациях? Если речь идет об автономазии (применении ИС для обозначения лица, наделенного свойствами первичного носителя данного имени), то с этим можно согласиться: ср. *Дон-Жуан*, *Плюшкин* и т. п. Примеры широко известны.

Другое дело – речевые (в широком диапазоне: разговорные, просторечные, диалектные, жаргонные) формы типа *ванька, жорик, машка, петя, фаля, федя, фюфан, хавронья, харя* и пр., коннотативный потенциал которых имплицитно содержится в фонетической (и, возможно, смысловой – но не по типу «лексического значения») структуре соответствующих квалитативах личных имен (ЛИ) и никак не связан со свойствами каких-то реальных их носителей (уж лучше сказать, «виртуальных»): неких *Фалилея, Теофана, Феврони, Харитона* и пр. (по традиционным этимологическим версиям, отмеченным, например, в словаре М. Фасмера).

И еще один вопрос – сохраняет ли ИС свой статус «онима» при «наведенной» (вторичной) экспрессивности и при реальной экспрессивации? Например, своеобразный казус: *дон-жуан* vs. *хавронья* – кто кого более «экспрессивен» и «ономастичен»? – очевидно, экспрессивнее тот «персонаж», чей семантический объем в восприятии носителя русской речи более обширен и разнообразен. И наоборот. Наверняка, *дон-жуан* в этом «виртуальном» поединке проиграет *хавронье*: народная традиция «насыщения» экспрессивного пространства различными дополнительными смыслами опирается и продолжает всё же неосознанную, но лингвистически просчитываемую ориентацию на форму – и на традицию, восходящую еще к периоду освоения и о-своения «чужих» христианских имен. *Дон-жуан* в эту картину «не вписывается».

Таким образом, как это особенно очевидно для русской антропонимики, исходный элемент коннотации ИС, способствующий его экспрессивации, – образность, порождаемая не только скрытым смыслом онима, но и его звуковой формой. Образность ИС развертывается при его деонимизации в экспрессивном пространстве в открытую коннотативную структуру значения, наполняемую иными экспрессивными смыслами (эмотивность, оценочность и пр.) при его взаимодействии с другими единицами экспрессивного фонда. Это то характерное для экспрессивного пространства языка явление, которое еще в нашей докторской диссертации мы определили как «формально-семантическую корреляцию» [Шарифуллин 2000].

Из всех классов ИС русский антропонимикон особенно активно взаимодействует с экспрессивным пространством языка, так как это наиболее «интимный» для человека класс онимов и потому часто транспонируемый в другие сферы его бытия для номинации или экспрессивации иных лиц, объектов, явлений. Пример, хорошо описанный в специальной литературе: изначальная сакральность ЛИ, обусловленная мифологическими мотивами (древнеславянские имена-обереги и т. п.), а с принятием христианства – и мотивами протектората со стороны носителя того же «святого имени», часто снижается в текстах, связанных с «низовыми» формами культуры [Топоров 1977; Успенский 1982], в чем можно видеть диалектическую антиномию славянского язычества и христианского православия. Вероятно, именно этим можно объяснить распространенность в русских говорах номинации растений, грибов, насекомых, реже животных различными формами канонических ЛИ: например, *авдотки* 'растение купальница', *матренка* 'тысячелистник', *иванчики* 'название некоторых грибов', *федорко, сидорко, марьянка* 'божья коровка', *хавронья* 'свинья' и др. (см.

подробнее в диссертации Ф.В. Степановой, выполненной под нашим руководством [Степанова 2006]).

В народной языковой картине мира понимание особой связи между ЛИ и человеком обусловило использование антропонимов как одного из источников пополнения экспрессивного фонда русского языка, их транспонирование из ономастического в экспрессивное пространство с последующими или параллельными модификациями как формы, так и смысла. При этом кодирующий, мотивирующий фактор – это прежде всего фонетическая форма ЛИ, вызывающая различные ассоциативные, семантически осознаваемые и семантически значимые связи с апеллятивами, а также, естественно, смысловая (в мифопоэтическом, культурном и историческом планах) «нагруженность» многих русских ЛИ.

Русские канонические христианские антропонимы, имена древнееврейского, греческого или латинского происхождения, т. е. имена «чужие», «осваивались» и «присваивались» прежде всего в привычных для славянского «именника» качественных формах (уменьшительных, «увеличительных» – типа *Иванище* и т. п.) и через них. Тем самым такие имена уже включали или начинали включать – в языковом сознании и видении их носителей и их «воспринимателей» в той древнерусской речевой коммуникации – в свою смысловую структуру определенный набор коннотативных компонентов (уменьшительно-ласкательных или уничижительно-пренебрежительных) и естественным образом переходили и ту грань, которая разделяет онимы и апеллятивы.

Этому способствовала – и способствует до сих пор – общая особенность иноязычных, «чужих» слов: их эзотерическая, чуждая русскому звуковому строю форма, что влечет за собой стремление и даже желание «о-своить» и «присвоить» её, увидеть в чужой структуре элементы «своего». Отражается это, в частности, в практически вневременной и устойчивой тенденции сразу же переделывать «чужое» (по фонетическим и просодическим мотивам, прежде всего) имя в «свое». Примеры классические – как в русской литературе (*Барклай де Толли* у Л.Н. Толстого в речи простых русских солдат – *Болтай-да-и только*), так и в современной речевой практике (зовут на самом деле *Джамиля* – стала *Женей*, *Рамиль* – стал *Романом*; классический пример из истории советского, «революционного» антропонимикона – *Лейба Бернштейн* стал *Львом Троцким* и т. п.).

Поэтому, на наш взгляд, неслучайно, что почти все канонические ЛИ или их качественные с начальным Ф коррелируют (по разным генетическим причинам) с пейоративными экспрессивами: *фаля* 'дурак, простофиля' (ЛИ *Фалалей*, ср. *фалалей* 'повеса' у В. Даля); *федул* 'разиня, простофиля', *фэфёла* 'то же' (ЛИ *Феофил*), *филя*, *простофиля* (ЛИ *Филипп*, *Филарет* и пр.), *фофан* 'простак, дурак' (ЛИ *Феофан*) и т. п. Можно с точки зрения концепции формально-семантической корреляции предположить формирование в системе ЛИ «мини-системы» с начальным Ф, единицы которой при их экспрессивации включаются в соответствующее экспрессивное «гнездо» с инвариантным смыслом 'дурак, простофиля, разиня'.

Наполнение данного экспрессивного гнезда продолжалось и дальше, в результате чего русский экспрессивный фонд обогатился, например, такими образованиями, как *фифа* (возможно, связано опять же с качественными какого-то уже европейского женского имени типа *Фифина*; впрочем, ср. качествен *Мими*

от имени *Маргарита* – возможности фонетического преобразования бесконечны и подчиняются, наверно, только логике женских моделей имяобразований), *фря* (об этом слове, в том числе в связи с возможностями антропонимической интерпретации, см.: [Шарифуллин 2001]), *фуфло*, *флюшка* (рифмованный синоним к *шлюшка*) и др.

«Экспрессивно говорящими» с позиции русского восприятия «звуковой картины мира» и потому часто – в различных своих формах – «внедряющимися» в русское экспрессивное пространство являются, понятно, и греческие ЛИ с начальным Х-, учитывая известное «качество» русского согласного [Х] в целой «серии» исконно славянских экспрессивных образований, в народном видении «звуковой картины мира» связанного и с согласным [Ф] (своего рода нейтрализация оппозиции «своё [Х] – чужое [Ф]»): *Харитон*, *Харламбий*, *Хаврония* (из *Феврония* – пример той самой «нейтрализации»), *Хома* (из *Фома*) и пр. Ср. такие экспрессивы, опять же традиционно считающиеся связанными с данными ЛИ: *харя*, *хавронья*, *хомка* и т. д.

На самом деле взаимодействие «чужих» (а иногда и «своих» – ср. весьма сложное формально-семантическое «переплетение» славянского языческого имени *Мара* и христианского имени *Мария* [Степанова 2006], в довольно заметной степени отразившееся и на формировании русского экспрессивного фонда) антропонимов с формально и семантически (через вторичные ассоциативные адидеации культурного, мифопоэтического, религиозного и пр. плана) близкими или «приближенными» экспрессивными образованиями намного сложнее.

Естественно предполагать, учитывая феномен «обратного отражения» (еще мы бы назвали его «зеркалом» – имея в виду, что экспрессивное и антропонимическое пространства нашего языка не только «смотрятся» друг в друга, но являются «зеркалами» и для иных, смежных явлений языкового пространства вообще), что немало народных форм или квалитативов ЛИ возникли не только по фонетическим мотивам (замена «чужого» Ф на Х или П, подстановка «удобных» звуков вместо Г или К в препалатальной позиции и т. п.), но и под влиянием близких по форме апеллятивов или их основ.

Тем самым устанавливаются вторичные формально-семантические корреляции, втягивающие затем данные онимы-квалитативы в соответствующую экспрессивную микросистему. Ср., например, канонические ЛИ *Кирилл*, *Кир*, *Киприан* и народные формы *Чурило*, *Чур*, *Чупреян*, *Чупря*, возникшие, вероятно, не без влияния экспрессивной базы *чу-*, сформировавшей еще до включения в русский антропонимикон указанных ЛИ экспрессивное гнездо с данной инициальной: *чур*, *чурка*, *чупря*, *чумаза*, *чуварза* и пр. с общим смыслом 'грязный, плохой, глупый' (о таких словах см.: [Попов 1957: 34]).

Подробный анализ – этимолого-когнитивный (о принципах которого следует написать специальную работу, учитывая, что с написания докторской диссертации прошло уже почти 10 лет, а для современной нашей лингвистики – это очень большой срок!) – имени *Кирилл* и связанных с ним экспрессивов с начальной базой *кур-* опубликован в сборнике, посвященном 90-летию нашего Учителя Кирилла Алексеевича Тимофеева [Шарифуллин 2004]. Кстати, он когда-то и обратил наше внимание на феномен экспрессивности: тема нашей дипломной работы была «Лексемы с семантикой 'bonus' в славянских языках и их

индоевропейские истоки», иначе говоря – *хороший, прекрасный, великолепный, клёвый, железный...* и аналогичные соответствия в славянских и иных индоевропейских языках. К сожалению, текст той нашей дипломной работы не сохранился, там были некоторые интересные наблюдения...

Ибо – неофициальным, но единственным – консультантом нашей дипломной работы был Игорь Александрович Мельчук. «Экспрессивность» с позиций формально-семантико-прагматических мы с ним тогда, до его «отъезда from the USSR» в 1975 г., «разбирали» – на большом, как говорится, фактическом материале разных форм и вариантов русского языка, а также и других языков. Большая часть этого материала по понятным причинам в текст дипломной работы не вошла. Но понимание экспрессивности осталось...

Поэтому можем только подтвердить, что явление экспрессивной деономизации антропонимов широко представлено в различных вариантах русского языка, для которых особенно характерна экспрессивная функция речевого общения. Одни из них соотносятся с полной (канонической или народной) формой ЛИ – ср. в русском аргот: *фёкла* 'картошка', *макар* 'неизвестный преступник', *прасковья* 'параша (также, кстати, экспрессивный квалитатив того же ЛИ)'. Другие представляют результаты экспрессивации квалитативов или внешне подобны им: аргот. *лёха* 'бестолковый; мужик, лох', *аноха* 'слабоумный', *машка* 'уголовница; сожительница', диал. *алёха, алеша* (ср. рассказ В.М. Шукшина «Алёша Бесконвойный»), *афоня* 'о бестолковом и безобидном человеке', сленг, *наташка, дашка, машка* 'девушка, обычно легкого поведения' и т. п. В случае жаргонизмов следует иметь в виду и возможность реализации в экспрессивном пространстве языка механизмов фонетической мимикрии и языковой игры.

Общий вывод? Он достаточно прост, но и сложен: экспрессивное пространство русской речи многомерно, и его довольно значимым компонентом является русская антропонимика, сама по себе тоже весьма неоднозначная. Что же делать – таково это самое пространство русского речевого взаимодействия вообще. В которое и мы, лингвисты, тоже «погружены». Со всеми «вытекающими» отсюда.

Библиографический список

1. Горбаневский, М.В. Ономастика в художественной литературе / М.В. Горбаневский. – М., 1984.
2. Попов, А.И. Из истории лексики языков Восточной Европы / А.И. Попов. – Л., 1957.
3. Степанова, Ф.В. Русский женский антропонимикон в культурно-генетическом аспекте: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ф.В. Степанова. – Кемерово, 2006.
4. Топоров, В.Н. Заметки о растительном коде основного мифа (перец, петрушка и т. п.) / В.Н. Топоров // Балканский лингвистический сборник. – М., 1977.
5. Успенский, Б.А. Филологические разыскания в области славянских древностей (Реликты язычества в восточнославянском культе Николая Мирликийского) / Б.А. Успенский. – М., 1982.
6. Цоллер, В.Н. Экспрессивная лексика: семантика и прагматика / В.Н. Цоллер // Филологические науки. – 1995. – № 6.
7. Шарифуллин, Б.Я. Проблемы этимологического изучения русской лексики Сибири: экспрессивный фонд языка: дис. ... д-ра филол. наук / Б.Я. Шарифуллин. – Красноярск, 1998.

8. Шарифуллин, Б.Я. Генетические аспекты языковой экспрессивности: Когнитивный подход к описанию одного недискретного пространства / Б.Я. Шарифуллин // Лингвистический ежегодник Сибири. – Красноярск, 2000. – Вып. 2. – С. 7–23.
9. Шарифуллин, Б. Я. Арготическая лексика в «Толковом словаре» Вл. Даля: этимологические версии / Б.Я. Шарифуллин // Владимир Даль и современная филология: материалы междунар. науч. конф. – Новгород, 2001. – Ч. 2. – С. 34–39.
10. Шарифуллин, Б.Я. ЕΛΛΗΝΙΚΗ – ΡΩΣΣΙΚΗ: *КУРОЛЕСИТЬ* // ΤΕΧΝΗ ΓΡΑΜΜΑΤΙΚΗΣ (Искусство грамматики) / Б.Я. Шарифуллин. – Вып. 1, посвященный 90-летию профессора К.А. Тимофеева. – Новосибирск, 2004.
11. Юрина, Е.А. Комплексное исследование образной лексики русского языка: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Е.А. Юрина. – Томск, 2005.

АННОТАЦИИ

Э.А. Бабаев

ПОЛИТИКА КАНАДЫ В ОТНОШЕНИИ СТРАН АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА В 1970-е ГОДЫ

Статья посвящена анализу канадской политики в отношении важнейших для Канады стран региона: Японии, Китая, Австралии и Новой Зеландии. Главное внимание в ней уделяется усилиям канадского руководства в политической и экономической областях. В качестве основных источников статьи выступают канадские документы и литература.

В.И. Воробьев

ВЛИЯНИЕ УРОВНЯ ГРАМОТНОСТИ СОЛДАТ НА БОЕСПОСОБНОСТЬ НАЦИОНАЛЬНЫХ АРМИЙ (НА ПРИМЕРЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ)

Статья посвящена выяснению влияния грамотности, которая является фундаментом общей культуры населения любой нации, на военную культуру офицеров и солдат, что проявляется в умении вести боевые действия с минимальными потерями.

А.В. Зберовский

СОЦИАЛЬНЫЙ ПОДТЕКСТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПЕДАГОГИКИ СОКРАТА АФИНСКОГО

Статья посвящена анализу тех взглядов Сократа на воспитание юношества, что оказались оппозиционными для афинской демократии и в конечном итоге привели к казни великого философа.

М.Ю. Зырянов

НЕКОТОРЫЕ КЛЮЧЕВЫЕ АСПЕКТЫ СОЦИАЛИЗАЦИИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В статье анализируется специфика процесса социализации в российском обществе. Рассматриваются кризис культуры и нравственности, связь права с исторически сформированными общественными ценностями. Намечаются пути и способы нормализации процесса социализации в целях оздоровления социальной обстановки в стране.

Г.В. Массон

**ПОНИМАНИЕ РЕАЛЬНОГО МИРА СОВРЕМЕННЫМ ПОЖИЛЫМ ЧЕЛОВЕКОМ
(ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВАЯ КОНЦЕПЦИЯ)**

Статья посвящена ценностям и понятиям о реальном мире пожилого человека с точки зрения современной практической философии и психологии.

Л.А. Миндибекова

МОЛОДЕЖНЫЙ РЫНОК ТРУДА: ПРОБЛЕМА ТРУДОУСТРОЙСТВА

В статье рассматриваются особенности формирования молодежного рынка труда, конкретизируется его возрастная структура. Раскрываются количественная и качественные характеристики трудового потенциала молодежи, сформировавшегося на данном этапе развития общества. Определяются основные проблемы молодежи в сфере занятости. Особое внимание уделяется проблемам, связанным с высоким уровнем безработицы среди молодежи.

В.В. Минеев

В ПОИСКАХ ОСНОВАНИЙ НАУКИ: ПРОБЛЕМА РАЦИОНАЛЬНОСТИ

В статье рассматривается один из бесчисленных аспектов проблемы научной рациональности. Обращается внимание на укорененность интуиции рациональности в представлениях о самосохранении как об основном законе человеческого существования и на недостаточность этих представлений для прояснения оснований научного знания. Очевидно, преодоление так называемого «кризиса научной рациональности» предполагает обращение не столько к логико-эпистемологическим, сколько к ценностным аспектам научного знания. Обретение теоретических знаний необходимо рассматривать не только как средство преобразования материальной действительности, средство физического выживания, но и как самоценность, цель человеческого существования.

К.А. Рогов

**ПРОБЛЕМА ЗАРОЖДЕНИЯ МАРКСИЗМА В РОССИИ
В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ**

Основной вопрос, поставленный в статье, касается противоречия между нарастающим интересом к марксистской теории в научно-исследовательских кругах России и отсутствием монографических исследований по теме, что говорит о том, что «Русский марксизм» весьма неоднородное явление и требует анализа различных общественно-политических течений в разные периоды времени.

Ю.Н. Рыжская

**ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И ИНТЕЛЛИГЕНТНОСТЬ В ОЦЕНКАХ СТУДЕНЧЕСКОЙ
МОЛОДЕЖИ (ПО МАТЕРИАЛАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)**

В статье изложен анализ студенческих представлений об интеллигенции и интеллигентности.

Т.В. Смирнова

**ОСОБЕННОСТИ ЭСТЕТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ
СТУДЕНТОВ ИНЖЕНЕРНЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ
В ПРОЦЕССЕ ИЗУЧЕНИЯ ОСНОВ ДИЗАЙНА**

В статье обосновывается необходимость эстетического образования студентов инженерных специальностей. Автор рассматривает особенности подготовки инженеров-технологов по направлениям специализаций, в которой важное место занимает изучение основ дизайнерской деятельности.

М.А. Устюгов

ПОЛИТИЧЕСКИЙ РЕЖИМ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Наша страна сравнительно недавно, если брать во внимание исторические вехи, встала на путь демократического развития. И для нас очень важно понять, что и каким образом происходит в нашей стране, какую демократию мы строим? К какому политическому режиму мы придем?

С.П. Штумпф

**ЧЕЛОВЕКРАЗМЕРНАЯ ПЕРСПЕКТИВА
РАЗВИТИЯ ДУХОВНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ:
ИЛЛЮЗИЯ И РЕАЛЬНОСТЬ**

Сегодня проблемы человекоразмерности, духовности как никогда остры для нашего государства. В данной статье определяется необходимость постижения нового уровня размерности человеческого бытия, вписанного в технологический век со всеми атрибутами современности, но с неизменным приоритетом универсальных, общечеловеческих ценностей – духовности, гуманизма, человекоразмерности – на всех уровнях организации социального и индивидуального миров.

С.П. Васильева

МЕНТАЛЬНЫЙ ОБРАЗ ПРИРОДЫ В ТОПОНИМИИ ПРИАНГАРЬЯ

В статье структурирован ментальный образ Природы (Почва, Флора, Фауна) на материале русской топонимии Приангарья. Структурными единицами ментального уровня избраны идеографические поля, семантического уровня – се-

мантические поля. Набор номинативных моделей топонимии позволяет выявить ментальные стереотипы восприятия природы приангарцами.

А.Ю. Колпаков

«МЁРТВЫЙ ДОМ» ДОСТОЕВСКОГО: ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ ОПЫТ КАТОРГИ

Принятому в науке утверждению, что каторга оказала «просветляющее» воздействие на писателя, в статье противопоставлена точка зрения о крайнем обострении экзистенциальных состояний Достоевского в остроге. Их источником была слабость личности писателя, позволившая ему вынести требование «быть человеком». Это стало причиной ощущения вины, которое преследовало Достоевского до конца жизни.

Н.В. Пушкарева

**ПОДТЕКСТ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ:
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ, СЕМАНТИЧЕСКИЕ ТИПЫ**

Ряд синтаксических конструкций привносит в текст такие дополнительные смыслы, как ирония, сарказм, патетика, непонимание и т. д. В статье рассматриваются семантические типы подтекста и лингвистические способы их выражения в классической и современной русской литературе. Д.В. Руднев

**ИЗМЕНЕНИЯ В СПОСОБАХ ВЫРАЖЕНИЯ
ПОДЛЕЖАЩЕГО И ПОЯВЛЕНИЕ НОВЫХ СВЯЗОК
В XVIII ВЕКЕ**

В статье исследуется взаимосвязь распространения в русском языке в XVIII веке инфинитивного подлежащего и возникновения трех новых связок – *значит*, *это*, *вот*. В общих чертах прослеживается история новых связок в XIX веке.

Б.Я. Шарифуллин

РУССКИЙ АНТРОПОНИМИКОН В ЭКСПРЕССИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

В статье рассмотрены когнитивно-этимологические параметры включения русских антропонимов (личных имен) в экспрессивное пространство русского языка, в котором происходили и происходят различного рода формально-семантические корреляции между ономастической и апеллятивной природой слов.

ABSTRACTS

E.A. Babaev

CANADA'S POLICY AS REGARDS THE ASIA-PACIFIC REGION IN THE 1970-S

The article analyses political and economic relations between Canada and the main countries of the region: Japan, China, Australia and New Zealand. The efforts of the Canadian authorities in the sphere mentioned above are paid special attention to. The major sources of information in this article are Canadian documents and literature.

V.I. Vorobyev

SOLDIERS' LITERACY LEVEL INFLUENCE ON THE COMBAT EFFECTIVENESS OF NATIONAL ARMIES (BY THE EXAMPLE OF THE FIRST WORLD WAR)

The article analyses how literacy, which is the basis of general culture of the population of any nation, influences the military culture of officers and soldiers. This is manifested in their ability to conduct warfare with minimal losses.

A.V. Zberovsky

SOCIAL IMPLICATION OF SOCRATES'S POLITICAL PEDAGOGY

The article is devoted to the analysis of Socrates's views on up-bringing of the youth. These views turned out to be in opposition to Athenian democracy, and eventually this led to the execution of the great philosopher.

M.Yu. Zyryanov

SOME KEY ASPECTS OF SOCIALIZATION IN CONTEMPORARY RUSSIA

In this article the specificity of socialization process in Russian society is analyzed. The cultural and moral crises, the linkage of law with historically developed social values are also under consideration. To improve the social situation in the country methods and ways for normalization of the socialization process are suggested

G.V. Masson

THE CONCEPTION OF CONTEMPORARY REAL WORLD BY ELDERLY PERSON

The article is dedicated to the study of real world values and notions of an elderly person, which are considered by modern practical philosophy and psychology.

L.A. Mindibekova

YOUTH LABOR MARKET: THE PROBLEM OF JOB PLACEMENT

In the article distinctive features of the youth labor market formation are considered and its age structure is specified. Quantitative and qualitative characteristics of the youth labor potential formed at the given stage of society development are exposed. The main problems of young people in terms of employment are determined. Special attention is paid to the problems related to a high level of unemployment among young people.

V.V. Mineyev

SEARCHING FOR SCIENCE FOUNDATIONS: THE PROBLEM OF RATIONALITY

Some aspects of the problem of scientific rationality are considered in the article. Scientific learning should be encouraged as a value in itself, as a goal of our existence. That is the crucial point of the article. It would be impossible to cope with the so called crisis of scientific rationality in case only logical matters and scientific language improved.

K.A. Rogov

**THE PROBLEM OF MARXISM INITIATION IN RUSSIA
AS PRESENTED IN NATIVE HISTORIOGRAPHY**

The main question raised in the article concerns the contradictions between the growing interest to the Marxist theory in the research circles, on the one hand, and the absence of monographic researches on the theme, on the other. This situation testifies to the fact that «Russian Marxism» is quite a heterogeneous phenomenon and requires a careful analysis of various social-political trends developing at different historical periods.

Yu.N. Ryzhaya

VALUE ORIENTATIONS OF RUSSIAN STUDENTS

This article contains the analysis of students' opinions of intelligentsia, intelligence and good breeding.

T.V. Smirnova

**STUDYING THE FOUNDATIONS OF DESIGNING AS A PECULIAR FEATURE
OF EDUCATION FOR STUDENTS OF ENGINEERING SPECIALITIES**

The necessity of aesthetic education for the students of engineering specialities is being substantiated in the article. The author gives examples of some specific fea-

tures characteristic of engineers-technologists' training. The study of designer's activities foundations plays an important role in this process.

M.A. Ustyugov

POLITICAL REGIME OF CONTEMPORARY RUSSIA

If to take into consideration historical landmarks, our country has rather recently settled down to the course of democratic development. And for us it is very important to understand what way we are going along in terms of political reconstruction, what kind of democracy are we building? What political regime shall we come to?

S.P. Shtumpf

HUMAN-SCALE PERSPECTIVE FOR THE DEVELOPMENT OF SPIRITUALITY IN MODERN SOCIETY: ILLUSIONS AND REALITY

Today the problem of human-scale dimensionality approach and the problem of spirituality is extremely acute for our country. In the article the necessity of reaching a new level of human existence dimensionality with all the attributes of contemporary life is stressed. The overwhelming development of technology so characteristic of our age by no means abolishes the priority of universal human values – spirituality, humanism, human-scale dimensionality – over material aspects of life.

S.P. Vasileva

MENTAL REPRESENTATION OF NATURE IN THE TOPONYMY OF THE ANGARA RIVER REGION

The article contains the structured mental representation of nature (Soil, Flora and Fauna) on the basis of Russian toponymy of the Angara River region. Ideographic fields were chosen as structural units for the mental level and semantic fields – for the semantic level, correspondingly. The set of nominative toponymic models allows to identify mental stereotypes of the nature perception by inhabitants of the Angara River region.

A.Yu. Kolpakov

DOSTOEVSKY'S 'THE HOUSE OF THE DEAD': EXISTENTIAL EXPERIENCE OF PENAL COLONY

The article disproves a convention that penal colony «enlightened» the Russian writer. The prison life highly escalated Dostoevsky's existential states rooted in the personality's weakness – but it brought to life «be a man» maxim. And it triggered a feeling of guilt that haunted Dostoevsky till the end of his life.

N.V. Pushkareva

**IMPLICATION IN BELLE-LETTRE TEXTS: LINGUISTIC MEANS
OF EXPRESSIVENESS, SEMANTIC TYPES**

Different combinations of syntactical elements bring into the text such additional meanings as irony, sarcasm, pathetics, misunderstanding, etc. Semantic types of covert sense and linguistic methods of its implementation in classical and modern Russian literature are described in the article.

D.V. Rudnev

**CHANGES IN THE WAYS OF SUBJECT EXPRESSION AND THE APPEARANCE
OF NEW COPULAS IN THE XVIII CENTURY**

The article deals with the correlation between the dissemination of infinitive subject in the Russian language of XVIII century, on the one hand, and the appearance of three new copulas (verb *znachit'*, pronouns *eto* and *vot*), on the other. There is also a general overview of the history of new copulas development in the XIX century.

B.Ya. Sharifullin

RUSSIAN ANTHROPONYMICON IN EXPRESSIVE SPACE

The cognitive and etymological parameters of the inclusion of Russian anthroponymes (personal names) into the expressive space of the Russian language are considered in this paper. In this space various formal – semantic correlations between onomastical and appellative aspects of the nature of Russian expressive words take place.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Бабаев Эльчин Азизович* – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории КГПУ им. В.П. Астафьева.
- Воробьев Вячеслав Иванович* – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории КГПУ им. В.П. Астафьева.
- Зберовский Андрей Викторович* – кандидат философских наук, доцент кафедры всеобщей истории КГПУ им. В.П. Астафьева.
- Зырянов Михаил Юрьевич* – аспирант кафедры философии и социологии КГПУ им. В.П. Астафьева.
- Массон Галина Владимировна* – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии управления КГПУ им. В.П. Астафьева.
- Миндибекова Людмила Анатольевна* – директор института непрерывного педагогического образования Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова, доктор социологических наук, профессор.
- Минеев Валерий Валерьевич* – доктор философских наук, профессор кафедры философии и социологии КГПУ им. В.П. Астафьева.
- Рогов Константин Александрович* – аспирант кафедры философии и социологии КГПУ им. В.П. Астафьева.
- Рыжая Юлия Николаевна* – аспирант кафедры философии и социологии КГПУ им. В.П. Астафьева.
- Смирнова Татьяна Владимировна* – старший преподаватель кафедры культурологии института цветных металлов и золота СФУ.
- Устюгов* – аспирант Тюменского государственного уни-

-
- Михаил Александрович* университета.
- Штумпф
Светлана Петровна* – старший преподаватель кафедры философии и социологии КГПУ им. В.П. Астафьева.
- Васильева
Светлана Петровна* – кандидат филологических наук, доцент КГПУ им. В.П. Астафьева.
- Колпаков
Алексей Юрьевич* – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы КГПУ им. В.П. Астафьева.
- Пушкарева
Наталия Викторовна* – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета.
- Руднев
Дмитрий
Владимирович* – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского языка филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета.
- Шарифуллин
Борис Яхиевич* – доктор филологических наук, профессор, зав. лабораторией речевой коммуникации Лесосибирского педагогического института филиала СФУ.

ВЕСТНИК
Красноярского государственного
педагогического университета им. В.П. Астафьева
2007 (3)

Редактор М.А. Исакова
Корректор С.Ю. Глазунова
Верстка М.Л. Гукайло

660049, Красноярск, ул. А. Лебедевой, 89.
Редакционно-издательский отдел КГПУ,
т. 22-12-89

Подписано в печать 17.12.07. Формат 60x84 1/8.
Усл. печ. л. 16,74. Бумага офсетная.
Тираж 1000 экз. Заказ 407. Цена договорная

Отпечатано ИПК КГПУ,
т. 23-48-60